

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Середа В. Т.</i> Концепция гуманизма в литературе европейских социалистических стран 60—70-х годов	3
<i>Хромов С. С., Костюшко И. И.</i> Связи российского и германского рабочего движения (до 1914 г.)	14
<i>Тарасов О. Ю.</i> Польско-румынский союз в восточноевропейской политике правительства А. Мильерана (январь — сентябрь 1920 г.)	36
<i>Билек Й.</i> (ЧССР) Вклад Г. Я. Мейснера в развитие чешско-русских литературных связей	49
<i>Гудимова С. А.</i> Особенности музыкальной жизни Польши 50-х годов XIX века	53
<i>Мурьянов М. Ф.</i> Миняя как тип средневековой книги	64
<i>Орел В. Э.</i> К вопросу о происхождении одного славянского названия постройки	79

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Дьяков В. А.</i> Итоги работы советских историков-славистов (1945—1984)	85
--	----

5

1985

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Польвянский Д. И.</i> Български средновековни градове и крепости. Т. I. Градове и крепости по Дунав и Черно море	99
<i>Титова Л.</i> Новые книги о чешском театре межвоенного периода	102
<i>Страхова О. Б.</i> Н. Б. Мечковская. Ранние восточнославянские грамматики	103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Проколова И. И.</i> Конференция АН СССР	106
<i>Крапивин А. В.</i> Чтения, посвященные памяти академика В. И. Пичеты	107
<i>Воробьева И. Г.</i> Славяноведение на кафедре истории древнего мира и средних веков Калининского государственного университета	108

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

СЕРЕДА В. Т.

КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН 60—70-Х ГОДОВ

Большое внимание исследователей современного литературного процесса привлекает концепция гуманизма в литературе европейских социалистических стран. Ее развитие в период 60—70-х годов стало предметом обсуждения и дискуссии на советско-венгерском симпозиуме, состоявшемся в сентябре 1984 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР.

Актуальность подхода к современным литературам европейских социалистических стран с точки зрения воплощенной в них концепции гуманизма подчеркнул директор Института Д. Ф. Марков. Художественный прогресс, — отметил он, — определяется целым комплексом черт и признаков, однако главной мерой его всегда является гуманизм. Критерий оценки художественного явления — это прежде всего выраженная в нем концепция человеческой личности. Мы воспринимаем концепцию человека как социально-историческую категорию, формирующуюся в процессе общественного бытия. В истории литературы проявлялись и проявляются разные концепции человеческой личности, среди них — и антигуманистические. Но правдивое искусство всегда гуманистично. Гуманизм передового искусства развивается от простейших форм — сочувствия к человеку, заботы о нем — до активного поиска путей улучшения человеческой жизни. Социалистический реализм, наследуя прогрессивные традиции прошлого, утверждает новый тип гуманизма, закономерно возникший как продолжение в новую эпоху общего устремления демократического искусства к постижению социальной и духовно-нравственной свободы человека. В социалистическом гуманизме находят свое выражение идеи гармоничного развития человека, подлинно человеческих отношений людей друг к другу, к природе и обществу.

Именно гуманистическая сила социалистического искусства — главный двигатель художественного прогресса нашей эпохи. В современной идеологической борьбе, масштабы которой включают весь спектр человеческих ценностей, социалистическое искусство ведет бой за человека, открывая перед ним реальные перспективы совершенствования жизни. В отличие от современных модернистских течений, оно утверждает не отчуждение человека, не неверие в него, а его возвышение, его реальное участие в общем прогрессе человечества. Величайшим завоеванием этого искусства является изображение человека в органической связи с исторической борьбой народных масс. В ней, собственно, человеческая личность черпает мотивы для своих действий, для своего духовного и нравственного обогащения. В этой диалектике взаимоотношений личности и народа кроется разгадка невиданной субъективно-творческой активности социалистических художников.

На разных этапах развития социалистических литератур менялась и воплощаемая в них концепция гуманизма. В 40-е годы имели место догматические, упрощенные представления о гуманизме, но огульно зачеркивать этот период нельзя, ведь в эти годы были созданы и значительные произведения гуманистического звучания. В середине 50-х годов проявлялись иные крайности — отход от принципа социальной обусловленности, формалистические тенденции. Задача литературоведов наших стран — показать несостоятельность этих крайностей с позиций последовательно проводимых принципов гуманизма. Следует также учитывать сложность ситуации в литературах, где наряду с социалистическими писателями выступают писатели общедемократической направленности. Нужно видеть их движение к социально активному гуманизму, но замечать и встречающиеся подчас несоциалистические тенденции. Утверждать преимущества социалистического искусства, по мнению Д. Ф. Маркова, значит показывать, какими широкими возможностями обладает оно в правдивом изображении жизни, что нового, в том числе и в сфере художественной изобразительности, вносит литература социалистического гуманизма в современное искусство.

Важность проблемы гуманистического содержания литературы подчеркнул Д. Боднар. Эта проблема — отметил он, — служит своего рода общим знаменателем при сопоставлении литератур различных регионов, позволяет рассматривать новаторство социалистических литератур в тесном сопряжении с прогрессивными устремлениями мировой литературы.

Ю. В. Богданов, рассматривая идею гуманизма и современный этап развития социалистических литератур, показал, как менялось содержание категории гуманизма на разных этапах развития советской литературы и литератур других социалистических стран. Понятие «гуманизм» означает «человечность», «человеческое начало», органически присущие любому подлинному искусству. Учитывая длительное бытие этой идеи в истории цивилизации, мы вместе с тем должны стремиться к уяснению ее современной специфики, конкретно-исторического преломления в обществе и литературе наших дней. Методологической опорой для исследователей социалистического искусства является марксистско-ленинская трактовка гуманизма, не только вобравшая в себя рациональное содержание многовековой гуманистической традиции, но главное — дающая идее гуманизма последовательное историко-материалистическое объяснение, позволяющая точнее определить диалектику ее постоянного обнаружения и обогащения.

Главным показателем уровня развития цивилизации является, по Марксу, мера развития человеческой личности: «Точка зрения старого материализма есть „гражданское“ общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество» [I, т. 3, с. 4]. Высшая цель социально-общественного прогресса — создание материальных и духовных предпосылок для «абсолютного высвобождения творческих дарований человека», «полного самоопределения индивида». Коммунизм в этом смысле рассматривается Марксом как «завершенный гуманизм» [I, т. 42, с. 116]. С высоты подобного философского истолкования универсальная функция современной литературы состоит в выявлении качественных особенностей гуманизма, запрограммированных новой общественно-экономической формацией и постепенно воплощаемых в жизнь по мере развития и совершенствования реального социализма. Поэтому актуальной задачей является сегодня освещение эпохи социализма с точки зрения накопления качеств социалистического гуманизма, а социалистического этапа литературного развития как закономерного, исторически обусловленного, качественно нового звена в общем национальном (в контексте интернационального) общественно-культурном и художественном прогрессе.

Прочной основой для такого подхода стала разработанная КПСС и другими братскими коммунистическими партиями современная концепция развитого социализма, важнейшее место в которой заняло положение о постепенном превращении социалистической системы в органичес-

кую целостность. В методологическом плане это означало, что социализм перестал рассматриваться, как это нередко случалось в 40—50-е годы, в качестве некоего промежуточного состояния, подлежащего скорейшему «преодолению»; стало очевидно, что он представляет собой длительную стадию развития нового общественного строя, в перспективе устремленного к коммунизму и в то же время характеризующегося собственными этапами и ступенями. Все это имело и имеет непосредственное отношение к литературе.

При анализе послевоенного литературного процесса как целостного явления общественной жизни отчетливо видно, что в переходный период общественное бытие преломлялось в общественном сознании прежде всего через социально-политические категории. На передний план в этот момент закономерно выступали самые общие, принципиальные координаты, определявшие суть революционной ситуации.

После победы социалистической революции, с построением основ социализма, с уяснением необратимости произошедших исторических перемен меняется и состояние общественного сознания. В развитии нового общественного строя, опирающегося на собственную основу, вступающего в фазу системной зрелости все отчетливее проявляется действие закономерностей, присущих именно социализму. Усиливается роль интегрирующих факторов, направленных на укрепление морально-политического единства всех слоев социалистического общества. Одновременно набирает силу процесс внутренней дифференциации, прогрессивного усложнения действительности, связанного с закономерно возрастающей творческой активностью человеческой личности, с выявлением ее индивидуальной неповторимости. На передний план выдвигаются социально-нравственные идеи, служащие показателем увеличивающейся значимости и растущего интереса к более глубоким, качественно новым пластам общественного бытия. Идея социально-исторического самоопределения человека, служившая главным источником, «мотором» художественного прогресса на первом этапе послевоенного развития литературы социалистических стран, впоследствии качественно обогащается, оборачивается важнейшей гранью социально-нравственного самоопределения личности.

Задача выявления индивидуальной неповторимости человеческой личности, теснейшим образом связанная с конкретизацией общей идеи социалистического гуманизма, оказываясь в центре внимания литературы, активно порождает все новые формы и способы художественного обобщения, стимулирует поток «неожиданных» по содержанию и художественному облику произведений. В советской литературной критике последнего времени все чаще в этой связи говорится о полифонии правдивого изображения жизни, о смысловой многозначности и многоаспектности конфликтов в современной литературе, о многомерности героев, полимотивности их поведения и т. п. В области теории все это получает отражение и успешно закрепляется в новой трактовке социалистического реализма как исторически открытой системы правдивого изображения жизни.

Б. Помогач осветил эволюцию концепции гуманизма в литературе ВНР на протяжении 60—70-х годов. В поэзии в этот период окрепло чувство солидарности с идеями и перспективами социализма, выявились новые типы и варианты общественной ангажированности художника, богаче стали формы ее выражения. В творчестве поэтов социалистической идейной направленности (Л. Беньямина, Г. Гараи, М. Вац, Л. Надя, Ф. Юхаса), в соответствии с требованиями эпохи, мерой гражданственности стало не столько служение сиюминутной злободневности, сколько активное и творчески-самостоятельное участие поэта в осмыслении больших нерешенных проблем своего времени. Содержательное обогащение идей гуманизма привело к углублению эстетического постижения действительности и в многообразных жанровых разновидностях венгерской прозы — романе «исторических расчетов», в котором подводились нравственные итоги ближайшего и отдаленного прошлого, проблемно-аналитической социографии, интеллектуально-философском романе. Концепция гуманизма объединяет сегодня в венгерской литературе художников

различной, как социалистической, так и общедемократической направленности, является широкой платформой сотрудничества всех конструктивных сил в духовной жизни ВНР. Об идеях гуманизма в венгерской поэзии 70-х годов говорил Д. Твердота, раскрывший преемственные связи современной венгерской поэзии с активно гуманистическими, антифашистскими традициями 30-х — первой половины 40-х годов. Программа защиты гуманистических ценностей, идеалы свободолюбия, демократии, уважения к разуму и человеческому достоинству, идея дружбы с соседними народами, противопоставленные фашистскому варварству в творчестве А. Йожефа, М. Радноти, М. Бабича и многих других прогрессивных писателей, и сегодня определяют концепцию личности, нравственный пафос и образный строй венгерской поэзии. Особенно наглядно прослеживается эта преемственность в лирике старшего поколения — Д. Ийеша, И. Ваша, Э. Зелка, Л. Беньямина, Д. Ронаи, для которых война явилась не только драматическим жизненным испытанием, но и экзаменом на творческую зрелость. Паряду с ними традиции антифашистского гуманизма продолжает в современной венгерской поэзии поколение, творчество которого развернулось после освобождения Венгрии от фашизма (Л. Надь, И. Шимон, Я. Пилински), и поэты, вступившие в литературу в середине 50-х годов (Г. Гараи, Й. Фодор и др.). Претерпевшая изменения в отдельных чертах и акцентах, формула гуманизма, сложившаяся в русле антифашистской традиции, в основе своей оставалась в 70-е годы неизменной. В 80-е годы, когда в венгерской поэзии главенствующую роль будет играть поколение, выросшее в условиях общественно-политической консолидации, концепция гуманизма, как считает Д. Твердота, по всей вероятности трансформируется. Перед читателем развернется иная, возможно, менее драматичная формула гуманизма, в которой наряду с человеком страдающим и борющимся большее место получит и homo ludens — человек играющий.

В 70-е годы, по мнению П. Дерци, заметные изменения как с точки зрения концепции личности, так и поэтики, претерпела венгерская проза. Если в предшествующее десятилетие преобладающим жанром была повесть, в которой действительность либо отображалась в ее социально-исторических взаимосвязях, либо обобщалась в форме абстрактной притчи, то в 70-е годы в прозе утверждается роман, возрастает внимание к внутреннему миру героев, происходит глубокая стилевая и тематическая дифференциация. В многообразном потоке венгерской прозы нового этапа можно выделить три направления. Первое из них — традиционно реалистическое — связано с именами Э. Галгопи, Ф. Каринги, И. Галла, творчество которых отличается социально-критическим пафосом и общественно значимой проблематикой. Второе направление объединяет различные виды документально-мемуарной литературы. Важнейшим признаком этой прозы является то, что организующим центром произведения выступает личность, сквозь призму которой рассматриваются и получают истолкование большие исторические и общественные сдвиги. Заслугой документально-художественной прозы (романов Д. Ийеша, Т. Череша, А. Шимонфи, И. Ваша и др.) П. Дерци считает реабилитацию важности личности и личного — в противовес прежним романским формам, в которых акцентировался главным образом социально-исторический контекст.

В качестве третьего и наиболее значительного направления в венгерской прозе 70-х годов П. Дерци выделяет так называемую экспериментальную прозу писателей младшего поколения — П. Эстерхази, П. Надаша, П. Лендела, П. Хайноци, Г. Беремени и др. Произведения этих прозаиков, наряду с подчеркнутой субъективностью, вниманием к «микростории» (семейные романы), отличают отход от традиционных способов повествования, преобразование структуры и поэтики романа.

В. Т. Середа видит характерные тенденции венгерской прозы последних двух десятилетий, с одной стороны, в обостренном внимании художников к внутреннему миру личности, особой чувствительности к индивидуальному началу в деятельности и мышлении людей, с другой —

в необычайно широком обращении писателей к опыту истории. В изменении характера венгерской прозы, несомненно, сказалось возросшее значение личности на новом этапе общественного развития, утверждение ее суверенности как безусловной ценности социализма. Вместе с тем, социалистически осознанный гуманизм предполагает всемерный учет исторического опыта, историзм художественного мышления.

В венгерской прозе 60-х годов сложные сопряжения личности и истории исследовались преимущественно на материале острых классовых столкновений, драматического переустройства общества на социалистических началах («Двадцать часов» Ф. Шанты, «Пьяный дождь» Й. Дарваша). Обращение к истории как событиям прошлого становится примечательной чертой венгерской прозы, начиная с 70-х годов. На передний план, соответственно, выступают исторические жанры: исторический роман, историческое эссе, мемуарно-биографическая литература. Этот поворот нельзя расценивать как стремление прозаиков уйти от актуальных вопросов времени. Он отражает, скорее, потребность социалистического общества в освоении всего прошлого как предыстории современности и в осмыслении современности как звена в цепи исторического развития. Вместе с тем обращение к истории дает различные идейно-художественные результаты, не обязательно свидетельствует об углублении историзма.

Новый подъем историческому жанру в современной венгерской прозе сообщают книги, авторы которых, восстанавливая связь времен, создают художественно полнокровных, активно участвующих в жизни эпохи героев, смело и откровенно, с реалистических позиций анализируют сложнейшие вопросы венгерской истории, национального бытия и национального сознания. Романы, созданные на этом пути («Пажи Беатриче» Д. Ййеша, «Похотливые фигуры» Т. Череша, «Солдаты страны-парома» И. Симонфи, «Чур, не считается» П. Лендела и др.) наиболее интересны и с точки зрения жанрово-стилистического обновления венгерской прозы.

Гуманистическое мировоззрение и своеобразие поэтики одного из крупнейших поэтов сегодняшней Венгрии исследуется Д. Боднаром. Творчество Ф. Юхаса, вступившего в литературу в первые послевоенные годы, неотделимо от истории социалистического общества, оно является своеобразным поэтическим синтезом эпохи, воплощением национальных и одновременно универсальных ценностей. С первых шагов в поэзии выражая идеалы новой жизни, Юхас не отворачивался и от кризисных явлений, возникавших в строительстве социализма, с необычайной интенсивностью лирического переживания отражал он тревоги и надежды своих современников. Вопросы, поставленные перед поэтом действительностью XX в., побудили его к созданию философски углубленной поэзии, путь к которой вел через внутреннюю борьбу, отталкивание от традиционных национальных образцов, поиски современного и глубоко индивидуального поэтического языка.

Темы Юхаса — это и великие революционные события венгерской истории, и проблема единства социально-исторического человека и материального мира, и отношения личности и общества, и заботы человечества, живущего под угрозой атомной катастрофы. В поэтических полотнах Юхаса возникновение мироздания и Земли выступает как предыстория цивилизации, дающая первотолчок процессу, в ходе которого материальный мир порождает материю особого рода, наделенную сознанием, — человека. Существованию этой абсолютной ценности нашего мира угрожает опасность уничтожения, которой поэт противопоставляет не только разоблачение зла, но и силу слова, силу надежды.

Гуманистические воззрения другого известного венгерского писателя — прозаика, эссеиста и драматурга Л. Немета, творчеству которого также присущи были страстные поиски решения кардинальных проблем человечества, исследуются Л. Шаргиной-Немети. Гуманистическая концепция Немета, в центре которой находилась идея нравственного самовоспитания личности, наиболее полно воплотилась в романе «Милосердие» (1965). В этом последнем прозаическом произведении Немета идет речь

об отчуждении — недуге венгерского буржуазного общества, но тема романа не отчуждение как таковое, а поиски средств к его преодолению. Общество, утверждает писатель, нуждается в связующей людей силе; замкнувшиеся в личных бедах люди обречены на одиночество, мир должен быть нравственно возрожден. Для иллюстрации этих идей Немет выбрал тяжелый период венгерской истории: 20-е годы нашего века, пору экономического и духовного кризиса, порождавшего безнадежность, отчаяние у одних и протест, стремление обрести веру в будущее у других. В романе «Милосердие», отобразившем судьбы и поиски венгерской интеллигенции в XX столетии, Немет создает свою концепцию гуманизма, в которой равное место занимают идея социализма и гуманистические традиции венгерской культуры.

Одним из первых художников, ярко раскрывших в венгерской литературе содержание социалистического гуманизма, был Й. Дарваш, творчество которого изучает Н. М. Куренная. Наиболее характерен с этой точки зрения роман Дарваша «Пьяный дождь» (1963), в котором писатель предпринял попытку проанализировать причины трагических событий в новейшей истории Венгрии, проследить роль и позицию венгерской интеллигенции, в частности творческой, в тяжелые кризисные времена второй мировой войны и контрреволюционного мятежа 1956 г. Центральной в романе является проблема социальной ответственности личности. Разоблачая несостоятельность абстрактного тезиса о коллективной, обезличенной ответственности, устами своих героев Дарваш утверждает мысль, что коллективная ответственность существует лишь при условии, когда ответственность несет каждый член коллектива.

В «Пьяном дожде» лживости и пустоте буржуазного гуманизма, в рамках которого любовь к народу проповедуется только на словах, противопоставлен действенный, преобразующий гуманизм, наполненный реальным жизненным содержанием. В романе прослеживается процесс формирования новой венгерской интеллигенции, ее взаимоотношений с классом, средой, из которых вышли ее представители.

Характерной особенностью новейшего этапа в развитии братских литератур Ю. Гусев называет масштабное осмысление в них так называемых «вечных» вопросов человеческого бытия: жизни и смерти, места человека в мире, во вселенной, связи настоящего и прошлого и т. д. Социалистическая литература в подходе к этим вопросам опирается на реальный опыт социалистического преобразования действительности, на диалектическое понимание полноты бытия как максимальной реализации всех сил и способностей человека. Поэтому стремление к эстетическому осмыслению «вечных» вопросов ведет писателей к углублению гуманистического содержания их творчества.

Философская насыщенность эстетического осмысления проблем человеческого бытия сказывается и на поэтике современных произведений, выражаясь в «лиризации» литературы, в возрастании роли личностного начала. Это, в свою очередь, предрасполагает к условным, метафорическим художественным решениям, побуждает писателей обращаться к сказочному, гротескно-фантастическому, мифологическому материалу. Однако при этом — поскольку внимание писателей сконцентрировано на существенных проблемах человеческой жизни — реалистическое отражение не только не страдает, но, напротив, обогащается и крепнет.

Концепция гуманизма в чешской поэзии 70-х годов — объект исследования С. А. Шерлаимовой. 70-е годы явились в чешской литературе началом нового этапа, характеризующегося преодолением последствий идеологического кризиса 60-х годов, восстановлением связей с традициями демократической и революционной литературы прошлого, укреплением позиций социалистического гуманизма. Все эти особенности в полной мере обнаружались и в области поэзии, где в эти годы были созданы значительные художественные ценности.

Общим знаменателем негативных тенденций в поэзии кризисного периода было «обесчеловечивание»: и в плане преобладания в поэтических текстах чисто формального или сугубо языкового эксперимента, и в плане

отрешенности лирического героя от реальной проблематики эпохи. В противовес этим тенденциям наиболее отчетливой чертой нового этапа становится гуманизация: сосредоточенность поэзии на духовной и эмоциональной проблематике реального современного человека, стремление смотреть на мир сквозь призму концепции социалистического гуманизма.

Это общее качество современной чешской поэзии реализуется в многообразии индивидуальных творческих решений, в плодотворном споре разных поэтических поколений и индивидуальных творческих манер. Этика-философская направленность этой поэзии с наибольшей силой воплотилась в творчестве В. Завады — одного из ведущих чешских поэтов XX в. Его последние поэтические книги поднимают извечную проблему противоречия бесконечности жизни и ограниченности индивидуального человеческого бытия. Заваде всегда был чужд легковесный оптимизм, это прежде всего поэт боли и тревоги за человека, но вместе с тем его стихи пронизывает ощущение полноты и красоты жизни, чувство ответственности за ее содержание.

Новую силу обрела в наши дни гражданская линия чешской поэзии, ее лучшие образцы отличает новаторство художественного раскрытия актуальной проблематики. Это подтверждает творчество И. Скалы. В стихах 70-х годов он ведет глубоко выстраданную борьбу за гуманистические ценности против эгоизма, равнодушия и потребительской морали, утверждает величие простого человека-труженика. В концепции личности в его поэзии особо выделяются черты интернационализма, уважение к народам разных стран мира.

Всецело в повседневную жизнь погружена лирика М. Флориана, которая передает новые оттенки восприятия современным человеком окружающей его действительности — города, природы, нюансы любовного чувства. Его легкие и изящные миниатюры не ошеломляют метафорами, но они свежи по образам и языку, пронизаны добрым юмором. Казалось бы, камерные и непритязательные по теме, стихи Флориана стали новым словом в развитии чешской поэзии, в формировании поэтической концепции современного человека.

Большую популярность в 70-е годы получила поэзия представителей теперь уже среднего поколения — К. Сыса, Й. Петерки, Й. Шимона, Я. Чейки и других, которая утверждалась в полемическом отталкивании от «молодой поэзии» 60-х годов. Творчество поэтов этой группы в оригинальной художественной форме затрагивает многие важные моменты современной жизни, в то же время в их произведениях немало «поискового», противоречивого, вызывающего порой возражения критики.

Эти поэты ратуют за расширение сферы поэзии, считая возможным отражать в ней любые «человеческие подробности». Некоторые их произведения вызвали поэтому упреки в чрезмерном эротизме. Есть у них и тенденция эпатирования «читателя-мещанина». В то же время это поколение характеризует приверженность лучшим традициям чешской поэзии, зачастую декларируемая и в стихах, отличает глубокое уважение к человеку труда и труду как мерилу нравственных ценностей, при подчеркнутом внимании к городу ему свойственна романтическая мечта о гармонии человека и природы.

Споры в современной чешской поэзии, споры о современной чешской поэзии, по мнению С. Шерлаимовой, это показатель не слабости ее, а растущей силы. Единая в своей основе, современная концепция социалистического гуманизма приобретает в творчестве разных поэтов различные оттенки и аспекты, по именно это способствует ее утверждению.

Трактовка гуманизма, ее изменение и обогащение всегда связаны с переосмыслением современной литературой художественных традиций прошлого. Эту тему в связи с развитием румынской прозы в 60—70-е годы исследует М. В. Фридман.

На рубеже 60—70-х годов в литературе Румынии наместились тенденции, свидетельствовавшие о поисках новых путей изображения действительности. Одновременно сказывались и новое, преимущественно негативное осмысление культурного опыта 50-х годов, и увлечение некоторой

части литераторов модернистскими экспериментами, и поиск возможностей обогащения реалистической палитры литературы.

Для многих писателей, обратившихся к «новому роману», опыт довоенной и послевоенной социалистической литературы оказался ненужным. Антиэстетическим представлялось им и обращение к ценностям народного творчества, к национальному гуманистическому наследию. В их произведениях все чаще встречался вневременной герой, «производитель ощущений», лишенный возможности равноправного общения с себе подобными. Все это неизбежно вело к размыванию личности героя. Вместо выбора активной позиции в этих произведениях предлагалось произвольное самоутверждение.

Многие писатели-реалисты активно выступали против этого, как выразился М. Преда, «социального эвазионизма» (бегства от действительности), доказывали чуждость задачам строительства нового общества и воспитания новой личности таких тенденций, как увлечение символической, герметическими образами, размывание представлений о действительности. Важнейшим аргументом в этой полемике были гуманистические традиции румынской культуры от народного творчества до замечательных произведений критического реализма XIX—XX вв.

Значительными аргументами в борьбе против модернистских увлечений выступали сами произведения таких художников слова, как Э. Станку, А. Ивасюк, В. Дуда, М. Преда, Д. Р. Попеску, Н. Бребан, Ф. Нягу, Ш. Бенулеску и других, развивающих лучшие традиции румынской литературы. Вместе с тем, их книги служили своеобразной отповедью и тем произведениям, реалистическим по своей сути, по художественному замыслу, формам воплощения, в которых авторы (И. Лэнкранжан, Д. Сэрару и др.), обращаясь к периоду строительства основ социализма в Румынии, изображали его как период гибели духовных ценностей, насилия над личностью, извращения гуманистических традиций народной жизни и т. д.

Обращение к гуманистическим традициям родной литературы, к опыту других социалистических литератур оказывало и здесь благотворное воздействие. Этим во многом следует объяснить тот факт, что представители литературы 70-х годов предпочли не изолированное сосуществование реалистических и модернистских «потоков», а интенсивный поиск путей обогащения реализма.

По проблемам гуманизма и вопросам культурного наследия в литературе ГДР 60—80-х годов высказался А. А. Гугнин. При всей преемственности трактовки проблемы гуманизма в литературе ГДР в 60-е и 70—80-е годы нетрудно заметить существенные различия, если обратиться к анализу творчества ряда крупных писателей: Ф. Фюмана, Г. де Бройна, К. Вольф и др. И сами писатели осознают эту разницу, подчеркивая, что послевоенная действительность в ГДР поначалу воспринималась ими лишь в одном, отчетливо оптимистическом ракурсе. К началу 70-х годов панорама раздвигается, действительность оказывается сложнее, как и проблема воспитания нового человека, гуманистический идеал теряет поверхностную очевидность, кажущаяся легкость становления новых социалистических отношений уступает место диалектическому осознанию ее качественной сложности и длительной протяженности во времени. У Ф. Фюмана осознание этих процессов начинается в очерке «Пустяк, в общем-то положительный» (1971), продолжается в «Прометее» (1974), где автор переосмысливает античный миф. Наиболее сложно трактуется проблема гуманизма у Фюмана в «Сайенс-фикшен» (1981). Та же усложняющаяся картина наблюдается и в трех томах «Чудодея» (1957—1981) Э. Штритматера, в «Остановке в пути» (1977) Г. Канта и «Узорах одного детства» (1976) К. Вольф.

В сходном направлении изменяется в 70-е годы отношение к культурному наследию. Если в 50—60-е годы господствующей была ориентация на классическую ясность просветителей и «веймарских классиков», то в 70-е заметно усиливается интерес к таким сложным писателям, как Гёльдерлин, Новалис, Жан-Поль, Клейст и т. д. Особое место в вопросы

культурного наследия в 70—80-е годы заняли в творчестве и эссеистике Г. де Бройна, К. Вольф, Ф. Фюмана. В те же годы широко обратилось к научному изучению проблем культурного наследия и литературоведение ГДР: появились десятки фундаментальных статей и книг. Наиболее активно разрабатывают эту проблематику Г. Кауфман, Б. Лейстнер, Р. Бернхардт, Г. Д. Данке, И. фон Вангенгейм. По мнению Г. Кауфмана, например, освоение художественного наследия прошлых эпох есть не только освоение искусства, но в не меньшей мере освоение всей человеческой истории, включая развитие экономических формаций и борьбу классов, судьбы социальных групп и отдельных личностей. Подобная трактовка культурного наследия, требующая углубленного исторического подхода к наследию прошлого, весьма далека, по мнению А. Гугнина, от преимущественно утилитарного, дидактического использования его на начальных этапах культурного строительства в ГДР.

Особенности гуманистического мировоззрения современных писателей социалистических стран рассматриваются учеными и на примере отдельных произведений крупнейших художников слова. Г. Я. Ильина исследовала концепцию личности в романе М. Крлежи «Знамена». Это произведение характеризуется ею как новаторское явление в югославской литературе 60-х годов. Никогда ранее в произведениях самого Крлежи и современных югославских писателей, наряду с беспощадной критикой системы политических, социальных, культурных и семейных отношений в капиталистическом мире, всей системы его духовных связей, не была столь убедительно раскрыта мысль о закономерности вызревания в буржуазной Югославии внутренних сил протеста, не было так масштабно показано становление и возмужание личности на пути нелегкого постижения ею правоты коммунистических идей.

Усиление личностного начала не миновало и крупномасштабную прозу, но в ней оно выступает в органическом сплаве с началом эпическим. Возрождение интереса к документу, бытовым и историческим реалиям не стало, впрочем, возвращением к «литературе факта 50-х». Теперь они интересуют художников не столько своей объективной стороной, сколько субъективным отношением к ним героя.

Крлеже всегда было свойственно умение видеть противоречия в действительности, в явлении, в человеке, обнаруживать тесно сплетенные, как бы переходящие одна в другую контрастирующие силы. Высказанное суждение, будь то мысль автора или персонажа, подвергается проверке другими мнениями, ироническому вскрытию в нем разных аспектов, парадоксальному перевоплощению в свою противоположность.

Эпическое и лирическое начала органически, не противореча друг другу, объединились в романе «Знамена» и служат единой цели — более глубокому и многомерному постижению действительности в самых разных ее проявлениях, утверждению красоты и мощи ищущей человеческой мысли.

Утверждение социалистической нравственности, борьба против потребительской психологии, равнодушия к общему делу, карьеризма, эгоизма и других отрицательных явлений, чуждых природе социалистического общества, — составная часть концепции гуманизма в современных литературах. В этом аспекте Н. Н. Пономарева рассматривает творчество С. Стратиева, занимающего почетное место в плеяде болгарских комедиографов нашего времени. Осмеивая нравственные недуги, С. Стратиев прибегает к широкому диапазону художественных средств, умело использует приемы пародии, метафорической гиперболы, гротеска и пр. Обычно в основе драматургического конфликта его пьес лежат в общем весьма реалистические ситуации, которые в результате известного заострения автором отрицательных черт действительности перерастают в ситуации нелепые, даже абсурдные, обнажающие и разоблачающие нравственные изъяны отдельных представителей современного общества.

Как правило, в пьесах С. Стратиева отрицательным силам противопоставлено положительное начало — герой, нравственный мир которого несовместим с потребительской философией мешанина, карьеристскими

устремлениями, бюрократизмом, примиренчеством и беспринципностью. Этот герой от пьесы к пьесе претерпевает известную эволюцию. Если в первой из четырех комедий Стратиева («Римская купальня») герой больше наблюдает, чем действует, то во второй («Замшевый пиджак») он гораздо более активен и непримирим по отношению к социальному злу, а в последней («Максималист») прибегает к крайним, решительным мерам, чтобы пресечь его. Он приходит к убеждению, что любой компромисс — опасная уступка миру приобретателей и потребителей, что нравственный максимализм — неперемненное условие победы над этим миром.

Претерпевает изменения и характер смеха в пьесах С. Стратиева. Постепенно в нем все слышнее становятся иронические и сатирические тона, в соответствии с тем как развитие конфликта приводит к драматическим, а иногда и трагическим коллизиям.

Смех сатирических комедий С. Стратиева беспощаден по отношению ко всем негативным силам, мешающим движению общества по пути социализма. Вместе с тем в нем чувствуется и боль драматурга за человека, не умеющего противостоять развращающему влиянию этих сил.

Югославский исторический роман 60—70-х годов с точки зрения воплощенной в нем концепции гуманизма освещает О. Л. Кириллова. В центре внимания авторов исторической прозы — М. Селимовича, М. Црнянского и других — в этот период оказывается личность, проблема ее развития и самораскрытия во имя создания подлинно гуманного общества. Именно концепция человека, понимание его сущности и назначения, его взаимоотношений с обществом вызвали большое число несходных воплощений аналогичных явлений действительности.

Произведения упомянутых авторов сопоставимы с творчеством И. Андрича, крупнейшего мастера исторического жанра в югославской литературе. В романах М. Селимовича «Дервиш и смерть» (1966) и «Крепость» (1970), созданных на материале боснийской истории, очевидна традиция, идущая от романов-хроник И. Андрича. Определенная общность с творчеством И. Андрича характерна и для романа М. Црнянского «Переселение» (1962) — и в принципе построения образной системы, и в обобщениях философского характера, осуществляемых на основе конкретно-исторического национального опыта. Эти параллели выявляют многообразие творческих путей, приводящих писателей к типологически общим художественным результатам.

В интересном аспекте — на материале очерковой литературы советских писателей о писателях зарубежных социалистических стран рассматривает разработку проблемы личности Т. П. Агапкина. Начиная с конца 40-х, но особенно в 60—70-е годы в советской литературе создается целое направление: очерки, эссе, отклики на произведения, воспоминания, путевые заметки, которые в целом позволяют создать образ современного писателя зарубежных социалистических стран. Развитие очерка этого типа совпало с процессом углубления в современной советской литературе гуманистического истолкования жизни и поиска героя сложного, многогранного, нешаблонного — а в системе литературных образов любой эпохи образ художника, творца всегда привлекает внимание и всегда значим. Характерно, что интерес советских художников слова к личности таких писателей, как Я. Ивашкевич, Д. Ийеш опережал научное исследование их творчества в нашей стране. С другой стороны, такой писатель, как Л. Мештерхази, также привлек к себе внимание в СССР, но прежде всего со стороны исследователей — как унгаристов, так и специалистов по другим литературам. Примером разного по масштабам, но гармоничного интереса и писателей, и исследователей может быть творчество и личность Л. Немета, Л. Беньямина и особенно А. Гидаша, с которым долгие годы были связаны узами дружбы многие советские литераторы. Несомненно одно, во всех случаях интерес к тому или другому зарубежному писателю всегда обуславливался яркостью и незаурядностью его как художника и человека.

В героях своих очерков — современных писателях социалистических стран — советские авторы неизменно подчеркивают их народность, глу-

бокий демократизм, «нерастраченное чувство первородства, принадлежности к народным истокам», как писал о Д. Ийеше В. Огнев.

Гуманизм Ивашкевича, Беньямина, Мештерхази, как показывают в своих очерках Н. Тихонов, К. Федин, Н. Федоренко и другие, во многом сформирован драматическими коллизиями нашего столетия — опытом минувшей войны и борьбы за предотвращение новой катастрофы. Это действенный, воинствующий гуманизм антифашистов, борцов за мир и идеи социализма. Интерес и уважение советских литераторов к писателям из европейских социалистических стран — одно из ярких свидетельств общности гуманистических устремлений социалистических литераторов.

Отмеченные исследования современных ученых способствуют уточнению представлений о гуманизме социалистического искусства как в теоретическом плане, так и в плане исследования реального, неотделимого от общественной практики литературного развития, в котором конкретное преломляются гуманистические идеалы наших дней.

Обсуждение актуальных проблем развития социалистических литератур выявляет и различия в подходе к отдельным явлениям литературного процесса и творчеству отдельных писателей. В дискуссионном плане обсуждается, например, вопрос об оценке развития венгерской литературы последних лет, о том, какие тенденции в нем доминируют: поляризация мировоззренческих и творческих позиций или сохранение единства литературных сил под общим девизом гуманизма. Поводом для полемики служат и некоторые конкретные произведения венгерских авторов — например, романы «Фильм» М. Месея и «Христова невеста» П. Хайноци, в которых выразилось крайне пессимистическое отношение к перспективам социально-исторического развития.

Вместе с тем С. Шерлаимова справедливо считает главным итогом научной дискуссии, посвященной концепции гуманизма, подтверждение единства наших представлений о социалистическом гуманизме как наиболее универсальной, при всей ее философско-идеологической конкретности, характеристике социалистической литературы. Совпадение взглядов исследователей обнаруживается и в понимании отношения социалистического гуманизма к другим типам гуманизма как потенциально союзнических в борьбе за утверждение идеалов мира и социального прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.

ХРОМОВ С. С., КОСТЮШКО И. И.

СВЯЗИ РОССИЙСКОГО И ГЕРМАНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (ДО 1914 г.)

С утверждением капитализма в России и Германии, как и в других странах мира, сформировался передовой класс буржуазного общества — пролетариат, исторической миссией которого являлась ликвидация всякого угнетения человека человеком. Положение рабочих в капиталистическом обществе и общность их классовых интересов обуславливали интернационалистскую позицию рабочего класса и международный характер его борьбы за свое освобождение. На этой основе складывались и развивались связи между рабочим движением в России и Германии. Классовая солидарность российских и германских рабочих и взаимное использование опыта борьбы против эксплуатации и гнета имели важное значение для развития рабочего движения в обеих странах.

Истоки российско-германских революционных связей восходят к 60-м годам прошлого столетия. На первых порах для этих связей были характерны ознакомление российских революционеров с учением К. Маркса и Ф. Энгельса и большое внимание основоположников марксизма и других германских революционеров к освободительному движению в России.

В 60-е годы на русском языке был издан «Манифест Коммунистической партии». Находившийся в Женеве А. А. Серно-Соловьевич поддерживал контакт с К. Марксом, который в декабре 1867 г. подарил ему первый том «Капитала». С октября 1868 г. состоял в переписке с К. Марксом переводчик «Капитала» на русский язык Н. Ф. Даниельсон. Он посылал К. Марксу русские издания. В 1870 г. в Женеве была создана Русская секция I Интернационала. Члены комитета секции (Н. И. Утин и др.) 12 марта того же года направили письмо в Лондон, в котором приветствовали изложенные К. Марксом социалистические принципы и просили его взять на себя председательство секции в Генеральном Совете. К. Маркс, одобряя программу секции, отмечал, что свержение царизма в России является предварительным условием для общего освобождения европейского пролетариата. Он согласился удовлетворить просьбу Русской секции. С 1870 г. в составе Генерального Совета находился русский революционер Г. А. Лопатин. Русская секция осуждала анархизм и поддерживала сторонников К. Маркса в I Интернационале. Однако русские революционеры еще не понимали исторической роли пролетариата [1, т. 1, с. 562—566].

С развитием рабочего движения в Германии и России связи между пролетарскими организациями обеих стран становились более широкими и тесными.

В августе 1869 г. на съезде германских социалистов в Эйзенахе была создана Социал-демократическая рабочая партия Германии. Принятая на съезде программа партии (Эйзенахская) в своей основе была марксист-

ской. В 1875 г. на съезде в Готе СДРПГ объединилась со Всеобщим германским рабочим союзом в Социалистическую рабочую партию Германии. Ее новая программа (Готская) содержала некоторые положения лассальянства и в теоретическом отношении уступала Эйзенахской программе, за что была подвергнута критике со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса.

СРПГ развернула широкую деятельность и добилась значительных успехов на выборах в парламент. Правительство в 1878 г. объявило ее вне закона, но партия, умело применяя нелегальные и легальные методы работы, сохранила и упрочила свои позиции. И правительство вынуждено было в 1890 г. отменить «исключительный закон» против социалистов. Германская социал-демократия стала ведущей партией II Интернационала, а политика и тактика ее революционного крыла служили примером для деятельности пролетарских революционеров в России и других странах.

Возникшие в России в 70-х годах рабочие организации в своей деятельности в той или иной мере руководствовались учением марксизма. Программные установки «Южнороссийского союза рабочих» (1875) излагались в соответствии с некоторыми положениями Устава Международного Товарищества Рабочих, написанного К. Марксом; в программе «Северного союза русских рабочих» (1878) говорилось о международной солидарности пролетариата, а ближайшие требования рабочих перекликались с положениями Эйзенахской программы германской социал-демократии. В 1879 г. «Северный союз русских рабочих», отвечая на упреки народнической газеты «Земля и воля» в том, что он придает большое значение политической борьбе и подражает немецкой социал-демократии, указывал, что политическая борьба может ускорить переворот в России и дело заключалось не в подражании, а в использовании опыта германских социал-демократов [1, т. 2, с. 335].

Российские социалисты высоко ценили деятельность германской социал-демократии и выражали свою солидарность с социалистическим движением во всех странах. В 1880 г. Г. В. Плеханов от имени редакции журнала «Черный передел» направил съезду СРПГ приветствие, в котором, в частности, говорилось: «Германская социал-демократия всегда играла выдающуюся роль в великой борьбе, ведущейся под знаменем освобождения труда от гнета капитала. Ее теоретики были провозвестниками и основоположниками современного научного социализма, ее организация и всегда свойственные ей солидарность и дисциплина, с одной стороны, служили примером для социалистов других стран, с другой стороны, внушали с давних пор страх и тревогу международной буржуазии.

Как ваши друзья, так и ваши враги прекрасно понимают, что борьба эта носит международный характер, поэтому всякий успех вашей партии будит надежды и радость в сердцах ваших друзей... Русские социалисты не были безучастными зрителями в этой борьбе. Всегда озабоченные тем, как отразить преследования одного из самых реакционных правительств, вынужденные приспособлять свою деятельность к определенным своеобразным условиям своей страны, русские социалисты тем не менее никогда не забывали о том, что их цели, в общем и целом, вполне совпадают с целями социалистов всех цивилизованных стран...» [2, с. 317].

Г. В. Плеханов перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии». По его инициативе русские революционеры обратились к К. Марксу и Ф. Энгельсу с просьбой написать предисловие к русскому изданию «Манифеста», которое и было подготовлено в январе 1882 г. В нем констатировалось, что «...Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» [3, т. 19, с. 305]. На русском языке появились и другие произведения К. Маркса. В связи с этим он с удовлетворением отмечал: «Некоторые из недавно опубликованных русских изданий, отпечатанных на Святой Руси, а не за границей, свидетельствуют о быстром распространении моих теорий в этой стране. Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен» [3, т. 35, с. 342].

Важную роль в пропаганде марксизма в России и развитии российско-германских революционных связей сыграла группа «Освобождение

труда», созданная Г. В. Плехановым и другими социалистами в 1883 г. в Женеве. Одобрив идейные позиции группы, Ф. Энгельс указывал на большое значение распространения марксизма в России. В 1885 г. он писал В. И. Засулич: «...я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России» [3, т. 36, с. 260]. Ф. Энгельс видел в группе такую организацию, которой можно было доверить издание работ основоположников марксизма на русском языке.

Члены группы — Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод — выступали на страницах журнала германской социал-демократии «*Нойе цайт*». Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, С. М. Степняк-Кравчинский и П. И. Лавров высказались за созыв конгресса II Интернационала. Выступая на нем, Г. В. Плеханов заявил, что целью русских социал-демократов является усвоение и распространение марксизма среди рабочих. После конгресса он побывал в Лондоне и имел беседы с Ф. Энгельсом. На конгрессе II Интернационала в Цюрихе Г. В. Плеханов выступил с докладом о милитаризме, и произошло дальнейшее сближение Г. В. Плеханова и В. И. Засулич с Ф. Энгельсом. По предложению германских социал-демократов Г. В. Плеханов написал книгу «Анархизм и социализм». Она была издана в 1894 г. и затем переведена на многие европейские языки [1, т. 2, с. 342—343].

Новый этап в развитии рабочего движения и российско-германских революционных контактов был связан с борьбой В. И. Ленина и его единомышленников за создание в России революционной социал-демократической партии — пролетарской партии нового типа. В. И. Ленин, являясь достойным продолжателем дела К. Маркса и Ф. Энгельса, не только глубоко воспринял учение марксизма, но и творчески развил его дальше, применительно к эпохе империализма и пролетарских революций. Считая необходимым соединение рабочего движения в России с научным социализмом, он сосредоточил свою теоретическую и организационную деятельность на проблеме создания революционной партии пролетариата, зачатком которой стал руководимый им «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В 1895 г. В. И. Ленин побывал за границей, познакомился с деятелями германской социал-демократии, встретился с В. Либкнехтом [4, т. 1, с. 100—105]. На съезде представителей рабочих организаций в 1898 г. была основана Российская социал-демократическая рабочая партия. Однако по-прежнему сохранялись идейные шатания и организационный разброд в рабочем движении. Революционные социал-демократы, возглавляемые В. И. Лениным, смогли преодолеть эти негативные явления. Важную роль в идейном воспитании и организационном объединении социал-демократов сыграла ленинская «Искра». На II съезде РСДРП (1903) одержало победу революционное направление в российской социал-демократии и было положено начало деятельности большевистской партии — рабочей партии нового типа.

В Германии рабочее движение приобретало все более массовый характер; левые социал-демократы, продолжая революционные традиции, отстаивали классовые интересы пролетариата. Но во второй половине 90-х годов усилилось оппортунистическое течение в германской социал-демократии в связи с попыткой ревизии марксизма, предпринятой Э. Бернштейном и его сторонниками. В статьях, опубликованных в журнале «*Нойе цайт*» в 1896—1898 гг., Э. Бернштейн выдвинул идею превращения социал-демократии из партии социальной революции в демократическую партию реформ. Отрицая рост нищеты, пролетаризации и обострения социальных противоречий в современном обществе, он отвергал научное обоснование возможности и необходимости социализма, положение о «конечной цели» борьбы пролетариата, различие между либерализ-

мом и социализмом, утверждал, что «движение — все, конечная цель — ничто». Взгляды Э. Бернштейна и других ревизионистов были осуждены на съездах германской социал-демократии в Штутгарте (1898), Ганновере (1899), Любеке (1901) и Дрездене (1903). Однако вследствие примиренчества лидеров партии, она не отмежевалась от оппортунистов, и последние продолжали свою деятельность в ее рядах.

Российские социал-демократы проявляли большой интерес к деятельности германской социал-демократии. Революционные социал-демократы России высоко оценивали программу СДПГ, революционные традиции партии. Критикуя взгляды русских оппортунистов, в 1899 г. В. И. Ленин констатировал: «Оппортунистические течения не раз обнаруживались в германской социал-демократии и всякий раз были отвергаемы партией, которая верно хранит заветы революционной международной социал-демократии» [5, т. 4, с. 170]. В. И. Ленин подчеркивал революционный характер программы СДПГ. Программа партии не подверглась пересмотру, несмотря на попытки оппортунистов внести в нее изменения [5, т. 4, с. 265; т. 6, с. 21]¹.

Касаясь тяжелых испытаний, связанных с «исключительным законом» против социалистов, В. И. Ленин указывал, что «...немецкие рабочие действительно встретили их во всеоружии и сумели победоносно выйти из них» [5, т. 6, с. 27—28]. При этом применялись нелегальные методы борьбы (выпуск и доставка газет — «красная почта») и использовались легальные условия для деятельности партии, что заслуживало серьезного внимания и русских революционеров [5, т. 4, с. 196—197].

В связи со ссылками на немецкие образцы, В. И. Ленин отмечал, что германской социал-демократии «... принадлежит гегемония в политической борьбе» [5, т. 5, с. 274]. Каждое событие в стране увеличивало авторитет и престиж социал-демократии. Она «...всегда оказывается впереди всех в наиболее революционной оценке этого события, в защите всякого протеста против произвола... Она вмешивается во все области и все вопросы общественной и политической жизни... Везде они (социал-демократы. — С. Х., И. К.) оказываются впереди всех, возбуждая политическое недовольство во всех классах, расталкивая сонных, подтягивая отсталых, давая всесторонний материал для развития политического сознания и политической активности пролетариата» [5, т. 6, с. 97—98].

Германская социал-демократия имела профессионально подготовленных и испытанных руководителей (А. Бебель, В. Либкнехт и др.), уделяла большое внимание подготовке пропагандистов, агитаторов и других функционеров партии. «И только благодаря неуклонной и непримиримой борьбе со всеми и всяческими демагогическими элементами внутри социализма, — отмечал В. И. Ленин, — так вырос и окреп немецкий социализм» [5, т. 6, с. 121—122].

В. И. Ленин, определяя идейные и организационные основы пролетарской партии нового типа и осуждая любые проявления оппортунизма, творчески использовал опыт германского рабочего движения. Подчеркивая значение этого опыта, он указывал: «...социал-демократическое движение международно, по самому своему существу... Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран... Для этого необходимо уметь критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверить его» [5, т. 6, с. 24].

При разработке программы российской социал-демократии В. И. Ленин опирался на положение Эрфуртской программы (1891) германской социал-демократии. В преамбуле его проекта давалась характеристика капиталистического способа производства и определялась роль рабочего класса и его партии. При этом в отличие от Эрфуртской программы более четко формулировались положения об установлении политической власти и обобществлении средств производства и некоторые другие уста-

¹ Съезд германской социал-демократии в Бреслау (1895) отклонил проект аграрной программы, имевшей оппортунистический характер [5, т. 8, с. 538—539].

новки, определялись ближайшие требования рабочих [5, т. 2, с. 83—86; 1, т. 2, с. 367—368]. Позднее В. И. Ленин писал: «Мы нисколько не боимся сказать, что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что хорошо, нет ничего дурного, и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее». Подражание, отмечал он, не означает простого списывания, заимствование же было возможным и законным, поскольку в России имели место те же основные процессы развития капитализма. При этом нельзя было не считаться с особенностями положения в России [5, т. 4, с. 219—220]. В. И. Ленин указывал на прения по поводу Эрфуртской программы, на недостатки первого проекта программы, подготовленного Г. В. Плехановым, по сравнению с программой германской социал-демократии, обращал внимание на замечания Ф. Энгельса о ней [5, т. 6, с. 197, 199, 238].

На страницах газеты «Искра» печатались материалы, освещавшие борьбу немецких рабочих за свои права. В связи с выборной кампанией в рейхстаг летом 1903 г. редакция «Искры» направила в предвыборный фонд СДПГ 500 франков [6, с. 69]. «Искра» (15 октября 1903 г.) положительно оценивала работу и решения Дрезденского съезда СДПГ [1, т. 2, с. 395]. Когда Совет РСДРП отказался созвать съезд партии, В. И. Ленин ссылаясь на устав СДПГ, в котором предусматривался в подобном случае созыв съезда особой, независимой от правления партии контрольной комиссией [5, т. 9, с. 309].

Вместе с тем революционные социал-демократы России решительно осуждали реформистскую тенденцию в германском рабочем движении. В статье «Бернштейн и материализм», опубликованной в 1896 г. в журнале «Нойе цайт», Г. В. Плеханов показал некомпетентность Э. Бернштейна в философских вопросах, необоснованность его нападок на диалектический и исторический материализм, попытки подменить марксистскую философию неокантианством. Видя в ревизионизме проявление влияния буржуазной идеологии на рабочее движение, Г. В. Плеханов считал бернштейнианцев «злейшими врагами марксизма». В письме к К. Каутскому он настаивал на резкой критике их в печати и полагал невозможным оставление их в партии [1, т. 2, с. 315—317].

В. И. Ленин отмечал, что бернштейнианство «... означает попытку сузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую, и эта попытка, как и следовало ожидать, встретила решительное осуждение со стороны большинства германских социал-демократов» [5, т. 4, с. 170]. Бернштейнианцы не сделали ни шага в развитии марксизма, не научили рабочих новым приемам борьбы, а только пятились назад, перенимали отрывки отсталых теорий и проявляли уступчивость по отношению к классовым врагам пролетариата [5, т. 4, с. 183]. Свое возмущение ревизионизмом В. И. Ленин выразил и в рецензии на книгу К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» [5, т. 4, с. 199—210]. Журнал «Заря» (декабрь, 1901, № 2/3) подверг критике центральный орган СДПГ газету «Форвертс» за примиренческое отношение к Э. Бернштейну; возникший в связи с этим конфликт закончился признанием редакцией газеты своей неправоты [5, т. 6, с. 189, 505; 1, т. 2, с. 395]. В работах В. И. Ленина «Что делать?», «Марксизм и ревизионизм», «Разногласия в европейском рабочем движении» глубоко раскрывалась сущность ревизионизма и убедительно показывалась его вред для рабочего движения.

Определяя организационные принципы пролетарской партии, В. И. Ленин, видя недостатки первого устава СДПГ (в докладе большевиков конгрессу II Интернационала в Амстердаме в 1904 г. говорилось, что ленинская формулировка первого устава РСДРП имела в виду это обстоятельство [7, с. 15]), указывал, что в последнее время «особенно рельефно» оппортунизм в организационных вопросах проявился в рабочем движении Германии. Об этом свидетельствовали выступления за автономию, против централизма и партийной дисциплины, которые К. Каутский оценивал тогда как ревизионизм [5, т. 8, с. 385—388]. Критикуя

соглашательскую позицию редакции новой «Искры» в 1904 г., В. И. Ленин обращал внимание на немецких «государственных мужей», которые стремились к соглашению «с левым крылом оппозиционной буржуазии» [5 т. 9, с. 93].

Напротив, реформистам в рабочем движении России импонировали воззрения германских оппортунистов. «Экономисты» хотели перенять у германской социал-демократии «только ее слабые стороны» [5, т. 6, с. 97]. Правые социал-демократы во многом ориентировались на своих собратьев в Германии. Предложенная Л. Мартовым формулировка первого параграфа устава РСДРП [5, т. 9, с. 57] исходила из формулировки этого параграфа в уставе СДПГ.

Революционные силы в Германии придавали важное значение рабочему движению в России, следили за его развитием, выражали солидарность с борьбой пролетариата против царизма и гнета капитала, оказывали ему моральную и материальную поддержку. Брошюра В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» получила положительный отклик в газете «Форвертс» (1896), которая отмечала, что «подобные брошюры... имеют огромное значение для укрепления социал-демократического сознания в широких кругах рабочих» [1, т. 2, с. 360]. Выражая отношение германской социал-демократии к текстильщикам Петербурга, бастовавшим в 1896 г., газета «Форвертс» заявляла: «Мы желаем петербургским товарищам дальнейших успехов на их полном трудностей пути и можем их уверить, что германская социал-демократия с братскими симпатиями следит за проникновением социалистического учения в Россию. Организованные рабочие массы Германии чувствуют себя солидарными с петербургскими рабочими, которые вопреки кнуту царизма гордо и мужественно, под знаменем международного социализма подняли борьбу против угнетения». В Берлине и других городах производился сбор средств для бастующих рабочих Петербурга [1, т. 2, с. 373].

Германские социал-демократы оказали помощь русским революционерам в создании типографии газеты «Искра» в Мюнхене и транспортировке марксистской литературы в Россию. «С гордостью мы отмечаем,— писал В. Ульбрихт,— что именно немецкие рабочие помогали Ленину в печатании и успешном распространении первых номеров „Искры“». Издание газеты стало в действительности той искрой, которая зажгла пламя революционной борьбы в России, а также в других капиталистических странах» [8, с. 7]. В Берлине производился сбор средств для участников «Обуховской обороны» [7, с. 8]. К. Каутский, подчеркивая значение выступления рабочих в России в феврале — марте 1901 г., отмечал, что теперь «Россия покрылась рабочими организациями». В статье «Славяне и революция», опубликованной в «Искре» (март 1902 г.), он говорил о перспективе перемещения «центра тяжести революционной мысли и революционного дела» в Россию из Германии, поскольку в России нарастало революционное движение, а в социал-демократии Запада распространились филистерство и политиканство. В июне 1902 г. народное собрание в Аугсбурге по докладу К. Цеткин в связи с рабочей демонстрацией в Батуми приветствовало «самоотверженных борцов за политическую свободу» и выразило симпатии «со стороны сознательного германского пролетариата». Выступая на Дрезденском съезде СДПГ, К. Цеткин обратилась с призывом оказать поддержку революционному движению в России. В марте 1904 г. газета левых социал-демократов «Ляйпцигер фольксцайтунг», полагая, что Россия находится «накануне революции», заявляла: «Почему русский пролетариат не должен быть первым?» По случаю II съезда РСДРП состоялись рабочие собрания в Берлине и Лейпциге. Газета «Форвертс» отмечала, что принятые съездом программа и устав были выдержаны «в строго марксистском духе» [7, с. 5—9].

Когда меньшевики во главе с Г. В. Плехановым пытались не допустить участия большевиков в Амстердамском конгрессе II Интернационала, А. Бебель, К. Каутский, Р. Люксембург и другие члены бюро конгресса приняли во внимание заявление В. И. Ленина и согласились на включение

ние большевиков в состав делегации РСДРП [5, т. 9, с. 447]. Выступая за поражение царизма в русско-японской войне, революционные социал-демократы оказывали поддержку ленинской революционно-интернационалистской тактике.

Однако лидеры СДПГ, занимая примиренческую позицию в отношении оппортунистов, пытались «примирить» большевиков с меньшевиками и так или иначе одобряли политическую линию меньшевиков [9, S. 73—74]. К. Каутский высказывался за формулировку первого параграфа устава РСДРП, предложенную Л. Мартовым [5, т. 9, с. 57]. В письме М. Н. Лядову (опубликованном в «Искре» 15 мая 1904 г.) он, разделяя взгляды меньшевиков, призывал стороны «прекратить междоусобную борьбу» и «до заключения перемирия» не созывать съезд партии [5, т. 8, с. 423, 542]. Рассматривая книгу В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» на страницах журнала «Нойе цайт», Р. Люксембург утверждала, что в ней проявляется якобы тенденция «не считающегося ни с чем централизма». В. И. Ленин в статье, направленной в тот же журнал, показал необоснованность умозаключений Р. Люксембург [5, т. 9, с. 38—65], но К. Каутский отказался напечатать статью и вернул ее автору [5, т. 9, с. 426]. На конгрессе II Интернационала в Амстердаме (август 1904 г.) большевики представили доклад «Материалы к выяснению партийного кризиса Социал-демократической рабочей партии России», в котором были показаны причины раскола партии и оппортунистическая линия меньшевиков [5, т. 9, с. 447]. Однако лидеры СДПГ оставались на прежней позиции. В письме В. И. Ленину в феврале 1905 г. А. Бебель от имени правления СДПГ предлагал провести третейское разбирательство спора между большевиками и меньшевиками. В. И. Ленин ответил ему, что этот вопрос относится к компетенции партийного съезда. Точку зрения В. И. Ленина разделяли Бюро комитетов большинства и местные организации РСДРП. Меньшевики же соглашались принять предложение А. Бебеля [5, т. 9, с. 284, 349, 461].

В 1905 г. кончился «мирный» период развития капитализма. В истории рабочего движения начался новый этап, этап непосредственной подготовки пролетариата к борьбе за власть, продолжавшийся до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В начале 1905 г. весь мир узнал о начавшейся в России революции. После «кровавого воскресенья» 9 января революционное движение нарастало по всей России с поразительной быстротой. В течение января — марта 1905 г. в России бастовало только промышленных рабочих 810 тыс. человек. Это было в два раза больше, чем за все предшествующее десятилетие [10, с. 9—10]. Такого грандиозного размаха стачечного движения не было еще в истории классовой борьбы рабочих всех стран [5, т. 30, с. 312].

Первая российская революция оказала мощное влияние на развитие международного революционного движения.

Весть о революции пробудила горячее сочувствие немецких рабочих и укрепила их собственную готовность к борьбе [11, с. 50]. По всей Германии прокатилась волна митингов солидарности. Искренне приветствуя начавшуюся революцию в России, «Ляйпцигер фёльксцайтунг» 23 января 1905 г. в передовой статье писала: «... международный пролетариат приветствует пробуждение русского пролетариата. В победе над самодержавием, которую русские должны теперь одержать, международный пролетариат видит предпосылку своей собственной победы над капитализмом» [12, 1905, 23 I].

С энтузиазмом встретили русскую революцию лучшие представители немецкого рабочего класса — А. Бебель, К. Либкнехт, Р. Люксембург и др. В своих выступлениях и статьях они горячо приветствовали революцию в России и давали высокую оценку борьбе русского пролетариата. К. Либкнехт призвал немецких рабочих выше держать знамя русской революции. «Русская революция, — писал он, — наше дело... Долой кровавый царизм! Да здравствует русская революция!» [12, 1905, 13 II].

Русская революция содействовала мощному подъему стачечного движения в Германии. Почти полтора месяца 200 тыс. горняков Рура вели решительную борьбу за свои права. Несмотря на упорную, героическую борьбу рабочих, эта стачка вследствие предательства правооportunистических вождей СДПГ и реформистских профсоюзов закончилась поражением горняков. В феврале 1905 г. прокатились стачечные бои на шахтах Верхней Силезии. Весной 1905 г. в Германии бастовали машиностроители Мангейма, торговые и транспортные рабочие Мюнхена, табачники Дрездена и т. д. [13, с. 218—228]. Число рабочих, участвовавших в стачках и подвергшихся локауту в первый год революции в России, составило, по далеко не полным данным, внушительную цифру — 507 964 человека, т. е. в три раза больше, чем в 1904 г. [6, с. 90—91].

Германское правительство, опасаясь, как бы революция из России не перекинулась в Германию, готово было оказать русскому самодержавию всевозможную помощь.

Немецкие революционные социал-демократы призывали рабочих не допустить германской интервенции в революционную Россию. «Пролетариат должен сказать реакции, — заявила К. Цеткин на одном из собраний в Лейпциге, — что на удары мы ответим двойным ударом» [12, 1905, 17 III]. 7 декабря 1905 г. в рейхстаге выступил А. Бебель. Обращаясь к реакционному большинству, он сказал: «Вы не можете пачать войну без немецкого рабочего класса». А. Бебель дал понять реакции, что в случае начала вооруженной интервенции против России немецкий пролетариат решительно выступит против этой авантюры [14, S. 162].

На протяжении всей революции рабочие партии и профсоюзы многих стран оказывали материальную поддержку российскому революционному движению. Так, правление СДПГ вскоре после начала революции в России приняло решение передать на ее нужды 10 тыс. марок; $\frac{2}{5}$ этой суммы получила РСДРП [1, т. 3, с. 91]. Предоставляя средства и местные организации немецкой социал-демократии. «Ляйпцигер фольксдайтунг», напомнив, что российские рабочие ведут борьбу и за свободу немецких пролетариев, писала: «За столом классово сознательного пролетариата сидит сегодня желанный гость — русская революция, и от каждого куска хлеба должен быть отделен кусочек для наших рабочих товарищей» [1, т. 3, с. 91]. К апрелю 1906 г. сумма пожертвований в фонд русской революции составляла более 300 тыс. марок [6, с. 93].

Кроме сбора средств и массовых манифестаций в поддержку русской революции, германская социал-демократия оказывала помощь в закупке и тайной переброске оружия.

Бурно реагировал немецкий пролетариат на октябрьскую политическую стачку в России. В конце декабря 1905 г. в Германию стали приходить вести о начавшемся в Москве вооруженном восстании. По выражению Р. Люксембург, декабрьское вооруженное восстание «отразилось в Германии еще ббльшим подъемом духа и сильным брожением умов в рядах социал-демократии» [15, с. 98].

Немецкие рабочие стремились использовать методы борьбы российского пролетариата для улучшения своего экономического и политического положения. «Русская революция, — писала в марте 1905 г. „Ляйпцигер фольксдайтунг“, — ввела новый элемент в методы борьбы международного пролетариата... Русские рабочие продемонстрировали западноевропейскому пролетариату, в какой степени нужно практиковать массовую стачку» [12, 1905, 21 III].

С конца 1905 г. приняла широкий размах борьба трудящихся Германии за демократизацию политического строя, за установление всеобщего избирательного права. Большого накала она достигла во второй половине ноября в Саксонии, где проходили десятки собраний рабочих. На отказ правящих кругов провести реформу избирательной системы рабочие Саксонии 3 декабря ответили новыми многолюдными митингами. В Дрездене, Лейпциге, Хемнице и других городах произошли крупные демонстрации. Участились столкновения с полицией. Германским пролетариатом

том все более осознавался поучительный опыт российской революции, осуществлялись решения Йенского съезда СДПГ (сентябрь 1905 г.) о применении массовой стачки как одного из наиболее действенных средств борьбы рабочего класса. В январе 1906 г. произошла первая массовая политическая стачка германских рабочих, вызванная попыткой гамбургского сената ограничить избирательные права трудового населения. Она охватила 80 тыс. человек и сопровождалась многотысячными уличными демонстрациями, постройкой баррикад. «Красной средой» назвали социал-демократические газеты события 17 января в Гамбурге. Как отмечал один из участников событий, выступление гамбургских пролетариев, шедшее в общем русле борьбы за демократизацию избирательной системы, выражало также глубокую симпатию немецких рабочих к русской революции [1, т. 3, с. 101].

21 января 1906 г. германские трудящиеся отметили годовщину начала российской революции небывало многоядными и бурными политическими собраниями, митингами, манифестациями во многих городах страны. Только в Берлине и его окрестностях состоялось 95 митингов, на которых выступали А. Бебель, И. Г. Дитц, Г. Ледебур [16, с. 28]. Но социал-демократическое руководство не возглавило революционное выступление масс.

Поражение декабрьского вооруженного восстания и отступление русской революции активизировали оппортунистические элементы в германском рабочем движении. На Мангеймском съезде СДПГ (сентябрь 1906 г.) оппортунистам фактически удалось похоронить идею всеобщей политической стачки и добиться утверждения принципа «равенства» партии и профсоюзов. Все это привело к дальнейшему перерождению социал-демократии в партию социальных реформ.

Отступление русской революции в определенной мере влияло на сокращение выступлений немецкого рабочего класса со второй половины 1906 г. Обращая внимание на это обстоятельство, нелегальный орган РСДРП газета «Социал-демократ» писала: «Последние события в России, вакханалия правительственной реакции, временно выжидательное настроение русского пролетариата и крестьянства, несомненно, самым существенным образом влияют на поднятие революционного духа... в Германии» [17, 1906, № 3, 13 X].

Многие члены СДПГ стремились использовать опыт русской революции и применить его в своей борьбе, и тот факт, что в 1905—1907 гг. они с таким революционным размахом вели борьбу против собственных угнетателей, показывает не только их подлинную, глубокую классовую связь с революцией в России, но свидетельствует и о высокой степени политического воздействия русской революции 1905 г. на рабочий класс Германии [16, с. 28].

Поражение революции в России способствовало консолидации реакционных сил Европы. В Германии волна революционного подъема сменилась разгулом реакции, шовинизма и национализма. Она захватила мелкобуржуазные слои, коснулась некоторой части рабочего класса и социал-демократии.

Опыт российского пролетариата, проверенный в огне революции, приобрел особую значимость для дальнейшего развития мирового революционного движения. Отношение к «русскому опыту» стало пробным камнем позиции различных идейно-политических течений. В. И. Ленин писал впоследствии: «Если такие выдающиеся представители революционного пролетариата..., как Роза Люксембург, сразу оценили значение этого практического опыта и выступили на собраниях и в печати с критическим анализом его, то громадное большинство официальных представителей официальных социал-демократических и социалистических партий, в том числе и реформисты и люди типа будущих „каутскианцев“... и т. п., проявили полную неспособность понять значение этого опыта и выполнить свой долг *революционеров*, т. е. прийтись за изучение и пропаганду уроков этого опыта» [5, т. 41, с. 371]. В глазах оппортунистов события в России являлись лишь отголоском буржуазных революций

в Западной Европе, методы же борьбы русских революционеров, с их точки зрения, были неприемлемы в Германии.

Марксисты, наоборот, видели в русской революции начало революционных массовых боев. Они выдвинули лозунг «говорить по-русски», который завоевал огромную популярность в массах. Правда, в те годы марксисты Запада не смогли в полной мере оценить исторического значения ленинской концепции революции, развития В. И. Лениным на опыте 1905—1907 гг. ряда коренных вопросов стратегии и тактики пролетариата.

Ближе всего к ленинскому пониманию роли пролетариата в революции были революционные социал-демократы. За гегемонию пролетариата в демократической революции выступали Р. Люксембург, Ф. Меринг и руководимый К. Цеткин социал-демократический журнал немецких рабочих «Глайххайт» [1, т. 3, с. 121]. В вопросе о союзниках пролетариата революционные социал-демократы исходили из того, что в ходе революции крестьянство может пойти вместе с рабочим классом, который обязан поддержать крестьянство в борьбе за землю. Р. Люксембург решительно выступала за ленинскую оценку революционных возможностей крестьянства в России, считала руководство крестьянством естественной исторической задачей пролетариата [1, т. 3, с. 123]. Вопрос о союзе пролетариата с крестьянством рассматривался К. Каутским в работах «Движущие силы и перспективы русской революции», «Перспективы русской революции», «Аграрный вопрос в России». Однако он считал, что рабочие не должны играть ведущую роль и активно вмешиваться в крестьянское движение, а вскоре после поражения российской революции изверился в революционных возможностях крестьянства.

Революционные социал-демократы решительно высказывались против того, чтобы рассматривать буржуазию как естественного и надежного союзника пролетариата.

Российская революция 1905—1907 гг. побудила международную социал-демократию к обсуждению тактики борьбы рабочего класса.

Отдавая дань мужеству рабочих России, А. Бебель говорил о баррикадных боях как о самом возвышенном событии в многовековой истории, как о примере мужественного самопожертвования во имя великого идеала, видел в них проявление «революционных боев будущего» [14, S. 996]. К. Либкнехт призвал немецких рабочих брать пример с русского пролетариата [18, 1906, 22 I], и ни для кого не было тайной, что он имел в виду и восстание. Ф. Меринг считал, что международный пролетариат должен быть готов выступить за свое освобождение с оружием в руках [19, 1905/1906, Bd. 1, № 14, S. 443, № 15, S. 475—476].

Революционные социал-демократы подчеркивали, что рабочие России оказали неоценимую услугу международному пролетариату, открыв ему, что всеобщая политическая стачка является могучим средством борьбы.

Вопрос о массовой политической стачке был центральным на Йенском съезде СДПГ в сентябре 1905 г. А. Бебель, Р. Люксембург, К. Либкнехт, К. Цеткин доказывали возможность всеобщей политической стачки в Германии и необходимость готовиться к ней. «Если реакция захочет разговаривать с нами по-русски,— подчеркивала Цеткин,— тогда и пролетариат также ответит по-русски» [20, S. 325].

Съезд подавляющим большинством голосов принял резолюцию, предложенную А. Бебелем, в которой признавалось необходимым применить массовую политическую стачку лишь в крайнем случае и в основном в оборонительных целях [20, S. 143]. В этом сказались ограниченность принятой резолюции. Но несмотря на это, она, несомненно, являлась успехом революционных сил, так как признавала массовую политическую стачку могучим средством борьбы пролетариата. В. И. Ленин, внимательно следивший за всеми съездами немецкой социал-демократии, так как они «...приобрели значение далеко выходящих за пределы германского рабочего движения событий» [5, т. 11, с. 323], высоко оценил Йенский съезд и резолюцию о массовой стачке: «...решение германской социал-демокра-

тии окажет, несомненно, немалое влияние на все международное рабочее движение в смысле поддержки и укрепления революционного духа борющихся рабочих» [5, т. 11, с. 323].

С особым удовлетворением В. И. Ленин отмечал, что Йенский съезд признал правоту его взглядов на организационный вопрос наперекор меньшевистскому оппортунизму: пересмотрев партийный устав, съезд проявил «...тенденцию к дальнейшему, более полному и более строгому проведению *централизма*...» [5, т. 11, с. 324]. В. И. Ленин считал крайне поучительным, «...что немцы — и оппортунисты и революционеры одинаково — не подвергают даже сомнению *принципиальную* законность такого требования» [5, т. 11, с. 325].

Но также ясно В. И. Ленин видел и рост противоречий между обеими тенденциями в германской социал-демократии и продолжал свою бескомпромиссную борьбу против немецкого оппортунизма.

Известно, что В. И. Ленин высоко оценивал опыт партийного строительства СДПГ, подчеркивая, что, образцово используя в течение около полувека буржуазную законность, она создала «наилучшие пролетарские организации» [5, т. 20, с. 16].

Вместе с тем, как раз пример германской социал-демократии со всей очевидностью свидетельствовал о том, что совершенствование организационной структуры могло иметь положительное значение лишь при наличии подлинно марксистского руководства, проводящего выдержанную революционную пролетарскую политику. Но такое соответствие политики и организации было достигнуто лишь большевиками. Только большевики во главе с В. И. Лениным были последовательны в решении этих проблем, в частности, вопроса об организационном размежевании с оппортунистами.

Разоблачая оппортунистические взгляды меньшевиков в организационных и тактических вопросах, большевики во главе с В. И. Лениным критиковали также ошибки левых социал-демократов, преклонявшихся перед стихийностью рабочего движения, помогая им исправлять их.

Несмотря на ошибки, большой заслугой немецких левых остается то, что именно они всеми силами стремились усвоить уроки русской революции 1905 г. и передать ее опыт немецкому пролетариату. Необходимо отметить глубокое восхищение В. И. Ленина революционностью немецких рабочих и организаторской ролью их партии. Он призывал следовать примеру не немецких оппортунистов, а немецких революционеров: «Мы должны учиться у лучших, а не у худших образцов» [5, т. 15, с. 313]. Большевики брали за образец методы борьбы немецкой социал-демократии в той мере, в какой это допускали условия в царской России. Поэтому, когда в 1905 г. русские рабочие завоевали свободу печати, В. И. Ленин позаботился о переводе и издании немецкой марксистской литературы, так как Российская социал-демократическая рабочая партия, указывал он, должна, прежде всего, усвоить уроки немецкого рабочего движения. Так в мае 1905 г. увидела свет подготовленная к изданию редакцией «Пролетария» книга А. Бебеля «Христианство и социализм» (предисловие к которой было отредактировано В. И. Лениным) [4, т. 2, с. 84]; в 1906 г. в Петербурге вышли его книги «Профессиональное движение и политические партии», «Закон против социалистов в Германии» и др. Родившиеся во время революции профсоюзы в своих журналах помещали различные материалы и о германском рабочем движении.

В. И. Ленин внимательно изучал немецкую статистику стачек, анализировал различия между стачечным движением в Германии и в России. Не критикуя прямо немецкое рабочее движение, он, однако, указывал, что забастовки в России стоят на более высоком качественном уровне, «следовательно, русские рабочие *впервые в мире* развили такую массовую стачечную борьбу, которую мы видели в 1905—1907 годах» [5, т. 21, с. 318]. Свообразием движения в России было сочетание экономической и политической стачек. Однако В. И. Ленин относил это не за счет особых национальных свойств русских рабочих, а за счет того, «...что в Европе не было еще великих национальных кризисов с самостоя-

тельным участием пролетарских масс. Когда наступят эти кризисы, массовые стачки в Европе будут еще сильнее, чем в России в 1905 году» [5, т. 21, с. 318]. В 1913 г. В. И. Ленин указал на вытекающий из статистики стачек факт, что «число победивших рабочих за один 1905 год в России больше, чем число победивших за 10 лет в Германии или в Англии». «Отсюда можно судить, — заключал он, — сколько еще непотытых сил таит в своих недрах современный пролетариат» [5, т. 23, с. 216].

После поражения первой народной революции эпохи империализма в России наступил период жесточайшей реакции, продолжавшийся до 1910 г. Большевицкая партия, организованно отступив, уведя свои ряды в подполье, вместе с тем разрабатывала новые формы своей деятельности. Необходимо было сохранить связь с широкими массами рабочего класса, не дать им впасть в пессимизм и потерять революционную перспективу; необходимо было использовать новые условия для всестороннего изучения уроков недавней революции и укреплять единство своих рядов для будущих классовых битв, поскольку оставались нерешенными все те задачи, которые стояли перед Россией еще задолго до начала века.

«Мы научились во время революции „говорить по-французски“, — писал В. И. Ленин. — ...Мы должны теперь, во время застоя, реакции, распада, научиться „говорить по-немецки“, т. е. действовать медленно (иначе нельзя, пока не будет нового подъема), систематически, упорно, двигаясь шаг за шагом, завоевывая вершок за вершком» [5, т. 19, с. 50]. Разрабатывая тактику умелого сочетания нелегальной и легальной работы партии, В. И. Ленин опирался на тщательно им изученный и критически осмысленный опыт деятельности СДПГ в период «исключительно закона» против социалистов.

Изучался опыт немецких социалистов и в местных партийных организациях. Так, в московской организации большевиков в годы реакции в нелегальных кружках изучались труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Либкнехта, А. Бебеля. Критически использовался опыт СДПГ по работе в парламенте — особенно опыт А. Бебеля. Это помогало большевикам исправлять ошибки и рабочих депутатов III Думы, допускаемые ими особенно в первый период их деятельности, а также вести борьбу против опасности со стороны отзовистов.

Международная обстановка, сложившаяся после 1907 г., отличалась дальнейшим обострением империалистических противоречий, усиленной подготовкой великих держав к войне за передел мира. В связи с этим все большее значение приобретала активная революционная борьба против милитаризма и войны.

В августе 1907 г. в Штутгарте открылся VII Международный социалистический конгресс (первый конгресс Интернационала на территории Германии). Впервые принимая участие в работе конгресса, В. И. Ленин хотел ближе познакомиться с лидерами II Интернационала и попытаться сплотить левые силы в международной социал-демократии. Особое внимание он уделял СДПГ как ведущей партии II Интернационала.

В ходе работы конгресса В. И. Ленин установил тесные контакты с вождями рабочего движения — А. Бебелем, П. Зингером, Р. Люксембург, К. Либкнехтом. В интересах укрепления боевого содружества российского и немецкого пролетариата завязал тесную дружбу с К. Цеткин [6, с. 173].

Наибольший интерес в Штутгарте вызвал вопрос о милитаризме и международных конфликтах. Р. Люксембург в своем выступлении подчеркнула огромное значение опыта русской революции для решения проблемы борьбы против милитаризма. Она заявила, что вынуждена выступить против Г. Г. Фольмара и, к сожалению, также против А. Бебеля, которые утверждали, что невозможно сделать в борьбе против милитаризма и войны больше, чем сделано до сих пор. Русская революция, — говорила она, — учит другому. Революция «не только возникла из войны, но способствовала ее прекращению» [21, С. 97].

После долгих дискуссий на конгрессе была принята резолюция А. Бебеля с внесенными в нее В. И. Лениным, Р. Люксембург и Л. Мартовым

поправками, которые придали ей боевой, революционный характер. Эта резолюция по достоинству была оценена революционными социал-демократами. «Своей резолюцией о милитаризме,— писала К. Цеткин,— Штутгартский конгресс официально засвидетельствовал значение русской революции и ее уроков для международного пролетариата» [6, с. 179].

Важное место в работе Штутгартского конгресса занимал вопрос об отношении между социалистическими партиями и профсоюзами. Революционные выступления международного пролетариата против эксплуататорских классов, его борьба против милитаризма, колониализма и военной опасности требовали единства действий всех организаций рабочего класса и единого политического руководства. В конечном счете подавляющим большинством голосов конгресс принял резолюцию, которая, по выражению В. И. Ленина, положила конец «принципиальному признанию „нейтральности“» профсоюзов [5, т. 16, с. 71].

После конгресса большевики разработали тактическую линию по усилению влияния партии в профсоюзах, которая способствовала расширению влияния революционной социал-демократии в рабочих массах [6, с. 181].

Большое значение для интернационального воспитания трудящихся, укрепления классовой солидарности между отдельными отрядами пролетариата имело обсуждение конгрессом проблемы эмиграции и иммиграции рабочих. Этот вопрос имел непосредственное отношение к России и Германии. Ежегодно около 230 000 русских рабочих находились в Германии. Общий годовой оборот иностранных рабочих в Германии достигал 800 000 человек [6, с. 181]. Положение русских эмигрантов было крайне тяжелым. Рабочий день их был значительно длиннее, чем у местных рабочих, а зарплата намного ниже. Большевики неоднократно выражали протест по поводу национального гнета в Пруссии и преследования там русских эмигрантов.

Большинством голосов конгресс принял резолюцию, в которой отмечалась необходимость подхода к эмиграции и иммиграции с точки зрения пролетарского интернационализма [21, S. 120].

Штутгартский конгресс показал рост авторитета большевиков, руководимых В. И. Лениным, на международной арене, их последовательную борьбу против всех проявлений оппортунизма, за сплочение подлинно революционных сил рабочего класса. С другой стороны, конгресс свидетельствовал о дальнейшем сползании вправо крупнейшей партии II Интернационала — СДПГ. В. И. Ленин, отметив неустойчивость и оппортунизм германской делегации на конгрессе, назвал это «печальным явлением» [5, т. 16, с. 80].

Российский пролетариат, испытывая на себе политическое бесправие и тяжкий гнет самодержавия, искренне приветствовал новый этап борьбы германского пролетариата за свои права. Начало 1908 г. ознаменовалось демонстрациями протеста трудящихся Германии против трехклассной избирательной системы [18, 1908, 13 II]. Весной 1908 г. в Берлине и других городах Пруссии прокатилась новая волна массовых демонстраций трудящихся, выдвигавших требования реформы избирательного права [9, S. 144].

В первомайском воззвании 1908 г. к рабочим России ЦК РСДРП обращал их внимание на массовые действия немецкого пролетариата. Воззвание призывало к укреплению международной пролетарской солидарности и усилению борьбы российского пролетариата против самодержавия и русской реакции [6, с. 185].

Революционные связи российского и германского пролетариата в годы реакции продолжали развиваться. В. И. Ленин и большевики вели оживленную переписку с деятелями немецкого рабочего движения, информировали их о положении дел в РСДРП и получали необходимую поддержку. В период проведения избирательной кампании в III Государственную думу большевики получили от правления СДПГ финансовую помощь в размере 5 тыс. марок для организации предвыборной работы [6, с. 186].

Когда по приказу властей были арестованы социал-демократические депутаты II Государственной думы и над ними готовилась судебная расправа, В. И. Ленин через Международное социалистическое бюро (МСБ) обратился к руководителям СДПГ с просьбой выступить в защиту арестованных и заклеймить позором реакционные действия русского правительства [5, т. 16, с. 482]. Немецкие социал-демократы откликнулись на призыв В. И. Ленина. В социал-демократической прессе появились статьи, резко бичующие произвол царских властей и выражающие братскую солидарность с русскими рабочими-депутатами, брошенными на скамью подсудимых [18, 1907, 14 XII]. В день начала суда над социал-демократическими депутатами, когда трудящиеся Петербурга и Москвы организовали массовые забастовки и демонстрации протеста, немецкие рабочие были на стороне русских демонстрантов, проявляя с ними братскую классовую солидарность [18, 1907, 14 XII].

Развитие классовой солидарности между российским и германским пролетариатом имело огромное значение для формирования идеологии интернационализма у работавших в Германии по найму русских рабочих. Совместная борьба немецких и русских рабочих против германских капиталистов закладывала фундамент подлинно интернациональных отношений между двумя крупнейшими отрядами международного рабочего движения.

Развитие революционной солидарности между трудящимися России и Германии было процессом двусторонним. Если, с одной стороны, левое крыло немецкой социал-демократии оказывало определенное влияние на рост революционной сознательности трудящихся масс России, то, с другой стороны, революционные потрясения в России немедленно накладывали свой отпечаток на течение событий в Германии.

Несмотря на различные препятствия и преследования русских революционных эмигрантов со стороны германских властей, большевики продолжали поддерживать связи с немецкими социал-демократами, направляя в Германию новых агентов для организации тайных складов революционной литературы и переброски ее в Россию. Так, в августе 1908 г. В. И. Ленин направил в Берлин большевика Л. Б. Красина для установления революционных контактов с германской социал-демократией [6, с. 187], а в конце ноября — О. А. Пятницкого для организации транспортировки нелегальной литературы в Россию и обратно [4, т. 2, с. 442].

1910 г. ознаменовался новыми классовыми потрясениями в Германии. Уличные схватки демонстрантов с войсками становились обычным явлением, и это особенно ярко показали берлинские события 6 марта, названные «германским красным воскресеньем». Они послужили толчком для новых выступлений немецких трудящихся против эксплуататорских классов.

Характерной особенностью рабочего движения в Германии в 1910 г. являлось органическое сочетание политической борьбы за реформу избирательного права в Пруссии с экономической борьбой пролетариата [6, с. 190].

Жизнь и борьба немецкого рабочего класса и его партии регулярно освещались в российской социал-демократической печати и, прежде всего, в большевистской газете «Пролетарий», а также в центральном органе РСДРП — газете «Социал-демократ». Зимой 1909 г. в «Социал-демократе» появилась первая статья под заголовком «Из Германии». В ней читатель знакомился с опытом работы социал-демократической парламентской фракции в германском рейхстаге. Вместе с тем в статье подвергались критике русские ликвидаторы за сотрудничество с либеральной буржуазией и отзовисты [17, 1909, № 2, 28 I — 10 II].

В корреспонденциях из Германии раскрывался не только положительный опыт работы парламентской социал-демократической фракции. В «Социал-демократе» периодически появлялись материалы, содержавшие критику немецких ревизионистов, а также руководства социал-демократической фракции рейхстага за «парламентские комбинации»

и пассивную созерцательность при утверждении финансовой реформы. Систематическое освещение на страницах российской социал-демократической печати борьбы немецкого пролетариата против эксплуататорских классов и реакционной политики правящих кругов, а также деятельности СДПГ по руководству этой борьбой позволило трудящимся России ближе ознакомиться с положением дел в Германии, использовать положительный опыт немецких товарищей в борьбе против самодержавия, капиталистов и помещиков.

Ошибочные позиции руководства немецкой социал-демократии подвергались резкой критике со стороны В. И. Ленина, который считал, что ошибки немецких вождей должны послужить уроком для российских социал-демократов. Поэтому он призывал русских марксистов учиться «...не только у немцев, но и на немцах» [5, т. 16, с. 187].

Публикация корреспонденций, замосток, статей и, прежде всего, статей В. И. Ленина, анализировавших теорию и практику СДПГ, воспитывала у российских социал-демократов острую непримиримость к оппортунистам и содействовала укреплению интернациональных связей с подлинными представителями немецкого рабочего класса — германскими левыми социал-демократами. Деятельность большевиков в социал-демократической прессе была направлена на утверждение в российском рабочем классе идеологии пролетарского интернационализма и укрепление на этой основе революционных связей российского и германского пролетариата.

Героическая борьба пролетариата России против черносотенной реакции находила широкий отклик со стороны германских рабочих. И этому в значительной мере содействовала деятельность В. И. Ленина в Международном социалистическом бюро, где он представлял русскую социал-демократию (с октября 1905 г. до конца 1912 г.). 1907—1910 гг. были периодом наиболее активной работы В. И. Ленина во II Интернационале. В. И. Ленин вел обширную переписку с его секретариатом. Так, с начала первой русской революции до начала первой мировой войны (а точнее, с 1 июня 1905 г. по 1 августа 1914 г.) секретариат МСБ получил от В. И. Ленина 52 письма [5, т. 21, 47, 48].

В работе по сплочению и организации сил пролетариата важное место занимала борьба против милитаризма и колониализма. В. И. Ленин исходил из неразрывной связи антивоенного движения и подготовки пролетариата к революции. В оценке войны он считал решающим не простое ее оборонительный или наступательный характер, а интересы классовых борьбы, международного движения пролетариата [5, т. 17, с. 195].

В 1910 г. на Копенгагенском конгрессе II Интернационала В. И. Ленин говорил о необходимости противопоставить милитаризму важное программное требование социал-демократов о замене буржуазной армии вооружением народа. В период подготовки Базельского конгресса II Интернационала (1912) В. И. Ленин добивался того, чтобы в комиссии по подготовке манифеста получила отпор правоцентристская позиция лидеров германской и австрийской социал-демократии, отрекавшихся от революционной массовой антивоенной борьбы пролетариата. При этом он был противником левацких анархо-синдикалистских лозунгов «ответить на войну прямым действием», антивоенной стачкой. Он считал, что в неблагоприятных условиях начала войны нужна не антивоенная стачка, а необходимо укрепление нелегальных организаций пролетариата и подготовка его к революции [1, т. 3, с. 252]. В июле 1914 г. В. И. Ленин писал: «Лучшая война с войной: революция» [5, т. 25, с. 450].

Копенгагенский конгресс принял резолюцию, в которой подтверждалась антивоенная Штутгартская резолюция, и в частности ленинское положение о всемерном использовании пролетариатом в случае войны экономического и политического кризиса для свержения капиталистического строя [22, S. 34—35].

Активную борьбу против милитаризма и опасности войны вели германские левые. Они решительно разоблачали преступные планы германской военщины и требовали от партийного руководства организации по-

следовательной антимилитаристской работы. Чем больше возрастала опасность войны, тем активнее выступали немецкие левые как пропагандисты и организаторы антимилитаристской борьбы немецкого рабочего класса и немецкой рабочей молодежи [23, с. 67]. Особенно самоотверженную борьбу против милитаризма вел К. Либкнехт.

Новый подъем международного рабочего движения, достигший особой силы в 1910—1914 гг., происходил в условиях роста гнета монополий и усиления воздействия на массы буржуазной идеологии. Правящие круги крупнейших стран всячески стимулировали националистические и шовинистические настроения, чтобы сделать народные массы соучастниками назревавшей империалистической войны. В то же время социал-реформисты все откровеннее пытались осуществлять соглашательскую политику. Они призывали трудящихся к отказу от массовых выступлений, добивались ограничения политической деятельности рабочих партий парламентской борьбой и лозунгами умеренных реформ.

Хотя объективные задачи социал-демократии в разных странах были различны, необходимость подготовки масс к революции сближала все отряды мирового рабочего движения, определяла линию левого крыла международной социал-демократии [1, т. 3, с. 243]. В. И. Ленин отмечал в этой связи большое значение опыта рабочего движения России для стран Западной Европы, «...ибо несомненно, что в период социалистических революций и там будут происходить явления, подобные тем, какие имели место в России» [5, т. 23, с. 55].

В 1912—1913 гг. В. И. Ленин указывал, что развязка растущего в России революционного кризиса зависит как от множества внутренних причин, так и от ситуации в Европе и Азии. Одним из факторов, обуславливавших назревание этого кризиса в России, было вопиющее несоответствие сложившейся в ней обстановки «...с положением дел во всех соседних, не только европейских, но и азиатских странах» [5, т. 21, с. 251; т. 23, с. 300].

Стратегический курс революционного пролетариата России, разработанный В. И. Лениным и проводившийся большевиками в 1905—1907 гг., оставался неизменным и в годы реакции и в период начавшегося затем нового революционного подъема; подтверждалась правильность определения «...той линии политической размежевки классов, которая одинакова и при буре и без бури» [5, т. 20, с. 405]. В. И. Ленин разоблачал стремление либеральной буржуазии, российского ревизионизма, ярко воплотившегося в ликвидаторстве, увести пролетариат с революционного пути к социализму на путь мелких реформ. Расшаркиваясь перед оппортунистами других стран, ликвидаторы сетовали по поводу того, что-де «русская социал-демократия говорила слишком усердно по-русски», в то время как можно было говорить «по-общеευропейски», сокрушались, что в России никому не пришла в голову проповедовавшаяся К. Каутским «стратегия измора» [19, 1909/1910, Bd. 2, S. 913, 919].

Большевики во главе с В. И. Лениным выступали как авангард тех сил II Интернационала, которые стремились определить политическую линию пролетариата с учетом новых исторических условий, а также конкретной обстановки в разных странах.

Характерной чертой России после периода реакции была исключительная решительность пролетариата и быстрый рост революционного движения [24, с. 342]. «Пролетариат, отступавший... с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в наступление... Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает, — писал В. И. Ленин в декабре 1910 г. — Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции» [5, т. 20, с. 74—75].

От оборонительных в целом боев 1910—1911 гг. рабочий класс России в апреле—мае 1912 г. перешел в массовое наступление против царизма и буржуазии за свободу всего народа, за демократическую республику. «Волна экономических и политических стачек поднялась так высоко, что Россия опять стоит в этом отношении *впереди всех*, даже наиболее развитых, стран мира», — писал в феврале 1913 г. В. И. Ленин

[5, т. 22, с. 252]. О размахе движения можно судить хотя бы потому, что только 1 мая 1912 г. в стране было в полтора раза больше стачечников, чем в 1910 и 1911 гг., вместе взятых, и почти столько же стачек, сколько было в эти два года [25, с. 172].

По сравнению с 1905 г. рабочее движение этого периода сделало шаг вперед. Это выразилось прежде всего в том, что революционное движение началось не «с массовых стачек и гапонады», как в 1905 г., а с «массовых стачек и *поднятия республиканского знамени!*» [5, т. 21, с. 350].

В основе пролетарского движения 1912—1914 гг. лежали не только экономические причины. Конечно, экономические мотивы оказали определенное воздействие, о чем свидетельствовали требования бастующих. Однако главными были политические мотивы. Именно поэтому большинство стачек в этот период носили политический характер. В политических стачках участвовало свыше 80% бастовавших рабочих [5, т. 23, с. 196]. Такого не знала раньше ни Россия, ни какая-либо другая страна. При этом около 42% стачечников добились успеха [1, т. 3, с. 296].

Отличительной чертой рабочего движения в период нового революционного подъема являлась исключительно высокая степень братской солидарности и товарищеской взаимопомощи рабочих.

Более осознанными и весомыми стали требования бастовавших: установление республики, введение 8-часового рабочего дня, легализация празднования Первого мая, прекращение преследований за участие в стачках. Впервые выдвигались такие требования, как отмена наградных, развращавших рабочих, установление минимума гарантированной заработной платы и т. п. [25, с. 383].

Партия большевиков была вдохновителем и организатором массового движения против милитаризма и угрозы войны. С трибуны Думы большевики беспощадно критиковали военные приготовления царизма, отказывались голосовать за военный бюджет. Борьбу против угрозы войны, против национализма и шовинизма в своей стране они органично увязывали с отстаиванием революционных принципов антимилитаристского движения рабочего класса и всех трудящихся на международной арене; они готовили массы к революционному использованию кризиса, который могла породить война.

Под влиянием большевиков, под их антивоенными лозунгами проходили демонстрации рабочих России в 1912—1913 гг. В них участвовало от 400 тыс. до 1 млн человек [26, с. 66]. «Долой войну» — было одним из главных требований стачек этого периода.

В годы нового революционного подъема российский пролетариат вновь показал, что идет в авангарде международного рабочего движения. С особой силой его авангардная роль проявилась в 1914 г. Именно в это время «Правда» отмечала, что «русское рабочее движение приобретает все яснее международное значение» [27, 1914, 7 VI]. В этот период Россия по числу стачечников (более 2 млн человек [5, т. 26, с. 331]) почти вдвое превосходила общее количество забастовщиков Англии, Германии и Франции вместе взятых [25, с. 338].

Авангардная роль рабочего класса России в развитии борьбы всемирной армии пролетариата в рассматриваемый период определялась в первую очередь объективными условиями назревания в стране новой волны народной революции.

Вся российская и мировая обстановка делали эту новую, назревавшую в стране революцию эпицентром международного рабочего и всемирного освободительного движения. При этом российский пролетариат имел исключительный по своей значимости опыт осуществления своей гегемонии в освободительном движении как во время максимального подъема масс, так и в период их жесточайшего подавления. Во главе российского пролетариата шла руководимая В. И. Лениным партия большевиков, сложившаяся в политическую организацию нового типа, вооружившая рабочих России революционной теорией. Именно в России оказывались взаимоувязанными важнейшие объективные и субъективные факторы, диктовавшие необходимость и обеспечивавшие возможность осуществ-

ления пролетариатом его всемирно-исторической роли [1, т. 3, с. 303]. При этом большевики с громадным вниманием относились к опыту различных национальных отрядов всемирной армии труда. В. И. Ленин ставил задачу — использовать все ценное из опыта германской социал-демократии [5, т. 48, с. 280].

В. И. Ленин предвидел резкое обострение классовых противоречий в Германии в предвоенные годы. «Эпоха использования созданной буржуазией законности, — писал он, — сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности!» [5, т. 20, с. 16].

Характеризуя перспективы освободительной борьбы в Германии, В. И. Ленин подчеркивал, что нарастающая там революция «...встречает особую, своеобразную политическую ситуацию, которая не похожа на другие предреволюционные эпохи в других странах... Главная особенность этой своеобразной предреволюционной ситуации состоит в том, что грядущая революция неизбежно должна быть несравненно более глубокой, более серьезной, втягивающей более широкие массы в более трудную, упорную, долгую борьбу, чем все предыдущие революции» [5, т. 20, с. 15—16].

На развитии рабочего движения в Германии предвоенных лет продолжало сказываться то обстоятельство, что в течение длительного времени специфическим орудием борьбы пролетариата, игравшим здесь более важную роль, чем в других странах, был парламентаризм. Вопросы избирательной борьбы оказывались тем более острыми, что в связи с ней происходила консолидация противостоявших рабочему классу сил капиталистического общества.

В сентябре 1910 г. А. Бебель говорил на Магдебургском съезде СДПГ: «Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются. Мы идем навстречу очень, очень серьезным временам» [1, т. 3, с. 310].

В 1910—1913 гг. число стачек по сравнению с 1908—1909 гг. увеличилось в Германии в среднем за год в 1,6 раза, количество их участников — в 3 раза, а забастовочных человеко-дней — в 2,8 раза [28, S. 27]. Возросла результативность забастовок. В 1911—1913 гг. почти $\frac{2}{3}$ их закончились победой рабочих.

Для германского пролетариата в предвоенные годы характерно выдвигание не только экономических требований, но и проникнутых стремлением отстоять права рабочего класса и его организаций требований демократизации порядков на предприятиях. Вместе с тем шла и более широкая политизация стачечного движения.

Стаечная борьба в Германии развивалась в тесной связи с мощными демонстрациями, митингами протеста, имевшими, как правило, политическую, демократическую, антиимпериалистическую направленность. Важное место по-прежнему занимала борьба за реформу избирательного права в Пруссии, достигшая особого размаха в 1910 г.

Весной 1910 г. развернулись мощные стачечные выступления пролетариата. Попытка союзов предпринимателей при помощи локаута расправиться с организациями рабочих привела к сопротивлению и забастовке более чем 160 тыс. строителей. Широкое движение, продолжавшееся с апреля по июнь, охватило всю страну и принесло успех [1, т. 3, с. 309—310].

Между тем в рядах социал-демократии и свободных профсоюзов все резче обозначались две тенденции — классово-пролетарская и реформистская. Обострилось столкновение между революционной линией левых и откровенно оппортунистическим курсом на «позитивную работу», центристской «стратегией изнурения». В рабочем классе усиливалась неудовлетворенность теми средствами, которые применялись в борьбе против существовавших порядков.

В. И. Ленин в 1912 г. отмечал «...общий рост оппортунизма и „уравновешение“ его сил с революционной социал-демократией в крупных

странах рабочего движения...» [5, т. 48, с. 96]. В первую очередь это относилось к Германии, где ревизионисты-бернштейншанцы и оппортунисты-«практики» из социал-демократического партийного и профсоюзного руководства, вынужденные считаться с подъемом в стране рабочего движения, вместе с тем игнорировали его реальное содержание; значение массовых выступлений, и особенно политической стачки, они сводили к борьбе за избирательное право.

Фальсифицируя опыт борьбы рабочих России и одновременно отвергая применимость его в условиях Германии, ревизионисты рассматривали массовые стачки не как средство привлечения на сторону пролетариата других слоев населения, а как средство, применение которого зависело от настроений непролетарских слоев [29, 1909, Н. 26, S. 1665; 1913, Н. 18—20, S. 1059, 1135].

Центристы, признавая на словах революционные цели, пути, формы и методы борьбы рабочего класса, на деле отказывались от подготовки масс к активной революционной борьбе. Они фетишизировали парламентаризм. Смыкаясь с правыми оппортунистами против революционной социал-демократии, центристы в своей критике политической линии ревизионизма в предвоенные годы фактически добивались лишь более гибкого ее приспособления к изменяющимся настроениям масс. На этой основе сформировался блок правых реформистов и центристов, уводивший пролетариат от революционной борьбы за демократию и социализм [1, т. 3, с. 276].

Левые социал-демократы стремились использовать и парламентские и внепарламентские средства борьбы в интересах революционного движения. Однако они представляли собой весьма небольшую и довольно разнообразную группу, не имевшую своей организации. Их сил было явно недостаточно, чтобы придать классово-пролетарскую направленность парламентской и внепарламентской деятельности партии, шедших за ней масс, подготовить их к борьбе в условиях нараставшего в Германии общеполитического кризиса. Тон в СДПГ задавала не левая оппозиция, а скатывавшиеся вправо официальные партийные круги. С осени 1913 г. возможности для деятельности революционных социал-демократов еще более уменьшились. Их совсем почти перестали печатать в «Ляйпцигер фольксцайтунг» и «Нойе цайт», а статьи, публиковавшиеся в специально созданном Р. Люксембург, Ф. Мерингом, Ю. Мархлевским бюллетене «Социал-демократисше корреспондентц», оставались недоступными массовому читателю.

И все же революционное крыло СДПГ, отражавшее насущные задачи пролетариата, пробивало себе путь к рабочим, которых сама жизнь поднимала на активную борьбу против существовавших в стране порядков [1, т. 3, с. 308].

В 1911 г. большой размах приняло движение пролетариата против реакционного страхового законодательства.

Особое значение имел гневный протест рабочих Германии во время марокканского кризиса, грозившего превратиться в мировую войну. Революционные силы СДПГ подвергли резкой критике партийное руководство, отказавшееся развернуть агитацию против провокационных действий германских империалистов. В конце концов, правление СДПГ было вынуждено выступить с обращением о проведении собраний протеста.

В 1912 г., когда обострилось положение в связи с войной на Балканах, во многих городах страны вновь состоялись митинги. Так, берлинский митинг собрал более 250 тыс. участников. В ряде мест прошли антивоенные демонстрации [30, с. 252—254].

Стремясь укрепить свое положение, правящие круги усиливали репрессии в отношении наиболее активных представителей революционного течения в рабочем движении. Германское правительство усиленно готовилось к войне.

В этих условиях германские левые возглавили широкую антимилиитаристскую кампанию. В явном противоречии с курсом руководства

СДПГ и ее фракции, согласившейся в 1913 г. одобрить военный бюджет, рабочие собрания приветствовали К. Либкнехта и Р. Люксембург, разоблачавших германский милитаризм. Во время одного из выступлений Р. Люксембург прямо заявила, что при попытке правящих кругов Германии развязать войну германские рабочие должны отказаться воевать против своих зарубежных братьев. За это ее осудили, но и скамью подсудимых она превратила в трибуну для революционной агитации [1, т. 3, с. 312].

К. Цеткин подчеркивала, что один только пролетариат в силах последовательно и самоотверженно противодействовать угрозе мировой войны. Об этом, писала она, свидетельствует героическая «революционная борьба наших русских братьев и сестер... Не будем же малодушнее и слабее их. Их славная борьба... показывает на деле, что в состоянии сделать решительный, смелый и готовый на жертвы рабочий класс...». К. Цеткин выражала твердую уверенность, что массы трудового народа не побоятся угроз и лишений, протестуя против кровавой войны: «... Мощное выступление пролетарских масс против фурии войны будет выигранной битвой в его освободительной борьбе» [31, S. 624].

И другие вожди германских левых также подчеркивали в те дни громадное значение для сохранения мира героической борьбы российского пролетариата, энергично призывали рабочих Западной Европы следовать примеру русских братьев. «Этот протест русских пролетариев является верной гарантией мира, — указывал в „Социал-демократическом корреспонденте“ И. Карский, — ... позаботимся, чтобы лозунг „война войне“ стал достоянием масс также в Западной Европе и стали невозможны любые помыслы о всеобщей бойне народов» [32, 1914, 25 VII].

За год до начала первой мировой войны В. И. Ленин писал: «Сознание необходимости более решительной, наступательной, массовой борьбы рабочих медленно, но неуклонно растет среди германской социал-демократии. Если оппортунисты, которых много в парламентской фракции и среди чиновников рабочего движения, противятся такой борьбе, то в рабочих массах она встречает все больше сочувствия» [5, т. 23, с. 183—184].

Продолжало расти недовольство пролетариата, связанное с условиями труда, порядками на производстве. Несмотря на политику лидеров профсоюзов, а также на трудности, вызванные кризисом, развернувшимся в Германии в 1913—1914 гг., значительного снижения уровня борьбы не произошло. В 1913 г. зафиксировано около 10 тыс. столкновений труда и капитала, они охватили почти 92,5 тыс. предприятий, в них приняло участие более 1,7 млн человек. Одной из самых важных была стачка на германских верфях. Вопреки запретам профсоюзных лидеров она охватила около 60 тыс. человек [1, т. 3, с. 313].

Эти выступления позволяли при наличии мощных организаций рабочего класса вести подготовку пролетариата к грядущим революционным битвам. Однако деятельность блока откровенных оппортунистов и центристов, сложившегося в руководстве СДПГ и германских профсоюзов в предвоенные годы, привела к тому, что важные тенденции нарастания массовой борьбы трудящихся не были закреплены, не получили развития [1, т. 3, с. 313—314].

4 августа 1914 г. социал-демократы в рейхстаге вместе с депутатами буржуазии и юнкерства проголосовали за военные кредиты. Неслыханное предательство, совершенное социал-демократическими лидерами в столь грозный час, деморализовало немецкий рабочий класс, лишило его возможности оказать организованное противодействие кровавым замыслам империалистов [30, с. 307].

Интересы рабочего движения в Германии требовали последовательно разоблачения и изгнания из СДПГ всякого рода оппортунистов и объединения всех революционных и демократических сил. Но левые социал-демократы долгое время не понимали необходимости создания пролетарской партии без оппортунистов, и в этом В. И. Ленин видел их серьезную слабость, величайшую опасность для немецкого рабочего движения [5, т. 30, с. 16]. «Разве нам не известна история германской партии? —

спрашивал он. — И разве мы не знаем, что величайшее несчастье рабочего движения в Германии в том, что им не был произведен разрыв еще до войны?» [5, т. 44, с. 17].

И все же будущее рабочего класса Германии В. И. Ленин связывал с немецкими левыми — именно поэтому он отверг преувеличенное утверждение И. Арманд, заявившей, что «немецкая партия самая оппортунистическая в Европе». Осуждая немецкий оппортунизм, В. И. Ленин, однако, указывал, что германская социал-демократия «...все же самая лучшая, и наша задача перенять *все* ценное у немцев (масса газет, большое число членов партии, масса членов в профессиональных союзах, систематическая подписка на газеты, строгий контроль за парламентариями...) ...б е з потачки оппортунистам» [5, т. 48, с. 280]. И в 1920 г. В. И. Ленин имел в виду прежде всего немецких левых, когда писал, что «...революционная немецкая социал-демократия *ближе всего* была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить» [5, т. 41, с. 16].

Но понадобился опыт первой мировой войны для того, чтобы подтвердилась вера В. И. Ленина в торжество революционной идеи в Германии, в революционную энергию немецкого рабочего класса.

«Международное революционное движение пролетариата, — указывал В. И. Ленин, — не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. ... Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток...» [5, т. 17, с. 182].

Использование опыта борьбы пролетариата России и Германии, безусловно, обогатило рабочее движение обеих стран. Самоотверженная борьба рабочего класса России против царизма, реакции находила живой отклик со стороны немецких рабочих, которые в различных формах выражали свою братскую интернациональную солидарность. В свою очередь, российский пролетариат искренне приветствовал выступления пролетариата Германии против милитаризма и внутренней реакции, за улучшение своего экономического и политического положения.

Международное рабочее движение кануна первой мировой войны включало в себя российский опыт массовой революционной стачки, сочетавшейся с другими формами и средствами борьбы, парламентскими и внепарламентскими, опыт партии большевиков, сумевшей в сложнейших условиях возглавить пролетариат и повести его по правильному пути.

Свой вклад внесло и германское рабочее движение, имевшее большие достижения в области организации пролетариата. Революционное крыло СДПГ отстаивало принципиальные марксистские позиции, что в последующие годы войны позволило ему спасти пролетариата своей страны.

Рабочее движение в России носило интернациональный характер, было неразрывно связано с борьбой международного пролетариата, на поддержку которого оно опиралось. В. И. Ленин отмечал, что пролетариат России прошел долгую школу стачечной борьбы, учитывая опыт европейского массового рабочего движения [5, т. 38, с. 307; т. 41, с. 272—273]. Революционное движение в России оказывало влияние на ход классовой борьбы западноевропейского, в частности, германского пролетариата, который с надеждой следил за развитием событий в России.

Заложенные во второй половине XIX — начале XX в. основы интернациональной солидарности рабочего движения России и Германии, как, впрочем, и движения пролетариата других стран, получили свое развитие и углубление в последующий исторический период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 1—3. М., 1976—1978.
2. Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II. М., 1973.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.
4. Ленин Владимир Ильич. Биографическая хроника. Т. 1—12. М., 1970—1982.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч.

6. *Вишняков-Вишневецкий К. А. В. И. Ленин и революционные связи российского и германского пролетариата (1903—1910)*. Л., 1974.
7. *Кирьянов Ю. И. Пролетариат России и международное рабочее движение в 1901—1904 гг.*— Вопросы истории, 1984, № 7.
8. *Незабываемый Ленин. Воспоминания немецких товарищей*. М., 1958.
9. *Geschichte der deutsche Arbeiterbewegung. Bd. 2*. Berlin, 1966.
10. *Пятьдесят лет первой русской революции. (Тезисы)*. М., 1955.
11. *Райсберг А. Ленин и немецкое рабочее движение*. М., 1974, с. 50.
12. *Leipziger Volkszeitung*.
13. *Айзин Б. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX в.* М., 1954.
14. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstags, 1905/1906*. Bd. 1.
15. *Протоколы V съезда РСДРП*. М., 1963.
16. *Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение*. Ч. II. М., 1956.
17. *Социал-демократ*.
18. *Vorwärts*.
19. *Die Neue Zeit*.
20. *Protokoll über die Verhandlungen des Parteitag der Sozial-demokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Jena vom 17. bis 23. September 1905*. Berlin, 1905.
21. *Berichte der sozialdemokratischen Organisationen Europas, Australiens und Amerikas an den Internationalen Sozialistenkongress zu Stuttgart (18. bis 24. August 1907) über ihre Tätigkeit in den Jahren 1904—1907*. Berlin, 1907.
22. *De 1907 à 1910. Rapport sur le mouvement ouvrier socialiste soumis par les partis affiliés au Congrès Socialiste International de Copenhague (28 août au 3 septembre 1910)*. Bruxelles, [s. a].
23. *Очерк истории немецкого рабочего движения*. М., 1964.
24. *Кривогуз И. М. Второй Интернационал*. М., 1954.
25. *Арутюнов Г. А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910—1914 гг.* М., 1975.
26. *Зайчиков Г. И. Борьба большевиков против милитаризма и империалистической войны в 1907—1914 гг.* М., 1964.
27. *Трудовая правда*.
28. *Statistik des Deutschen Reichs. Bd. 278*. Berlin, 1914.
29. *Sozialistische Monatshefte*.
30. *Айзин Б. А. Революционные германские социал-демократы против империализма и войны (1907—1914)*. М., 1974.
31. *Zetkin C. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. I*. Berlin, 1957.
32. *Sozialdemokratische Korrespondenz*.

ПОЛЬСКО-РУМЫНСКИЙ СОЮЗ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА А. МИЛЬЕРАНА (ЯНВАРЬ—СЕНТЯБРЬ 1920 г.)

Хотя проблемам версальского мирного урегулирования в Восточной Европе посвящена практически необозримая литература, остается еще немало тем для более конкретных исследований. Такова, на наш взгляд, тема настоящей статьи. Связанная с общей стратегией Антанты в отношении Советской России и польско-советской войной 1920 г., она не раз косвенно затрагивалась как в общих трудах по истории дипломатии [1—4], так и в специальных исследованиях международных отношений данного региона [5—14]. Однако, несмотря на достаточно широкий круг источников, проблемы заключения польско-румынского военно-политического союза и его особая роль в восточноевропейской политике правительства А. Мильерана специальной разработке еще не подвергались. Эти вопросы необоснованно остались как бы на периферии отдельных исследований по двусторонним отношениям между Польшей, Румынией и Францией [15—18] или по внешней политике каждой из этих стран [19—25]. При этом в самых различных по направлению, методологии и целям исторических работах они, как правило, трактуются в контексте более общих проблем, что обуславливает их поверхностную оценку и недостаточную изученность. Между тем постановка этих вопросов позволила бы более ясно увидеть кризисную ситуацию в восточноевропейском регионе в период польско-советской войны и антисоветский характер французских проектов «восточного барьера» и «санитарного кордона».

17 января 1920 г. президентом Франции стал Поль Дешанель, а три дня спустя лидер Национального блока и новый французский премьер-министр А. Мильеран объявил состав своего правительства. На пост генерального секретаря МИД был назначен известный французский дипломат, последний посол Франции в царской России М. Палеолог, ближайший друг и сотрудник Мильерана. Приход к власти правительства Национального блока (выдвинувшего еще на выборах в ноябре 1919 г. демагогические лозунги: «спасение цивилизации от большевизма» и «немцы заплатят за все») означал консолидацию правых политических сил в стране, что неизбежно должно было сказаться на усилении антисоветского курса Франции и ее борьбы за гегемонию в Европе [26, с. 64]. Мильеран, занявший одновременно пост министра иностранных дел, значительно ослабил влияние на французскую дипломатию военного ведомства, которое играло столь большую роль при Ж. Клемансо. Теперь нити управления внешней политикой сосредотачивались в основном на Ка д'Орсе и фактически находились в руках Мильерана и Палеолога [19, р. 166].

Придя к власти, Мильеран заявил, что будет продолжать линию Клемансо [27, 1920 5 II]. Что он имел в виду? Как известно, на Лондонском

совещании 12 декабря 1919 г., на котором для многих западных лидеров провал второго похода Антанты стал уже очевидным, Клемансо решил отказаться от прямой антисоветской интервенции и предложил прекратить «материальные расходы на цели поддержания или восстановления порядка в России» [28, vol. II, 1948, p. 746]. Он заявил, что его больше тревожит будущая угроза со стороны Германии, поэтому он предлагает создать вокруг России «заграждение из колючей проволоки», которое, во-первых, не позволило бы Германии завязать с Россией политические и экономические отношения, а во-вторых, исключало бы вероятность распространения большевизма за пределы России. Главная роль в этом блоке отводилась Польше, которой предполагалось оказать военную и экономическую помощь. При этом надо отметить, что к выводу относительно провала коалиционного антисоветского фронта (главным образом из-за противоречий между белогвардейскими правительствами Колчака и Деникина с Польшей и королевской Румынией и внутривосточного кризиса западных держав) Клемансо пришел не столько под влиянием аналогичной политической линии Ллойда Джорджа, сколько на основании разработки этой проблемы на Кэ д'Орсэ за несколько недель до начала Лондонского совещания [19, p. 164]. Смысл своего нового курса Клемансо попытался также разъяснить во второй половине декабря 1919 г. на заседании вновь избранной палаты депутатов, которую он заверил, что Франция не будет воевать против России [29, с. 261].

Мильеран пришел к власти как раз в тот момент, когда в европейских международных отношениях обозначились существенные перемены. 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты был вынужден принять решение о снятии экономической блокады Советской России. «Мы блокируем не столько Россию, сколько самих себя», — писал известный английский буржуазный экономист Дж. М. Кейнс [30, с. 135]. Отдельные политики держав Антанты, и в первую очередь Великобритании, боялись, что «вакуум» в торговле с Россией будет заполнен Германией, Швецией и другими претендентами. 10 февраля 1920 г. при открытии сессии парламента Ллойд Джордж высказался за расширение торговли с Россией, а еще раньше, в декабре 1919 г., он указывал в своем заявлении для кабинета министров: «Не может быть и речи о том, чтобы вести активную войну с большевиками, т. к. мы не имеем войск, денег и кредита, а общественное мнение полностью против такого курса» [31, с. 317]. Начав 31 мая 1920 г. в Лондоне торговые переговоры с Л. Красиным, Ллойд Джордж, по замечанию советского наркома иностранных дел Г. Чичерина, стремился «выкачать» из Советской России все, что возможно, «захватить в свои руки весь механизм экономического общения» с Россией [32, т. 2, 1958, с. 645].

Какую же тактику избрали в этой изменившейся обстановке правящие круги Франции? Как стали развиваться в этот период отношения между Польшей Пилсудского и буржуазно-помещичьей Румынией и какое место они заняли в новых французских концепциях?

Известно, что в отличие от Великобритании, занявшей весной — летом 1920 г. выжидательную позицию, Франция в это время поддерживала агрессивные действия Польши в отношении Советской России. В этом смысле правительство Мильерана продолжило линию, которую Клемансо проводил до Лондонского совещания. Поощряя Пилсудского в его отказе от переговоров с Советским правительством, Мильеран прекрасно понимал, что эта линия может привести к войне. 18 февраля 1920 г. в беседе с корреспондентом американского информационного агентства «Юниверсал Сервис» В. И. Лениным, подчеркнув мирные намерения Советского правительства по отношению к Польше и Румынии, отметил, что Франция подстрекает эти страны напасть на Советскую Россию [33, с. 145]. Тактика Мильерана не осталась не раскрытой и западными наблюдателями. В феврале 1920 г. американский посланник в Варшаве Х. Гибсон передавал в Вашингтон, что «французы, не давая никаких определенных обещаний, по-видимому, поддерживают решение Пилсудского продолжить военные действия. Они объявили о скором приезде маршала Фоша и всячески стараются внушить надежду на падение власти большевиков в результате

внутреннего разложения» [34, р. 380—381]. Тогда же польский посланник в Париже М. Замойский сообщал польскому министру иностранных дел Ст. Патеку, что Мильеран усиленно призывает Польшу «не доверять большевикам» [35, с. 518].

Французская военная и дипломатическая поддержка имела фактически решающее значение в подготовке и развязывании Польшей войны против Советского государства. Это признавали сами польские лидеры [36, с. 102]. Первостепенную роль французской военной миссии в августовском контрнаступлении Пилсудского отмечал в свое время Ллойд Джордж, а английский посол в Варшаве Г. Румбольд даже сравнил роль французского генерала Вейгана в битве на Висле и Яна Собеского под Веной в 1683 г. [28, vol. XI, 1961, р. 530, 552—554].

Однако линия Мильерана в отношении России и Польши разделялась во французском государственном аппарате не всеми. Как ни парадоксально, в оппозиции оказались те деятели Кэ д'Орсэ, кто в 1918—1919 гг. активно помогал Клемансо в организации антисоветской интервенции и поддерживал русскую контрреволюцию. С критикой политики Мильерана — Палеолога выступили политический директор французского МИД Ф. Бертело, начальник русского отдела Ф. А. Камерер и заместитель директора европейского отдела Ж. Ларош [49, р. 166]. И хотя их критика касалась в основном не целей, а тактических вопросов и подогревалась конкурентными соображениями в борьбе за власть, она оказала определенное влияние на французское общественное мнение и нашла отражение весной 1920 г. в дебатах во французском парламенте. За начало переговоров с Советской Россией и против агрессивных намерений Польши выступили депутаты С. Марген и М. Кашен. Их экономическая аргументация была обращена, главным образом, к французским финансовым кругам, заинтересованным в развитии торговых отношений с Советским государством [37, с. 59]. Эту точку зрения поддержал председатель парламентской комиссии по иностранным делам Луи Барту, указавший, что Великобритания может обойти Францию и первой заполучить российские экономические рынки [27, 1920, 28 111]. Опасения отдельных французских политиков относительно авантюрных планов Пилсудского и его требований польских границ 1772 г. отразила на своих страницах «Юманите». 5 мая 1920 г. в статье «Пилсудский — ученик фон Кюльмана» отмечалось, что французское правительство, поддерживая Пилсудского и толкая его на новые авантюры, восстанавливает против себя «всю Россию, все русские партии от Сазонова до Ленина». «Поддержка Пилсудского, — говорилось в статье, — более абсурдна, чем поддержка Колчака и Деникина. Великая Польша, о которой мечтают на Кэ д'Орсэ, будет в конце концов бессильной Польшей. Франция отталкивает от себя не только нынешнюю, но и завтрашнюю Россию».

Сложное общественно-политическое и экономическое положение Польши должно было, по мнению оппозиции, остановить Пилсудского от принятия рискованных шагов в восточной политике, а правительство Мильерана — от их поощрения. К тому же в начале 1920 г. французское военное ведомство отмечало слабость польской армии и уязвимость ее стратегических позиций. Французская военная миссия в Польше под руководством генерала Анри постоянно напоминала в то время Пилсудскому об угрозе со стороны Германии [15, с. 243].

Общее воздействие на Францию новых тенденций международной ситуации уловила польская дипломатия. 18 марта 1920 г. М. Замойский сообщил Ст. Патеку об относительном изменении французских концепций. Он отмечал, что «опыт» Колчака и Деникина показал французскому правительству, с одной стороны, «явно национальный характер большевистской системы», с другой — бесцельность и невозможность дальнейшей вооруженной борьбы с ней, как силами самих союзников извне, так и при их помощи внутри России. В этих условиях, подчеркивалось в донесении, война Польши с большевиками утратила признанную за ней в свое время Клемансо роль «защиты Европы от большевиков» и свелась к разрешению исключительно польско-большевистских споров. Польский дип-

ломат полагал, что все более ощущаемая правительством Мильерана политическая изоляция Франции среди союзников, о чем свидетельствовало поведение США и ее серьезные расхождения во взглядах как с Англией, так и с Италией «по целому ряду первостепенных вопросов», вынуждает ее везде искать гарантии восстановления своей экономики и обеспечения в будущем собственной безопасности против угрозы немецкого реванша. В заключение Замойский констатировал, что в настоящий момент Франция «дихорадочно» сколачивает антинемецкий блок и поэтому хочет видеть в Польше, прежде всего, еще одну гарантию против германской угрозы [35, с. 603—604]. Если даже допустить, что польский посол имел противоречивую информацию (в которой явно обнаруживаются взгляды оппозиции относительно «бесцельности» и «невозможности» вооруженной борьбы с большевизмом), то вряд ли (почти два месяца спустя после прихода Мильерана к власти) общие контуры официальной французской политики могли оказаться им абсолютно непонятными.

Поражение второго похода Антанты, эвентуальность англо-советского экономического соглашения и, наконец, «германский вопрос» не могли не повлиять на подход французских политиков к восточноевропейским проблемам. Столкнувшись в 1919 г. с центробежными тенденциями внутри «санитарного кордона», которые, по их предположению, явились следствием распада Австро-Венгрии, а отсюда, как они расценили, и «балканизации» Центральной Европы (в том смысле, что этот район наряду с Балканами становился таким же очагом конфликтов), французские дипломаты самоподеянно решили, что смогут искусственно создать здесь профранцузскую систему союзов малых государств, продиктовав им свою волю. В конце 1919 — начале 1920 гг. М. Палеолог выдвинул идею создания так называемой Дунайской конфедерации, в которую бы вошли государства Дунайского бассейна, возникшие после развала Австро-Венгрии. Конфедерация должна была включать также Польшу и Румынию, военнополитическому сотрудничеству которых (под контролем Франции) отводилась не менее значительная роль, чем во французских планах периода первого и второго походов Антанты. Одной из целей, которую преследовал проект Палеолога, было противодействие германским планам создания срединной Европы и аншлюсу Австрии как первому шагу к осуществлению этой давнишней мечты Вильгельма II. Являясь фактически французским вариантом этой традиционной программы германского экспансионизма, проект Дунайской конфедерации представлял собой часть большого экономического и политического плана по закреплению и расширению преобладающего влияния Франции на европейском континенте. Разработка этого проекта свидетельствовала о том, что Париж в то время пытался найти для себя такой вариант союза восточноевропейских стран, который был бы направлен как против Советской России, так и против Германии. При этом французская политика поощрения военных планов Пилсудского весной 1920 г. подтверждала, что «восточный барьер» правительство Мильерана рассчитывало создать на основе концепций «санитарного кордона» 1919 г., которые содержали в себе установки активной вооруженной борьбы с Советской Россией. В новом варианте французского «восточного барьера» были как бы объединены элементы восточноевропейского блока, предложенного Клемансо в декабре 1919 г., с элементами антисоветского «санитарного кордона», идею которого пытались осуществить Фош и Клемансо в период второго похода Антанты (с марта по декабрь 1919 г.), когда они добивались установления совместной польско-румынской границы и усиления военно-политического сотрудничества Польши и Румынии, направленного против Советской России и Венгерской Советской республики [38, р. 52]. После нападения Пилсудского на советское государство и начала 25 апреля 1920 г. польско-советской войны идея «санитарного кордона» вновь обнаружилась в попытках дипломатии Мильерана — Палеолога создать все тот же антисоветский польско-румынский барьер, но только усиленный уже хортистской Венгрией, занявшей центральное место в концепции Дунайской конфедерации. После провала второго похода Антанты правительство Мильерана решило, что

усиление французских политических и экономических позиций в Венгрии в значительной степени способствовало бы утверждению гегемонии Франции в Дунайской Европе. Причем торговым переговорам Англии с Советской Россией противопоставлялись секретные экономические переговоры с Венгрией, представлявшие собой начальный этап на пути заключения экономических соглашений Франции с рядом восточноевропейских стран, и прежде всего с Польшей и Румынией. Таким образом, в основу Дунайской конфедерации первоначально должна была лечь система экономических договоров, которые в дальнейшем предполагалось дополнить политическими соглашениями.

Начав 7 апреля 1920 г. секретные переговоры с хортистами (известные как переговоры Халмоша — Палеолога), французские дипломаты надеялись, что Венгрия может стать связующим звеном между Польшей и Румынией и тем самым укрепит польско-румынский антисоветский фронт. При этом система расчетов Палеолога явно строилась на его убежденности в возможности нейтрализовать в своих интересах противоречия Венгрии с соседними государствами, и прежде всего с Румынией, что свидетельствовало как об умозрительности его концепций, так и о невидении французской дипломатией новых реалий и тенденций в международных отношениях в регионе, государства которого стали стремиться к самостоятельности во внешней политике.

Интересно отметить, что после прихода Мильерана к власти полуофициальная французская газета «Тан» продолжала писать о Польше и Румынии как основе антисоветского «санитарного кордона», в то время как корректировка этих концепций, внесенная Клемансо на Лондонском совещании, практически не отразилась на ее страницах. По меткому замечанию Л. Барту, большинство французов поняли концепцию «колючей проволоки» всего лишь как «продолжение неясной политики метафор» [37, s. 57]. В передовой статье «Тан» спустя три дня после отмены экономической блокады Советской России роль Польши и Румынии на востоке вновь определялась как барьер, спасающий Европу от «русских большевиков» [39, 1920, 19 II]. При этом подобные заявления в правительственной прессе делались отнюдь не на пустом месте: в их основе лежали реальные политические шаги и не прекращавшиеся разрабатываться французским военным ведомством конкретные планы координации польского и румынского фронтов. Это подтверждалось, в частности, тематикой переговоров генерала Анри с французским военным атташе в Румынии генералом Петеном, которые состоялись во Львове 12 февраля 1920 г. На встрече констатировалось, что при условии взаимодействия польского и румынского штабов, румынские дивизии в Бессарабии могли бы прикрывать правый фланг польского фронта [15, s. 164].

Однако в феврале эти констатации оставались на уровне теоретических расчетов. После же нападения буржуазной Польши на Советскую Россию экономические проблемы «восточного барьера» отошли еще больше на второй план, а заключение польско-румынского военно-политического союза приобрело особую актуальность. Именно теперь французская дипломатия приняла конкретное решение ввести в игру Венгрию и во что бы то ни стало урегулировать отношения в «треугольнике» Польша — Венгрия — Румыния.

Польская дипломатия, со своей стороны, на протяжении всего 1919 г. пыталась найти ходы к заключению военной конвенции с Румынией [16, s. 24—26]. На этапе подготовки «киевского похода» зимой — весной 1920 г. она усилила давление на Румынию. В то время в сближении с Румынией Пилсудский видел возможность повысить свои акции в восточноевропейской политике, что должно было значительно облегчить реализацию его планов по созданию единого антисоветского блока «от Эстонии до Кавказа». В протоколе тайного заседания Совета министров Польши от 8 марта 1920 г. отмечалось, что «перед началом переговоров с (Советской. — О. Т.) Россией следует стремиться к установлению тесных контактов с Финляндией, Латвией и Румынией, при этом следовало бы применить принцип взаимной поддержки требований» [35, с. 570]. Эти проекты под-

держивались дипломатией Мильерана, так как обнаруживали целый ряд сходных черт с его планами «санитарного кордона», важнейшими из которых являлся отказ от дипломатических переговоров с Россией и избрание методов вооруженной борьбы для свержения Советского правительства.

Однако как Румыния, так и прибалтийские страны не спешили поддаваться нажиму Польши. Их правящие круги оценивали перспективы военного столкновения с Советской Россией исходя из своего собственного понимания национально-государственных интересов, отдавая себе отчет в том, что на карту поставлена целостность их государственных границ. Уже в марте 1920 г. в политике прибалтийских стран наметилась тенденция к нейтралистской позиции, желание остаться в стороне от польско-советского конфликта [40, с. 36].

Что касалось Румынии, то в процессе складывания ее новой внешне-политической доктрины ясно была видна тесная взаимосвязь международных и внутренних проблем. В конце 1919 — начале 1920 гг. она переживала глубокий политический и экономический кризис: обострились социальные противоречия, усилились антивоенные выступления самых широких слоев румынской общности, углубился кризис партийной системы. Экономическое положение страны в начале 1920 г. становилось катастрофическим. Румынский валютный курс неуклонно падал [41]. К этому добавлялось прогрессирующее разложение румынской армии: дезертирство в войсках достигло огромных размеров, что не скрывалось даже румынской печатью [41]. Учитывая общественно-экономическое положение страны, румынское правительство вынуждено было 21 марта 1920 г. издать приказ о демобилизации армии с 1 апреля [42, 1920, 28 IV].

Перед румынскими правящими кругами стояла также сложнейшая проблема интеграции национальных меньшинств страны. В результате присоединенных и захваченных территорий площадь «старого королевства» увеличилась на 128%, а население выросло на 118,5% [43, с. 443]. Теперь его значительную массу стали составлять венгры, немцы, украинцы, болгары, евреи, молдаване и др. Несмотря на то, что Румыния подписала 9 декабря 1919 г. в Париже договор о меньшинствах, в стране устанавливалась в то время система открытого национального угнетения.

Весь этот сложный комплекс внутренних проблем накладывал на румынскую внешнюю политику печать пассивности, а в отношениях со своими соседями румынское правительство старалось соблюдать предельную осторожность.

Такая политика обуславливалась также неурегулированностью румынских границ с Венгрией и Советской Россией, от которых румынские правящие круги добивались официального признания своих территориальных захватов, стремясь одновременно заручиться поддержкой Антанты. Именно в этом заключалась первоочередная задача румынской дипломатии. Вместе с тем осуждение некоторыми западными кругами агрессивных намерений Пилсудского вызвало у румынской дипломатии желание (связывая в «русском вопросе» свою позицию с позицией Польши) избегать занятия такой линии, по которой она могла соскользнуть к конфликту с Антантой и соседними государствами. При этом не совпадал и выбор приоритетов во внешней политике Пилсудского и Румынии. Эвентуальный венгерский ревизионизм сближал Румынию с Чехословакией и Югославией, в то время как Чехословакия становилась главным антагонистом Пилсудского в борьбе за гегемонию в Центральной и Юго-Восточной Европе. Она не только препятствовала Польше проявить себя в роли великой державы, но и рассматривалась Пилсудским потенциальным союзником России. В стремлении согласовать свои действия с Венгрией против Чехословакии Польша наталкивалась на серьезные расхождения с Румынией, опасавшейся венгерских претензий на воссоздание земель «короны св. Стефана».

Начало же реализации концепции Дунайской конфедерации сразу повлекло за собой крупные проблемы для Румынии и Чехословакии и вместо того, чтобы успокоить «балканизированный» центральноевропейский регион, еще больше накалило там обстановку. Румынские и чехословацкие

лидеры сразу выступили против планов Мильерана — Палеолога, связывая с ними возможность усиления венгерских позиций при подготовке Трианонского договора. Еще в январе 1920 г. Т. Ионеску однозначно указал (хотя и считался сторонником профранцузской ориентации), что «даже в том случае, если Венгрия изменит свою политику в отношении Румынии, не может быть и речи о снижении угрозы с ее стороны» [44, 1920, 5 I]. В следующем месяце румынский премьер А. Вайда уже официально заявил о своем намерении «бороться против любых попыток создания Дунайской конфедерации» [11, р. 42—43], свидетельствовавшем о том, что в румынских кругах без труда увидели во французских планах попытку возродить империю Габсбургов (как это было прокомментировано в официальной румынской прессе) [24, р. 56]. В Бухаресте и Праге сразу сделали вывод о необходимости взаимной дипломатической поддержки в политике против Венгрии, что конкретно выразилось в быстром урегулировании спорных румыно-чехословацких вопросов в Закарпатье [45, s. 278], которые польская дипломатия, со своей стороны, стремилась обострить с целью подрыва румыно-чехословацких отношений и изоляции Чехословакии.

Все эти факторы и особенности линии Румынии накладывали непосредственный отпечаток на развитие польско-румынских отношений. Это наглядно проявилось в ходе польско-румынской конференции, состоявшейся 13—24 марта 1920 г. в Варшаве, которая должна была проходить в рамках общей конференции прибалтийских стран, Польши и Румынии. Конференция планировалась Патеком на март 1920 г. и должна была быть посвящена проблемам взаимоотношений с Советской Россией. В начале марта в Варшаву прибыли представители Румынии, Финляндии, Латвии и Эстонии (заметим, что 2 февраля 1920 г. Эстония заключила мир с Советской Россией). Однако совместные консультации так и не были проведены. Переговоры с представителями Финляндии проходили 4—9 марта, с представителями Румынии — 11 марта и Латвии — 8—14 марта 1920 г. [35, с. 591]. Как отмечал «Курьер польски», неудачу конференции балтийских стран в большой степени вызвала «сдержанность» Румынии [46, 1920, 23 III].

Накануне варшавских консультаций 8 марта польский посланник в Лондоне Е. Сапега передавал в МИД Польши об итогах своей встречи с А. Вайдой, из которой он вынес впечатление, что румынский премьер «с большим пониманием» отнесся к проблеме польских восточных границ, подчеркнув общее для Польши и Румынии значение «независимой» Украины под протекторатом Польши. По словам Сапегы, Вайда шел в своих проектах расчленения России даже «дальше» Пилсудского [35, с. 599].

Однако такое «понимание» польских проблем на востоке и известная солидарность в ряде вопросов пока не влекли за собой укрепления польско-румынского сотрудничества в желательном для Пилсудского направлении. Это сразу же обнаружилось в ходе варшавских консультаций, как только польская сторона попыталась перейти от обсуждения общих проблем взаимоотношений с Советской Россией к рассмотрению конкретных вопросов заключения военной конвенции.

Насколько большое значение придавал Пилсудский переговорам с королевской Румынией, свидетельствовал тот факт, что для их подготовки была создана специальная комиссия под председательством А. Залеского, а из Парижа был отозван генерал Т. Розвадовский [16, s. 29—30]. К 4 марта польское военное ведомство разработало «Проект польско-румынской военной конвенции», в котором однозначно была сформулирована ее главная цель — направленность против Советской России. В проекте отмечалось, что конвенция может быть временной и действовать только в период ведения войны с большевиками; определялись также условия военной помощи и важнейшие международно-правовые условия заключения союза — Польша обязывалась признать за Румынией Бессарабию и Северную Буковину, румынская же сторона должна была согласиться с захватом Польшей Восточной Галиции [17, s. 197—198].

Но на варшавской встрече эти столь важные для Пилсудского вопросы остались в тени. Румынская делегация, возглавляемая румынским послом в Варшаве Ал. Флореску, не имела даже соответствующих полномочий на их рассмотрение [23, р. 93—94]. Еще до начала «киевского похода» В. И. Ленин подчеркивал, что Польша, по всей видимости, останется в этой акции одна, так как «...не может получить помощь ни от кого из своих соседей, в том числе и от Румынии» [33, с. 151].

В мае 1920 г. представитель румынского МИД Замфиреску в беседе с английским посланником отмечал, что «поляки оказывают сильное давление на Румынию с целью добиться ее активного сотрудничества против большевиков» [28, vol. XII, 1962, р. 401].

Между тем пришедшее в Румынии к власти в марте 1920 г. правительство А. Авереску продолжило осторожную политику лавирования в отношении польско-советского конфликта. Это подтвердилось на переговорах в Бухаресте Т. Розвадовского с Фердинандом I, премьером Авереску и военным министром Румынии И. Роскану. Переговоры состоялись во второй половине мая. В тот период многим казалось, что временные военные успехи Пилсудского на Украине (6 мая белополяки захватили Киев) должны были наконец помочь его дипломатии склонить Румынию к заключению союза. Т. Розвадовский постоянно подчеркивал, что польская армия уже одержала победу и «освободила» Украину [47, р. 48]. Однако, как и на мартовской конференции в Варшаве, в ходе переговоров в Бухаресте демонстративное проявление дружественных отношений между Польшей и Румынией так и не вышло за пределы декларативных заявлений. Насколько можно судить по документам, приведенным в статье польского историка Г. Булхака, Розвадовский вновь встретился со сдержанной позицией румынских правящих кругов, которые уклонились от официального признания правительства Петлюры и от каких-либо конкретных заявлений по вопросу заключения военной конвенции [16, с. 34—35].

Заняв в отношении польско-советского конфликта осторожную позицию нейтралитета, Румыния тем самым серьезно путала карты французской дипломатии. Хотя надо отметить, что под влиянием и при поддержке Кэ д'Орсэ правительство королевской Румынии срывало переговоры с Советским государством [32, т. 2, 1958, с. 390] и не прекращало по отношению к нему враждебных акций [32, т. 3, 1959, с. 299—300]. Представитель румынских военных кругов полковник Росетти еще весной сообщал из Лондона в Бухарест, что французское правительство «не советует заключать мир с Россией» [48, с. 110]. На одном из заседаний французской парламентской комиссии по иностранным делам на вопрос, будет ли Мильеран поддерживать разрыв дипломатических отношений Польши и Румынии с Советской Россией, если последняя не будет предпринимать каких-либо враждебных акций, французский премьер заявил: «Без всякого сомнения» [49, р. 55]. И в этом вопросе румынское правительство последовательно шло за Мильераном. Характеризуя состояние румыно-советских отношений в июне 1920 г., румынский министр иностранных дел Т. Ионеску сказал, что он «считает их идеальными: ни война, ни мир» [28, vol. XII, 1962, р. 425]. Этот подкорректированный на Кэ д'Орсэ нейтралитет (который, кстати, официально был подтвержден только 30 ноября 1920 г.) фактически всегда играл на руку Польше. Но вместе с тем буржуазно-помещичья Румыния явно не торопилась занять определенную позицию и проявляла осторожность в официальных заявлениях относительно сближения с Польшей и Венгрией.

Стремясь усилить антисоветскую направленность румынского политического курса, Франция хотела его обусловить наиболее важным для румынских правящих кругов вопросом — подписанием так называемого бессарабского протокола, который должен был юридически закрепить румынскую аннексию Бессарабии. Но здесь правительство Мильерана наталкивалось на противодействие Англии, которая, в принципе не возражая против подписания протокола, настаивала на ратификации румынским парламентом международной конвенции о национальных меньшин-

ствах и предоставлении гарантий безопасности английским предприятиям в Бессарабии [28, vol. XII, 1962, p. 462—463, p. 473]. К тому же французское правительство должно было учитывать и национальную политику Врангеля, которому оно оказывало военную и дипломатическую помощь. 10 августа 1920 г. Франция признала созданное Врангелем «правительство Юга России», которое в июне—июле выступило с «декларацией по национальному вопросу», отражавшей определенную эволюцию в тактике белогардейцев и рассчитанной на правительство Антанты.

При всем этом на Кэ д'Орсэ всячески пытались «подыграть» Румынии в бессарабском вопросе. Назначенный в мае 1920 г. новый французский посол в Румынии Дэсхнер, затронув на пресс-конференции состояние франко-румынских отношений, в первую очередь отметил усилия и определенные «успехи» Франции в «преодолении преград» присоединения Бессарабии к Румынии [50]. 2 июля «Тан» опубликовала большую статью, посвященную проблемам румынской внешней и внутренней политики [39, 1920, 2 VII]. Специальный корреспондент «Тан» в Бухаресте Е. Альгази не случайно начал ее с констатации достижения «румынским народом» своего «национального и политического» объединения: в этом не сложно было рассмотреть прозрачный намек на французскую поддержку Румынии в бессарабском вопросе. Говоря о борьбе Румынии против революционного движения в Восточной Европе, Альгази писал: «Уже со времени оккупации Венгрии румынскими войсками бухарестская печать единодушно отмечала ту всевропейскую роль, которая выпадает на долю Румынии в этой части континента. Сейчас положение становится все более серьезным. Венгерский большевизм подавлен, но русский большевизм процветает у восточных границ Румынии, и это является для Румынии гораздо более непосредственной опасностью». Явно намереваясь сыграть на великодержавных чувствах и устремлениях румынских правящих кругов, автор статьи подчеркнул особое положение Румынии на Балканах как наиболее крупной и на тот момент наиболее сильной в военном отношении балканской «державы» (что отражало, кстати, реальную заинтересованность Франции в усилении румынских позиций на Балканах в целях проникновения туда ее влияния и выхода на экономические рынки Малой Азии). При такой характеристике румынской «державы» в статье недвусмысленно прозвучало недовольство ее политикой лавирования в отношении польско-советского конфликта.

Пытаясь привлечь Румынию на сторону Польши, правительство Мильерана одновременно стремилось сблизить с Польшей и Румынией хортистскую Венгрию.

Поддерживая планы Палеолога и идя на значительные уступки на экономических переговорах в Париже, венгерская дипломатия, со своей стороны, надеялась, как известно, такой ценой купить санкцию Франции на изменение военных и территориальных положений Трианонского договора. Поэтому, когда в конце апреля на переговорах Халмоша — Палеолога генеральный секретарь французского МИД предложил венгерским представителям завязать диалог с Польшей, значительно облегчивший бы, по его мнению, решение вопроса о венгерских вооружениях, венгерские дипломаты охотно на это согласились. Организованная в Париже Палеологом встреча Халмоша с Патеком положила начало польско-венгерским переговорам и взаимному сближению этих стран под контролем Франции [51, p. 268—272; 284—285].

После подписания 4 июня 1920 г. Трианонского договора венгерские правящие круги активизировали политику в отношении Польши, союз с которой мог для них способствовать пересмотру этого договора и выходу страны из внешнеполитической изоляции. В Варшаву был направлен венгерский представитель И. Чеконич с личным письмом Хорти к Пилсудскому [51, p. 333]. В своем послании Хорти выражал надежду на установление между обеими странами более тесных отношений, для чего, по его мнению, необходимо было бороться за установление «исторической» польско-венгерской границы; подчеркивалось, что ее отсутствие во многом осложнило бы взаимодействие польских и венгерских войск. Хорти выра-

жал также готовность договориться с Румынией в спорных вопросах и просил о польском посредничестве, давая одновременно понять, что ему отнюдь не чужды общие интересы Польши и Румынии в Восточной Европе и, в первую очередь, задачи борьбы против Советской России. «Для того, чтобы обеспечить в интересах общей политики сотрудничество между Польшей и Венгрией, — писал он, — венгерское правительство готово искать пути к разрешению многочисленных затруднений, которые сейчас разделяют Венгрию и Румынию».

В Варшаве в особенности оценили понимание Хорти важности для Польши ее союза с Румынией. В ответном послании Пилсудский писал, что Польша «отвечает взаимностью на дружеские чувства венгерского народа» и польское правительство предпримет все, что в его силах, для устранения противоречий между Румынией и Венгрией [51, р. 446—447]. Аналогичные заверения получил Чеконич и от нового польского министра иностранных дел Е. Сапеги, который считал, что для Польши заключение союзов с Румынией и Венгрией под покровительством Франции является в настоящий момент «единственно возможной» политикой [51, р. 447—448].

Предложение Хорти о румыно-венгерском сближении также основывалось на результатах франко-венгерских переговоров. Еще в апреле Палеолог вручил венгерским представителям в Париже ноту, в которой излагался конкретный план достижения соглашения между Венгрией и Румынией. Проблема венгеро-румынского сближения оценивалась в этом документе как одна из наиболее «деликатных» и сложных. В целях достижения соглашения Венгрия явно должна была идти на определенные жертвы: ей гарантировались лишь территории с бесспорным преобладанием венгерского населения [14, р. 267—268].

Однако конечная цель польско-венгеро-румынского сближения так и не была достигнута. В период июльско-августовского международного кризиса, вызванного наступлением Красной Армии на Варшаву, французская дипломатия не только не смогла последовательно провести реализацию своих концепций единого антисоветского фронта, но и столкнулась с ростом дезинтегрирующих элементов внутри «санитарного кордона». Когда в конце июля — начале августа Хорти предложил Пилсудскому военную помощь при условии, если последний добьется санкции Франции и Чехословакии на беспрепятственный проход венгерских войск через Закарпатскую Украину [51, р. 532], а также согласия Румынии пропустить через свою территорию транспорт с вооружением, правительство Мильерана было поставлено перед непростой альтернативой. В данном случае французская поддержка Венгрии могла повлечь за собой изменение военных и территориальных статей Трианонского договора. Кроме этого, французские лидеры почувствовали, что их политика в отношении Венгрии автоматически усиливает напряженность в ее отношениях с Румынией и Чехословакией, которым в этот период несложно было увидеть угрозу реваншизма со стороны хортистов. Поэтому на запрос Польши и Венгрии о взаимной военной помощи 4 августа 1920 г. Франция вынуждена была дать компромиссный ответ, обусловив его позицией Чехословакии и Румынии [15, с. 316—317]. Когда 9 августа Чехословакия объявила нейтралитет, то для продолжения своей линии, взятой на переговорах Халмоша — Палеолога, французским дипломатам оставался только один выход — оказывать нажим на Румынию. При этом основная ставка делалась именно на заключение польско-румынской военной конвенции, в то время как сама Венгрия после французского ответа 4 августа уже отодвинулась на второй план. 17 августа исполняющий обязанности начальника генерального штаба Франции генерал Дестикер сообщил венгерским представителям в Париже, что вооружение для венгерской армии может быть послано только через Румынию и при ее согласии [51, р. 586—588]¹.

¹ Интересно отметить, что одновременно венгерский представитель полковник Ланг вел переговоры с известным во всем мире торговцем и поставщиком оружия Захаровым, который убеждал полковника в том, что если оружие для Венгрии будет поставлено по Дунаю через Румынию, то на эту контрабанду закрыло бы глаза не только французское правительство, но и Ллойд Джордж [9, с. 351].

Однако Румыния и в период июльско-августовского кризиса продолжала сознательно поддерживать неопределенность в отношениях с Польшей и Венгрией. Это, в частности, подтверждал английский посланник в Бухаресте Ф. Раттиган, доносивший, что Румыния очень осторожно относится к проявлениям венгерской «дружбы» и убеждена, что Венгрия при первом удобном случае попытается вернуть Трансильванию [28, vol. XII, 1962, p. 265]. В свою очередь, в конце июня И. Чеконич передавал в Будапешт, что румынское правительство, как и чехословацкое, занимает антивенгерскую позицию [51, p. 381—384].

Что касалось сближения с Польшей, то хотя Т. Ионеску и допускал выступление Румынии на стороне Польши (пытаясь привлечь к этой акции и Югославию), но совет министров 17 июля принял решение отказаться от открытого вмешательства в польско-советскую войну [47, p. 71]. Касаясь этих событий, известный буржуазный румынский историк Н. Йорга признавал, что Т. Ионеску собирался оказать Польше военную помощь под сильным давлением западных держав [52, p. 432—433]. 7 июля английская газета «Дейли геральд» сообщила о прибытии в Бухарест французской военной миссии во главе с генералом Жоффром, которая собиралась оказать нажим на румынское правительство с целью добиться от него военной помощи Пилсудскому [53, 1920, 7 VII]. Игнорируя мирные предложения Советской России, правительство Авереску в конце июля — начале августа объявило частичную мобилизацию. Одновременно была отложена демобилизация континентов 1917—1918 гг., планировавшаяся на август [41].

В это время вопрос о возможном выступлении Румынии на стороне Польши был на переднем плане политической борьбы внутри страны. Раздвывая антисоветскую кампанию, реакционная румынская пресса писала об «угрозе» со стороны Советской России и необходимости «оборонительных» действий. В ответ на выступления правых и милитаристских кругов в стране усилилось демократическое движение за мир и невмешательство Румынии в польско-советскую войну [54, p. 186; 55, p. 364]. Развернувшаяся по этому вопросу борьба в румынском парламенте и сенате показала, что почти вся буржуазная оппозиция высказалась за нейтралитет и начало переговоров с Советской Россией. С осуждением польской интервенции активно выступили депутаты-социалисты. Их представитель Г. Григорович заявил 20 июля в сенате, что Польша не имеет абсолютно никаких прав считать Галицию своей территорией, поэтому Румыния не может расплачиваться за ее авантюрные планы [56, p. 209—214].

В те дни, когда под Варшавой решался не только исход польско-советской войны, но и судьба всей восточноевропейской политики Мильерана — Палеолога, правительство Авереску под давлением внутренней оппозиции так и не выступило на стороне Пилсудского. Планы Франции по созданию антисоветского польско-румынского союза оказались на этом этапе неосуществленными. Более того, события июльско-августовского кризиса и позиция Румынии показали нереальность палеологовских концепций «восточного барьера». Вскрылась непреодолимость противоречий между его участниками и усиление противодействия этим планам Англии, не желавшей утверждения французской гегемонии в Восточной Европе [51, p. 328, 338—339]. В этот период Т. Ионеску выдвигал свои собственные проекты восточноевропейского блока, который гарантировал бы версальскую договорно-правовую систему и в конечном итоге был бы направлен как против Советской России, так и против реваншизма Венгрии [47, p. 87]. Его планы скорее пересекались с пилсудчиковскими планами создания блока «от моря до моря», (так как их сближала проблема интеграции захваченных как Румынией, так и Польшей земель — Восточной Галиции, Бессарабии и Северной Буковины), чем с проектами Палеолога, в которых, помимо антисоветских установок, не сложно было разглядеть цели воссоздания под контролем Франции австро-венгерской монархии и перемещение центра тяжести на антигерманскую политику.

Таким образом, пытаясь в период польско-советской войны создать польско-румынский «санитарный кордон» и приступив на переговорах

Халмоша — Палеолога к реализации концепций антисоветского и антигерманского «восточного барьера», Мильеран, как и обещал, действительно выступил продолжателем линии Клемансо. После поражения первого похода Антанты в период мартовско-апрельского кризиса 1919 г. Клемансо и маршал Фош отвели польско-румынскому военному союзу основную роль в борьбе против Советской России и Венгерской Советской республики. Правительство Мильерана вернулось к этой комбинации, но только с привлечением к ней уже хортистской Венгрии. Однако попытки французской дипломатии скоординировать развитие польско-венгеро-румынских отношений ни к чему не привели: трехсторонние отношения между Польшей, Румынией и Венгрией стали развиваться не в сторону активизации связей, а в направлении, противоположном замыслу Палеолога. Линия Румынии была не только нацелена в то время против Венгрии, но и обнаруживала сознательную поддержку неопределенности в отношениях с Польшей. Не отказавшись от вооруженной борьбы с РСФСР и сделав ставку на хортистскую Венгрию и планы Дунайской конфедерации, французское правительство избрало тем самым курс, который не только не соответствовал изменившейся политической ситуации в Европе, но и не учитывал новых тенденций во внешней политике малых восточноевропейских стран. Политика лавирования Румынии в отношении польско-советского конфликта, ее нежелание идти на компромисс с Венгрией, а отсюда, как следствие, и неудача заключения при французском посредничестве польско-румыно-венгерского союза показали, что в своей политике государства Центральной и Юго-Восточной Европы стали проявлять определенную самостоятельность, преодолеть которую для Парижа оказалось не так просто. В решающий момент польско-советской войны правительству Мильерана стало ясно, что Франция сможет создать «восточный барьер» только с привлечением восточноевропейских государств-победителей. В сентябре 1920 г. М. Палеолог вынужден был покинуть пост генерального секретаря французского МИД. Его место занял Ф. Бертело. Польско-румынский антисоветский военно-политический союз был заключен только 3 марта 1921 г. уже в иных международных условиях и в рамках новых французских проектов «санитарного кордона».

ЛИТЕРАТУРА

1. История дипломатии. Т. 3, М., 1965.
2. История международных отношений и внешней политики СССР. Т. I, 1917—1939. М., 1967.
3. *Duroselle J.-B.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1971.
4. *Renouvin P.* Histoire de relations internationales. Les crises du XX-e siècle. P. 1. De 1914 à 1929. Paris, 1957.
5. *Штейн В. Е.* «Русский вопрос» в 1920-1921 гг. М., 1958.
6. *Зуев Ф.* Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию /1919-1920/. М., 1954.
7. *Ольшанский П. Н.* Рижский мир. М., 1969.
8. *Язькова А. А.* Малая Антанта в европейской политике. 1918-1925. М., 1974.
9. *Нелеш Деже.* Венгрия в годы контрреволюции. 1919-1921. М., 1964.
10. *La guerre Polono-Soviétique de 1919—1920.* Colloque organisé par le Laboratoire de Slavistique. Paris, 1975.
11. *Campus E.* Mica Înțelegere. București, 1968.
12. *Hovi, Kalervo.* Alliance de revers. Stabilization of France's Alliance Policies in East Central Europe, 1919-1921. Turku, 1984.
13. *Adam M.* Confédération Danubienne ou Petite Entente. — Acta Historica, 1979, № 1—2.
14. *Deák Fr.* Hungary at the Paris Peace Conference. New York, 1942.
15. *Kukulka J.* Francja a Polska po Traktacie Wiersalskim. 1919-1922. Warszawa, 1970.
16. *Bulhak H.* Początki sojuszu polsko-rumuńskiego i przebieg rokowań o konwencję wojskową w latach 1919-1921. — Dzieje Najnowsze, 1973, № 3.
17. *Woszczyński B.* Stosunki polsko-rumuńskie 1919—1939 w świetle akt Centralnego Archiwum Wojskowego. — In: Studia z dziejów ZSSR i Europy Środkowej, t. V. Wrocław etc., 1969.
18. *Essen A., Laptos J.* Francja a Polska wobec powstania Małej Antanty (lato-jesień 1920 r.). — Studia historyczne, z. 3—4. Kraków, 1982.
19. *Carley M. J.* The Politics of anti-bolshevism: the french government and the russo-polish war. December 1919 to May 1920. — The Historical Journal, 1976, № 1.
20. *Dębiński R.* Foreign policy of Poland 1919-1939. New York, 1962.

21. *Dziewanowski M.* Józeph Pilsudski a european federalist, 1918-1922. Stanford, 1969.
22. *Tilea V.* Acțiunea diplomatică a României. Noiembrie 1919-martie 1920. Sibiu, 1925.
23. *Unc Gh.* Politică contrarevoluționară și antisovietică a României burghezo-moșierești în perioadă intervenției. Poloniei burghezo-moșierești în Rusia Sovietică (1920).— *Analele româno-sovietice*, 1962, № 3.
24. *Bold Em., Florescu Gh.* România și conferința păcii de la Paris (1919—1920). Noi contribuții.— *Analele științifice ale Universității «Al. I. Cuza» din Iași*, 1982, (serie nouă), secț. III, a. Istorie, t. 28.
25. *Унк Г., Захареску В.* Румыно-венгерские отношения в 1918-1920.— *Румыния. Страницы истории*, 1982, № 3.
26. *Рубинский Ю. И.* Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919-1934). М., 1973.
27. L'Humanité.
28. Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. First Series. London, 1947-1980.
29. *Прицкер Д. П.* Жорж Клемансо. М., 1983.
30. *Кейнс Дж. М.* Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1922.
31. *Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.
32. Документы внешней политики СССР. М., 1957-1977.
33. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40.
34. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. 3. Washington, 1936.
35. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II. М., 1964.
36. *Sikorski W.* Polska i Francja w przeszłości i dobie współczesnej. Lwów, 1931.
37. *Łaptos I.* Francuska opinia publiczna wobec spraw polskich w latach 1919-1925. Wrocław etc., 1983.
38. *Mantoux P.* La Délibération du Conseil des Quatre (24 mars- 28 juin 1919), vol. 1. Paris, 1955.
39. Le Temps.
40. *Juchnowski J.* Federalizm w myśli politycznej PPS a sprawa niepodległości Polski (1893-1918).— *Acta Univ. wratislaviensis*, 1983, № 552, Nauki polityczne, № 18.
41. Архив Института истории АН СССР, ф. Досье иностранной прессы, оп. 1920, д. 14.
42. Правда.
43. История Румынии. М., 1950.
44. Kurier Poranny.
45. *Tejchman M.* Počátky diplomatických vztahů československo-rumunských.— *Slovánský přehled*, 1971, № 4.
46. Kurier Polski.
47. *Marghiloman A.* Note Politice 1897-1924. Vol. 5, 1920-1924. București, 1927.
48. *Унк Г.* Солидарность румынского рабочего класса и демократического движения с Великой Октябрьской социалистической революцией. 1917-1920. Бухарест, 1968.
49. *Paul-Boncour J.* Entre deux guerres. Souvenirs sur la III-e République. Paris, 1945.
50. Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф.Р-391, оп. 2, д. 6, л. 172.
51. Papers and Documents Relating to the Foreign Relations of Hungary. Vol. 1, 1919-1920. Budapest, 1939.
52. *Jorga N.* Istoria Românilor, t. X. București, 1939.
53. Daily Gerald.
54. Documente din istoria Partidului Comunist din România, 1917-1922. Vol. 1. București, 1956.
55. Documente din istoria mișcării revoluționare și democratice de tineret din România. Vol. 1, 1821-1922. București, 1982.
56. Deputații socialiști în Parlamentul român. Discursuri. 1888-1899; 1919-1921. București, 1983.

ВКЛАД Г. Я. МЕЙСНАРА В РАЗВИТИЕ ЧЕШСКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В годы, когда в чешских землях заявило о себе поколение литераторов-«майевцев» (во главе с Яном Нерудой и Витезславом Галеком), мысли многих чешских патриотов устремлялись к России в поисках ответов на остро волновавшие их вопросы. Именно поэтому эти люди изучали русский язык, проявляли интерес к выдающимся произведениям современной им русской литературы. Одним из них был Гинек Ярослав Мейснар (1837—1895) (см. о нем [1—4]). Его деятельность была высоко оценена Зденеком Неedly. «В этом человеке, — писал он о Мейснаре, — пылал огонь тех бурных лет. Его не интересовали салоны, а привлекали улицы, простые люди, народ... Он был больше поэтом, чем ученым, его лучшие работы — это переводы Гомера, Достоевского, Бьернсона» [5, s. CXLV]. Зд. Неedly подчеркивает здесь присущий Мейснару демократизм. Р. Паролек также относит Мейснара к чешским демократам XIX в.: «Была тогда еще одна, прогрессивная линия в области русско-чешских литературных отношений — демократическая. Во второй половине XIX в. эту линию нашего русофильства представляют радикальные демократы и идейно близкие им авторы — Фрич, Анольд, Сабина, Эм. Вавра, Неруда, Галек, Арбес, Мейснар, А. Сташек... Мейснар открывает нам Некрасова и Шевченко» [6].

Мейснар родился на севере Чехии в Илемнице 17 октября 1837 г. и умер в Праге 25 апреля 1895 г. После окончания гимназии в Ичине в 1857—1860 гг. он изучал классическую и славянскую филологию в Пражском университете, позже преподавал в гимназиях в Баньской Быстрице (1860), Клатове (1861), Литомышле (1862). Два десятилетия (1864—1885) Мейснар преподавал в гимназии в Таборе, а затем в Академической гимназии в Праге. Он был всесторонне образованным филологом, признанным прекрасным лектором, принадлежал к тем общественным деятелям, которые внесли свой заметный вклад в развитие чешско-русских связей.

К русской литературе и русскому языку у Мейснара было особое отношение, определявшееся его демократическими взглядами на роль современной ему России и на ее будущую роль. Его русофильские взгляды складывались еще в гимназические годы в Ичине, в Пражском университете. Позднее этому способствовали личные контакты. В 1888 г. Мейснар посетил Россию, где у него, судя по его корреспонденции, было несколько близких знакомых. В оценке реальной жизни современной ему России он как бы повторил опыт Карела Гавличка Боровского. Показательно, что царский абсолютизм не мешал ему увидеть демократическое движение в России, в революционно-демократическое будущее которой он верил. Имея в виду конкретные потребности чешского общества, он искал в русской культуре нужные и ценные для Чехии примеры и аналогии. Благодаря знанию многих языков Мейснар был хорошо знаком с жизнью славянских народов и смог верно оценить конкретные политические события

своего времени. Этим он решительно отличался от ряда своих современников.

К литературному творчеству Мейснара относятся переводы «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, гомеровских гимнов, эпиграмм, «Батрахомиоматии», трилогии Эсхила «Орестея», поэм Гесиода — «Труды и дни», «Теогония», «Щит Геракла». Наряду с переводами Мейснар писал и свои стихи. Небольшие произведения и переводы он печатал в таких журналах, как «Чески йих», «Светозор», «Освета», «Люмир», «Рух», «Листы филологичке», а также в Научном словаре Отто (напр., статья «Табор» в т. VIII). Его перу принадлежит много остроумных стихотворений «на случай».

Уже сделав целый ряд переводов с русского, Мейснар в 1889 г. сдал специальный экзамен по русскому языку в Пражском университете. «Чески йих» сообщал об этом: «Господин профессор Гинек Мейснар в соответствии с правилами, установленными Министерством просвещения, подвергся в Пражском университете экзамену по русскому языку и сдал его с большим успехом, получил от философского факультета соответствующее свидетельство» [7, s. 161]. Это был квалификационный экзамен на право преподавания русского языка и литературы. Мейснар сдал его одним из первых в Чехии, уже тогда осознавая его международное значение.

Для Табора имели большое значение лекции Мейснара о России и русской литературе, а иногда и о других славянских странах. Об этих лекциях подробно информировала местная печать того времени: «В Клубе друзей наук и искусств в прошлую субботу (16 XII с. г.) профессор Мейснар прочел лекцию о русской поэзии. Он с воодушевлением, содержательно говорил об этой высокой поэзии, цитировал стихотворения русских поэтов, имена которых бессмертны и признаны всем миром. Таковы, например, Державин, автор оды „Бог“, которая у китайского императора была вышита драгоценными камнями на шелке; Кольцов, самый народный русский певец; король русских поэтов Пушкин, „Капитанскую дочку“ которого лектор ставит выше „Евгения Онегина“; Рылев, этот мятежник нового времени; обличитель пороков Гоголь и другие. Некоторые краткие примеры, отрывки из мастерской русской поэзии и прозы (в частности, фрагмент из „Тараса Бульбы“) существенно дополняли яркую и захватывающую лекцию профессора, который обещал продолжить подобные выступления» [8, s. 152].

Как уже говорилось, Г. Я. Мейснар не только читал лекции, но и переводил, писал литературоведческие статьи, послесловия и предисловия. В них получили отражение не только его знания, но и отношение к авторам, к затрагиваемым ими проблемам.

Первым книжным изданием переводов Мейснара из русской поэзии были произведения поэта-декабриста Рыльева (1875) [9]. В этом можно видеть один из откликов чешской общественности на выступление русских дворянских революционеров, высоко оцененных Пушкиным, а позднее В. И. Лениным. Переводы стихотворений Рыльева предваряет введение Мейснара, в котором говорится о борьбе поэта против абсолютизма, о том, что он требовал «свободы и простора», хотел законности, которая невозможна при самодержавии. Мейснар указывает, что Рылев первый отважился произнести смелое слово «конституция», которое теперь, в 1875 г., «на устах у всех, как единственный якорь спасения». В своем предисловии Мейснар приводит биографические сведения о Рылееве, описывает его поведение на суде, где он предстал сторонником справедливости и свободы мышления, отмечает, что поэт не смог проявить себя в полную силу как художник. Мейснар характеризует деятельность Рыльева в революционных обществах, цитирует его письмо к жене и на основании «рассказа очевидца» говорит о казни декабристов и большом мужестве поэта. Очерк о Рылееве содержит обзор его творчества. Переводы избранных стихотворений Рыльева были разделены Мейснарком на две части: I. Небольшие стихотворения; II. Поэма «Войнаровский». Критика оценила удачный отбор Мейснарком произведений Рыльева, выдающегося русского певца свободы и славы народной [10, s. 111].

Кажется, ближе других русских поэтов по своему духу был Мейснару Н. А. Некрасов, отношение к нему было каким-то особенно доверительным. Некрасова уже перевели до Мейснара, чешская общественность познакомилась с ним при посредстве родственника Чернышевского А. Н. Пыпина, поместившего статью о русской литературе в Журнале Чешского музея [11]. Мейснар задумал подготовить большое издание переводов избранных стихотворений Некрасова, однако осуществил свой замысел лишь отчасти. В 1874 г. он издал лишь первую из задуманных книг, содержащую 68 переводов из Некрасова [12]. Эту книгу Мейснар послал русскому поэту и получил от него в благодарность трехтомное собрание его сочинений с грустной надписью: «Умираю медленно и мучительно». Судя по высказываниям Мейснара, Некрасов был для него «певцом своего времени, принадлежавшим к новому реалистическому направлению». Не случайно Мейснар оценил гражданственность Некрасова, его понимание роли поэта в обществе. Некрасов, несмотря «на все невзгоды своей жизни, внешней и внутренней», всегда оставался для него примером любви к народу, просвещению, свободе и прогрессу. Любя и понимая поэзию Некрасова, Мейснар отмечал свойственную ей «острую иронию», проступающую в сатирических стихах поэта, горькие раздумья, аллегории, отражение «политических ситуаций и тенденций». По мнению Мейснара, Некрасов опередил свое время, глубоко осознав задачу поэта как человека и гражданина.

В 1882 г. выходит перевод Мейснара новеллы Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова»¹. Предисловие переводчика к этому изданию [13], блистательное по стилю, прекрасно характеризует его отношение к русскому писателю с такой тяжелой судьбой. Мейснар особо ценил в творчестве Достоевского его демократизм. Несомненно, он перевел «Неточку Незванову» именно потому, что был увлечен судьбой, «так захватывающе обрисованной... в условиях жестокой борьбы и угнетения, картиной разрушенной человеческой жизни». По его мнению, образ создан удачно, хотя он и высказывает при этом некоторое несогласие с оценкой писателя. Мейснар размышляет над тем, «какие ужасные мучения ожидали несчастную сироту, Неточку, эту возвышенную, тонко чувствующую чистую личность...». В своем предисловии Мейснар информирует читателей о других произведениях Достоевского, таких, как «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». По его мнению, и эти романы заслуживают быстрее перевода для читателей со «славянским умом и душой». Перевод Мейснара был положительно оценен, поскольку в «Неточке Незвановой» «раскрыт характер, за которым стоит глубокое тщательное изучение человеческих судеб, сюжет произведения прост, не искусственен, но описан занимательно и правдиво» [13, с. 215].

Последним большим русским писателем-классиком, который привлек интерес Мейснара, был И. А. Крылов. В 1886 г. Мейснар издал книгу его басен в своих переводах [14]. Это была кульминация его переводческой деятельности, если иметь в виду книжные издания русских писателей. В том же году Мейснар написал статью «О жизни и литературном значении Ивана Крылова» [15]. Эта статья заслуживает внимания, так как в ней Мейснар говорит не только о Крылове, но и о своих взглядах на прогрессивную литературу вообще. По его мнению, Крылов раньше был недооценен в Чехии. Далее, говоря о некоторой традиционности сюжетов баснописца, Мейснар в то же время отмечает, что «в целом и в деталях он облек их в русскую оригинальную форму». Характерно для Мейснара, что он высоко оценил у Крылова его безжалостный критицизм, стремление учиться у народа его языку с присущим ему здравым смыслом и остроумием, использовать народные пословицы и поговорки. Басни давали Крылову возможность «соединить художественное дарование с глубоко сатирическим складом ума». Они не были для Крылова лишь «словесной

¹ По-видимому, она была издана Мейснаром за свой счет. Заметим, что в семье Мейснара сохранилось предание, что на издание некоторых своих книг он израсходовал все приданое своей первой жены.

игрой», но обладали глубоким содержанием. Мейснар выделял у Крылова басни о человеческих недостатках вообще и басни о русской жизни, затрагивающие историю, национальные особенности и характер, такие «болезни старой русской действительности, как взяточничество, мздоимство». Мейснар обратил внимание на то, что часто Крылов отказывался от басенной формы и писал на темы «из простонародной жизни», выступая как автор-демократ. Крылов в сравнении с другими баснописцами представлялся Мейснару непревзойденным. Издание Крылова предназначалось для молодежи, однако Мейснар считал, что его с пользой для себя прочтут и взрослые.

Переводы Мейснара (не только из славянских литератур) привлекали внимание современной ему критики, иногда упрекавшей его в чрезмерном употреблении иностранных слов и создании неудачных неологизмов. Однако эти упреки касались переводов с греческого и латинского. Переводы Мейснара из славянских литератур были совершенней и в целом соответствовали тогдашнему уровню развития чешского языка.

Южночешские читатели той эпохи были уже готовы к восприятию содержания и формы русского реалистического рассказа, романа и поэзии. Однако это не означало, что на пути их популяризации и распространения тогда не было никаких препятствий. Мейснар вместе с другими чешскими литераторами, в основном объединенными вокруг журналов и понимавшими ценность и значение великой русской литературы, целенаправленно и осознанно знакомили с нею чешских читателей. В качестве примера можно упомянуть хотя бы Э. Миржиовского. В Таборе в этой связи находила отклик «Русская библиотека»², издававшая русских авторов, о чем свидетельствовала и ее программа: «Мы искренне обращаемся к сердцам читателей, чтобы они уделяли больше внимания „Русской библиотеке“, хотя ее воспитательный характер на первый взгляд и выпадает из атмосферы обыденности, которая обнаруживается сегодня во всех литературах мира» [16]. В этот период переводные издания, выходившие в некоторых провинциальных городах, в частности в упомянутом Таборе, где долгие годы жил и работал Мейснар, дополняли издания центральные, а потому имели значение для всей Чехии. Почетное место среди переводчиков русских писателей наряду с другими принадлежит и Г. Я. Мейснару. Он по праву должен быть отнесен к тем чешским культурным деятелям прошлого, которые в свое время внесли заметный вклад в развитие чешско-русских литературных отношений и были пионерами в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карская Т. С. Н. А. Некрасов и его чешский переводчик. — Научн. бюллетень Ленинградского Гос. ун-та, 1946, № 11—12.
2. Ровда К. И. Россия и Чехия. Л., 1978.
3. Кушкин Л. С. Некрасов в Чехословакии. — Литературная газета, 1953, 8 I.
4. Кушкин Л. С. Поэта пламенные строки. — Известия, 1978, 10 I.
5. Nejedlý Z. Tisíc let života českého města Litomyšl. Litomyšl, 1934.
6. Parolek R. Uvodní studie k Spisům V. G. Bělinského. Stati a recenze 1834—1840. Praha, 1956, s. 9—54.
7. Český jih, 1889, č. 20.
8. Český jih, 1883, č. 7.
9. Konrad Fedorovič Rylejev. Básně. Praha, 1875.
10. Český jih, 1876, č. 12.
11. Pypín A. N. Listy o ruské literatuře. — Časopis českého muzea, 1858, s. 583—589.
12. Básně Nikolaje Nekrasova. Praha, 1876.
13. Dostojevskij F. M. Aninka Něžvanova. Tábor, 1882.
14. Bajki Ivana Krylova. Praha, 1886.
15. Slovanský sborník statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního a společenského života. Praha, 1886, roč. V.
16. Český jih, 1889, č. 20.

² Это серийное издание книг русских писателей осуществлялось одним из крупнейших чешских издательств, возглавляемым Яном Отто (1841—1916).

ГУДИМОВА С. А.

ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ПОЛЬШИ 50-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

В эпоху романтизма место искусства в общественном сознании качественно меняется. Из сферы «естественных нужд», отведенной искусству просветительской эстетикой, оно восходит в сферы вечного, бесконечного, абсолютного; оно призвано преобразить существующий мир, утвердить «реальность высшего бытия» (Шеллинг), торжество свободного человеческого духа. На смену логичной классицистической системе с ее нормативностью в эстетике, рационалистической регламентацией в искусстве, отдающей предпочтение «общему», «детерминированному», пришла «творческая философия, исходящая из идеи свободы и веры в нее и показывающая, что человеческий дух диктует свои законы всему сущему и что мир есть произведение его искусства» (Ф. Шлегель) [1], провозглашающая постоянное обновление, суверенность и самоценность каждой личности.

С пышностью, ранее присущей соборам, возводятся новые храмы — музеи, театры, выставочные и концертные залы. В первой половине XIX в. возникают здания Мюнхенской глиптотеки (1834), Старого музея в Берлине (1823), художественного музея Прадо в Мадриде (1839), Британского музея в Лондоне (1847) и др. Один за другим вырастают «храмы всех искусств» — оперные театры в Москве (1825), Варшаве (1833), Вене (1869), Париже (1875), Одессе (1887), Праге (1881).

Разожженный романтистами «священный огонь чувствительности» (Мерсье) во многом обусловил новое — почти религиозное, глубоко патетическое — восприятие искусства, призванного и способного поднять человека над суетой и пошлостью обыденной жизни, восстановить его единение с вечными элементами мира и дать ему ощущение его высшего предназначения. «Поэзия и музыка имели тогда огромный авторитет: от них ждали по меньшей мере спасения рода человеческого...» [2].

В результате вторжения человеческого «я» в универсум искусства художник стал пониматься как пророк, герой, спаситель, медиум, живущий на грани видимого и невидимого миров, способный в поэтическом озарении к постижению Истины. «Поэт есть первый судия человечества... читает он букву века в светлой книге всевечной жизни, провидит естественный путь человечества...» [3, с. 23]. Художник как высшая эманация человеческого, облеченный властью демиурга, занимает в эстетической утопии романтиков привилегированное место — входит в первое сословие идеальных государств.

Выдвинув лозунг орфеизма, синтеза искусств¹, романтизм провозглашает высшим «безграничнейшее из всех искусств» (Шеллинг), имеющее своим предметом «бесконечное» — музыку. Романтическая музыкальная эстетика не была самоосознанием собственно романтической музыки, воз-

¹ «Эстетика одного искусства есть эстетика другого; только материал различен». — пишет Р. Шуман [4].

никшей примерно двумя десятилетиями позже создания ее теоретической концепции. Музыкальный идеал романтизма формировался в первую очередь под влиянием творчества композиторов венской классической школы. Для романтиков музыка — «душа» всякого искусства и «предельное проявление духа»: ни одному другому искусству не удается столь гармонично сплавить в себе и глубину содержания, и чувственную силу, и изумительную значимость [5]. В ней романтики слышат освобожденную стихию жизни, глас сущности мироздания: «Музыка... парит в пространстве, чтобы соткать из прозрачного тела звуков и тонов слышимый универсум» [6, т. 1, с. 120]².

Несколько десятилетий спустя автор первой польской полной системы эстетики Ю. Кремер будет также рассматривать музыку с романтических позиций в своей работе «Письма из Кракова» (1841): «...волны музыки полным течением охватывают душу и приносят тебе весть из иных миров... Музыка — это загадка бытия, пророчество...» (цит. по: [7, с. 31]).

В эпоху романтизма музыка воспринимается как откровение природы и бытия, чудо, таинственным образом связанное со всеми явлениями мира, составляющее незримую сущность всех вещей. Она пронизывает все сферы жизни, связывая воедино материю с духом, землю с небом, единичное с универсальным, наделяя современников обостренным слухом, даруя им яркие звуковые впечатления, формируя особенное, музыкальное ощущение мира: «Разве мы не слышим иногда гармонии, нисходящей с небес, со скальных вершин, звучащей в волнах рек и ручьев, наполняющей темные леса и глубокие пропасти?» — писал М. Мохнацкий [8].

В эпоху романтизма ломаются старые социальные рамки бытования музыки, и исполнительская деятельность окончательно признается творческой. Появляется новый тип музыканта — гастролирующий виртуоз, пишущий для своего инструмента и выходящий в композиции средство выявления собственной индивидуальности — «поэт и актер в одном лице». Виртуозы приносят на концертную эстраду новый круг образов и тем, свежесть и яркость народной мелодики, разнообразие танцевальных ритмов, обогащают эмоциональный, колористический и ладо-гармонический мир музыки, выявляют неведомые ранее возможности инструментов. Именно в период формирования романтизма как стиля эпохи роль композиторов-виртуозов была особенно велика. Ведь «только в собственных сочинениях можно „рубить с плеча“, а виртуозное „рубить с плеча“ — могущественный двигатель», — писал А. Г. Рубинштейн [9].

Страстно выступая против догматов и канонов, против дискурсивного вмешательства в «художественный организм», отстаивая идею универсального, синкретического, интуитивного постижения мира в целостном единстве его противоречий, идею вечного творчества природы и человека, романтики обращаются к тому, что находится в движении, развитии, лишено жестких рамок и застывших очертаний, ко всему творимому. Их больше привлекает искусство не «ставшее», но «становящееся», дающее ощущение безбрежности природы и безграничности постигающего ее духа. В живописи появляются пейзажи без горизонта, уходящие в бесконечность. В музыке особенно высоко ценится способность к импровизации, свободному фантазированию, которое рассматривается как наивысший творческий акт, истинное вдохновение, ниспосланное надзвездными сферами³. В восприятии слушателей в момент импровизации «...дух музы-

² Романтическая концепция музыки получит в философии А. Шопенгауэра следующую трансформацию: качественное отличие музыки от других искусств в том, что она отображает не идеи, а самую волю. В конце XIX — начале XX в. в философии искусства музыка рассматривается уже не только как «душа» всех искусств, но и как ключ к пониманию культуры и цивилизации. В XX в. Т. Адорно провозгласит музыку «шифром» философии.

³ В моду входят и литературные импровизации. Их восприятие было сродни восприятию свободного музыкального фантазирования: «Едва назначали ему (импровизатору.— С. Г.) предмет, — и высокие мысли, трогательные чувства, в одежде полновзвучных метров, вырывались из уст его, как фантазмагорические видения из волшебного жертвенника» [3, с. 86].

ки, пробуждаемый избранником, выражает себя в мелодии и гармонии только тайными, одному этому избраннику понятными звуками» [10].

В музыкальной прессе появилось совершенно невозможное ранее определение искусства выдающихся виртуозов: «ангельски-дьявольское». Яркие, эмоциональные, страстные импровизации Ф. Листа, властно захватывавшие слушателей и повсеместно вызывавшие бурю восторгов, получили в парижских журналах конца 30-х — начала 40-х годов такую характеристику: «Иные сравнивали его с Кассандрою, одержимую духом видений; другие с беснующимся; третьи просто с демоном, который выражает свои мучения на фортепиано и убивает свой инструмент в порывах ярости» (цит. по: [11]).

Примерно до середины XIX в. публика отдает предпочтение импровизациям, а не «записанным» композициям. Популярность «свободных» музыкальных высказываний была столь велика, что даже недостатки импровизаций трактовались как художественные достоинства. Алогичность объяснялась импульсивностью, необоснованные тематические и динамические контрасты — оригинальностью воображения, отсутствие внутренней структуры — поэтичностью.

Существенное расширение музыкальной аудитории, романтический культ новизны и оригинальности в известной степени обуславливали некоторые недостатки концертной жизни того периода. Неподготовленные слушатели не всегда могли отличить истинные художественные ценности от ловкого трюкачества, и порой судьбу того или иного выступления могла решить умело сделанная реклама.

На одних и тех же концертных эстрадах выступают гении и шарлатаны, великие виртуозы и музыкальные фокусники. Так, в Кракове, как отмечала местная пресса, «ни один артист со времени выступлений знаменитой Каталани» не привлек к своим концертам такого огромного числа слушателей, как некий Страньский, певший сопрано (!) виртуозные арии, написанные для колоратуры. Краковская публика, слышавшая таких выдающихся скрипачей, как Г. В. Эрнст, К. Липицкий, Г. Венявский с энтузиазмом встречает выступления В. Ижицкого, играющего на расстроенной скрипке собственные сочинения одним пальцем на одной струне (три остальных струны и три пальца левой руки для большего эффекта завязывались) [12, т. 1, с. 54, 59].

Постепенно формируются более строгие критерии оценки импровизации, которую рассматривают как синтез искусства совершенного владения инструментом и науки композиции. Большое внимание теории и практике импровизации уделяет в своих трудах и непосредственно на занятиях известный венский педагог К. Черни — создатель одной из крупнейших пианистических школ первой половины XIX в. (его учениками были Ф. Лист, С. Тальберг, Т. Делёр, Т. Лешетицкий и др.). К данной проблеме обращается крупный теоретик, глава бельгийской и французской музыковедческой школы, основоположник профессиональной музыкальной критики во Франции Ф. Ж. Фетис; вопросы импровизации занимают значительное место в статьях и письмах Р. Шумана и многих других музыкантов этого периода. В 1833 г. известный музыкальный теоретик и педагог А. Рейха, среди учеников которого были Г. Берлиоз и Ф. Лист, А. Адам и Ш. Гуно, писал: «Романтический стиль требует от артиста выдающихся идей, самобытности, вкуса и в особенности надежного, строгого и тонкого критического чутья, которое бы непрестанно предостерегало его от заблуждений слишком пылкого или слишком беспорядочного воображения...» [13].

Романтический культ инструментальной музыки привел к интенсивному развитию больших и малых инструментальных форм, максимально раскрыл возможности инструментов и различных инструментальных составов, индивидуализировал фактуру, обогатил оркестр новыми красками. Самое высокое место на романтическом Парнасе отводилось скрипке как инструменту, передающему наиболее тонкие оттенки душевных переживаний человека. «Скрипка — инструмент почти по-человечески капризный и находящийся почти в симпатическом соответствии с расположением

духа скрипача, — писал Гейне, — малейшее недомогание, самое легкое душевное потрясение, дуновение чувства находят здесь непосредственный отклик, и это, вероятно, оттого, что скрипка, так близко прижимаемая к нашей груди, слышит и биение нашего сердца» [14].

Скрипичная игра достигает в этот период высочайшего совершенства. Вершиной романтического скрипичного искусства стало творчество Н. Паганини — непревзойденного виртуоза, выдающегося композитора, глубоко национального художника, следовавшего принципам итальянской народной музыки, народного импровизационного стиля. Он был новатором во всем — ввел новые технические приемы, обогатил колористические возможности инструмента, полнозвучно использовал весь диапазон скрипки; новые принципы мелодического развития. Он был создателем нового стиля, восторженно принятого европейской публикой и передовыми деятелями культуры (Р. Шуман, Г. Гейне, Ф. Лист и др.). Искусство Паганини не оставило равнодушными даже «присяжных художественных рецензентов» (Гейне), критикующих все новое, и «академических педантов». Немецкий композитор, руководитель Певческой академии в Берлине К. Ф. Цельтер пишет И. В. Гете о его концертах: «Он достигает в своей игре невероятного... Сотни уловок пальцев и смычка — причем все придумано и разучено по отдельности — сливаются в отмеченную вкусом последовательность, так что и как композитор он замечателен. Но в любом случае — он совершенный мастер игры на своем инструменте, мастер наивысшей степени... Это сама скрипка... Я в первый же раз представил его себе Моисеем... Паганини — это манера без манерности» [6, т. 1, с. 271—272].

Творчество Паганини во многом определило дальнейшее развитие не только скрипичной, но и инструментальной музыки вообще. Начавшийся в 30-е годы XIX в. переворот в фортепианном искусстве и в области инструментовки, связанный в первую очередь с деятельностью Ф. Листа, Ф. Шопена, Р. Шумана, Г. Берлиоза, был в значительной мере творческим продолжением паганиниевских традиций. Преемниками великого гегуэца в скрипичном искусстве стали Г. В. Эрнст, А. Вьетан и Г. Венявский — ярчайший представитель романтического направления польской музыкальной культуры второй половины XIX в.

Композиторская и исполнительская деятельность Г. Венявского — крупное явление романтической музыки XIX в. В его творчестве нашли развитие как доминирующие тенденции скрипичного искусства XIX в., так и музыкальные традиции польской культуры. Творчество Г. Венявского неразрывно связано со стилем эпохи — последним «большим стилем» в истории европейской культуры, система ценностей которого организовывала художественную жизнь, в той или иной степени проявлялась во всех видах художественной деятельности⁴.

Каждая эпоха создает свой «интонационный словарь» (достаточно сравнить европейскую музыку до и после утверждения гомофонно-гармонического письма, до и после разложения ладо-тонального единства и распада функционально-гармонических связей). Композиторы используют выразительные возможности лада, гармонии, тембра, фактуры и т. п., присущие данной эпохе, данному стилю: «...музыка в груди современного композитора, — замечает Э. Т. А. Гофман, — не может прозвучать иначе, нежели со всеми теми красотами, которыми наделяет ее нынешнее изобилие средств» [6, т. 2, с. 29]. И в этом смысле верно парадоксальное, на первый взгляд, утверждение, что не художник формирует стиль, а стиль формирует художника. (Сколь очевидны, например, приметы единого стиля в живописи Ватто и клавишной музыке Куперена и сколь различно искусство Моцарта и Шенберга.) Сильная творческая личность всегда подчиняет себе художественную «модель», более того, именно откристаллизовавшиеся формы, как родной язык или привычный материал, порождали

⁴ Автор присоединяется к мнению тех исследователей, которые считают, что общие черты романтического стиля свойственны музыке, литературе, живописи, шарковому искусству, меньше проявляются они в зодчестве (преимущественно в архитектуре малых форм) и прикладном искусстве.

уверенность в обращении с ними и открывали простор для воплощения индивидуальных замыслов. На это явление в свое время обратил внимание Э. Делакруа: «...во времена Моцарта и Чимарозы можно насчитать до 40 музыкантов, как бы принадлежащих к той же семье... Подлинно прекрасное в искусстве вечно..., но оно облечено в покровы своего века» [15, т. 1, с. 178; т. 2, с. 333]. Так же и в искусстве романтиков обнаруживаются «покровы века», принадлежность к единому стилю. Близость творчества Венявского творчеству Н. Паганини, Г. В. Эрнста, А. Вьетана, Ф. Шопена, Ф. Листа, Ф. Мендельсона, Липиньского и других свидетельствует не о том, что творческая воля польского музыканта находилась под «влиянием» признанных авторитетов, а о несомненной связи его искусства со стилем эпохи.

Следует заметить, что романтизм «молодых наций» Европы как культурно-историческое явление, вызванное пробуждением и ростом национального самосознания, при внешнем стилистическом родстве с романтизмом «старых» стран противоположен ему по своему общественному содержанию. Если романтизм в Западной Европе отразил разочарование в идеалах буржуазных революций (в первую очередь французской), которые вместо обещанного просветителями царства разума, добра и справедливости принесли новые социальные противоречия, то характер романтизма в славянских странах определялся главным образом тем, что формировался в условиях национально-освободительных движений. Романтизм к западу от Одера был исполнен пафоса отрицания капиталистической цивилизации как таковой, формой протеста против буржуазной действительности. Искусство рождает героя-бунтаря и многочисленные эстетические утопии. В Евфонии, городах музыки, идеальных государствах правят «аристократы духа» — первые поэты, музыканты, художники, царит высокое искусство и жизнь граждан определяется законами гармонии. В 40-х годах прошлого века в предчувствии грядущих национально-буржуазных революций 1848-1849 гг. разрозненные голоса критиков капиталистической цивилизации, буржуазного образа жизни и мышления сливаются в общий хор⁵.

В странах, ведущих борьбу за свое национальное освобождение, антибуржуазная направленность романтизма была выражена слабо. Романтическая идея исторического развития трансформируется здесь в конкретную идею борьбы за свободу, национальную независимость [16, с. 211].

Если обращение романтиков Запада к народному искусству, фольклору было во многом обусловлено неприятием действительности, буржуазного духа эгоизма, чистогана, стяжательства и накопительства, то в польской культуре оно вызвано стремлением найти праосновы единства нации, те черты ее общности, которые существуют в беспредельном континууме прошлого, настоящего и будущего. Многие польские романтики определяют романтизм как эпоху самосознания нации, ее эмансипации. Польское романтическое искусство видело свою задачу в воплощении лучших черт национального характера, воспитания и утверждения национального самосознания. Утверждение личности, вера в ее безграничные возможности становились в польском искусстве символом веры в безграничные возможности нации. Индивидуальное, единичное, своеобразное сливалось с общим, ставило себя на службу истинной всеобщности и объединяющей цели — борьбе за свободу. Польское романтическое искусство рождает героя, которого можно охарактеризовать строками Бодлера:

«Вождь изгнанников, жертва несправедных сил,
Побежденный, но ставший сильнее, чем был,
Исцелитель страдальцев, обиженных мститель,
Жизнетворец Надежды»

(Пер. В. Левика) [17]

⁵ В 40-е годы в России сложилась славянофильская концепция критики «западной» цивилизации, которая, будучи во многом сходной с немецкой, в философском плане принципиально отличается от нее тем, что славянофилы уделяют главное внимание не эстетическому, а этическому аспекту романтизма.

В разделенной Польше ценность того или иного явления искусства определялась не только его художественными достоинствами, но и тем, какой политический заряд оно несет в себе, насколько полно выражает стремления и чаяния нации.

50-е годы — это период, когда литературная деятельность двух великих польских романтиков — А. Мицкевича и Ю. Словацкого — уже завершилась⁶, в 1849 г. не стало гениального композитора — «варшавянина по происхождению, сердцем — поляка, а по таланту — гражданина мира» — Ф. Шопена. Духовная жизнь Варшавы в 40—50-е годы сосредоточилась в основном в литературно-художественных салонах интеллигенции. Группы, группировки, кружки, объединения, складывавшиеся в салонах, редакциях, кафе, были проявлением и инструментом создания новых общностей, новых программ. В каждой из этих программ есть романтические элементы: бунт и протест, утопические проекты будущего, культ свободной, оригинальной, творческой личности, культ вдохновения и импровизаторства.

Несмотря на разнообразие интересов, ориентаций, вкусов и предпочтений (в одних домах встречались адепты Гегеля, Канта, Шеллинга, Шлегеля, в других — «энтузиастки», знатоки и любители искусства), характерной чертой салонов была их тесная связь с политической жизнью страны, с деятельностью конспираторов и эмиграции.

На «четвергах» и «пятницах» в гостиных, обставленных в стиле бидермайер, собиралось от 30 до 200 человек. В спорах и дискуссиях интеллигенция стремилась выработать свою собственную позицию в общественно-политической борьбе, собственную точку зрения на происходящие социальные и художественные процессы. (Именно в салоне Лущевских зародился проект «Библиотеки Варшавской», в салоне Дембовских — «Пшегленд науковы», в кругу Вильконьских — «Дзвон литерацки».) Обсуждали различные общественные проблемы, читали эмигрантскую литературу. На суд собравшихся выносились новые переводы Шиллера, Гюго, Шекспира. Романтики видели в драматургии Шекспира идеал будущего искусства, идеал «существенно-современного» (Ф. Шлегель)⁷, ту силу, которая способна взорвать классицистический репертуар с его строгими правилами и условностями. Если в XVIII в. пьесы Шекспира переделывались в соответствии с «законами» справедливости и морали (например, Гамлет выходил из борьбы победителем и принимал престол, а в варианте Сумарокова даже сочетался браком с Офелией), то для романтиков его пьесы — «иероглиф неисчерпаемого глубокомыслия» (Тик), Гамлет становится сверхисторической фигурой, как Прометей и Фауст, а его образ приобретает черты, которые сродни герою Гюго Эрнани.

Важное место в деятельности салонов занимали вопросы просвещения масс. Хозяйки салонов Н. Жмиховская и А. Скимборович вместе с «энтузиастками» преподают на тайных курсах, цель которых — воспитание цельной, независимой, творческой личности, активно участвующей в жизни общества. Лозунг эмансипации в кругу «энтузиасток» означал признание за женщиной прав человека и гражданина. Многие хозяева салонов участвуют в изданиях, адресованных простому читателю, проводят исследования в области фольклора. «Пошло в народ» и молодое поколение литераторов и художников. Воспитанники мастерской Я. Ф. Пиварского рисуют окрестности Варшавы, с мольбертом в руках путешествуют пешком до Вильно и Ковно.

Большую роль в литературно-художественных салонах играла музыка, которая и облегчала объединение разнородных групп, и маскировала перед полицией характер вечера, а иногда и определяла его. Особенно часто музыка звучит в гостиных Ф. Г. К. Дворжачка, Прушак-ковой, Скимборовичей, Лущевских и Вильконьских. В литературно-художественных салонах интеллигенции выступают С. Монюшко, братья

⁶ Последние дошедшие до нас произведения Мицкевича написаны в 1838—1841 гг. [16].

⁷ Романтическая эстетика включает Шекспира, наряду с Данте и Гете, в «трезвучие» великих поэтов.

Контские, Н. Берпацкий, И. Коморовский, О. Кольберг и другие польские музыканты [18].

Характеризуя музыкальную жизнь 50-х годов, польский композитор и педагог З. Носковский писал на страницах «Эха музыкального»: «...Варшава была большим провинциальным городом. Артисты, выступавшие в то время на концертной эстраде, угощали публику произведениями, принадлежащими сегодня почти к скандальной музыкальной литературе. Публика слушала с наслаждением всяческие фантазии, вариации и разные глупые фокусы, принимая их за чистую монету» [19].

На наш взгляд, такая оценка музыкальной картины этого времени верна лишь относительно одной из сторон концертной жизни. В тот период музыкальная культура Польши, несмотря на почти религиозный культ Шопена, была чрезвычайно разнообразна. В ней сосуществовали явления официальной и неофициальной культуры, музыка концертной эстрады и салонов, мастеров и дилетантов, интонации виртуозных инструментальных фантазий и лирико-героических баллад, ритмы польских народных танцев и оффенбаховского канкана, мелодии итальянских арий и цыганского романса, романтического балета и цирковых оркестров. Искусство воплощает идиллические картины сельской жизни и героические страницы истории Польши.

Во времена наместничества Паскевича Варшава располагала таким большим количеством театральных мест (с учетом мест летних театров), какого не было ни когда-либо прежде, ни потом. Театр был доступен различным социальным группам. Место в Театре вельком стоило в креслах — 1 рубль, на галерке — 25—30 коп. (В провинциальных театрах вход на галерку стоил, как правило, 15 коп.)

Репертуар польской оперы формировался главным образом из произведений итальянских и французских композиторов (Россини, Беллини, Доницетти; Обер, Галеви и др.). Уже в 1848 г. на сцене Театра велького звучат оперы Дж. Верди, причем ставились они с поразительной быстротой: 1848 г. — «Иерусалим», 1849 г. — «Макбет» и «Двое Фоскари», 1851 г. — «Эрнани», 1853 г. — «Атилла», 1853 г. — «Риголетто», 1854 г. — «Трубадур» и «Набукко», 1856 г. — «Травиата».

1 января 1858 г., т. е. ровно через 19 лет после виленского концертного исполнения первой редакции, четырехактная опера С. Монюшко «Галька» была показана в Варшаве. Опера была с огромным энтузиазмом встречена публикой, прессой, всем артистическим миром. За три года состоялось около 70 спектаклей [20]. Поэтому нельзя согласиться с достаточно широко распространённым мнением, что итальянская опера полностью вытесняла со сцены произведения польских авторов⁸. В течение 13 лет (с 1853 по 1866 г.) дирекции Я. Кватрини (с 1859 г. функцию директора оперы с ним разделял С. Монюшко) состоялось 22 премьеры произведений польских композиторов из них 15 — Монюшко. (После смерти создателя национальной польской оперы (1872) в течение последующих 43 сезонов в репертуаре театра было только 22 сочинения польских авторов, причем в репертуаре сохранилось большинство музыкально-сценических произведений Монюшко.) Польских премьер состоялось немного, но не так уж много и писали польские авторы: с 1850 по 1914 г. создано 39 опер [22].

Больше всего, пожалуй, польских оперных композиторов привлекали романтические произведения их соотечественников. К «Конраду Валленроду» А. Мицкевича обращались И. Ф. Добжинский и В. Желеньский, к драме Ю. Словацкого «Мазепа» — А. Мюнхеймер. Пожалуй, самый большой интерес музыкантов вызывала поэтическая повесть А. Маль-

⁸ Как отмечает исследователь польской музыкальной культуры И. Ф. Бэлза, «...в промежутке между „Цецилией Пясечиньской“ Курпиньского (преьера этой двухактной комической оперы состоялась 31 мая 1829 г. — С. Г.) и первыми музыкально-сценическими опытами Монюшко польское оперное творчество не обогатилось ни одним сколько-нибудь значительным произведением, ибо музыка Дамсе, Нидецкого, Кратцера, Листовского и других авторов, имена которых появлялись на афишах, не возвышалась над уровнем посредственности...» [21].

чевского «Мария», сюжет которой (в разное время) лег в основу опер О. Кольберга, В. Гавроньского, И. Крамаркевича, Р. Статковского, Г. Мельцер-Щавиньского, Г. Опеньского, К. Х. Ростворовского. «Историю души» героев Мальчевского пытаются воссоздать и композиторы инструменталисты.

В 1859 г. на сцене Театра велького впервые появляется оперетта Ж. Оффенбаха «Помолвка при фонарях». С тех пор музыка Оффенбаха постоянно звучит в летних театрах, которые в течение сезона иногда показывали до 20 премьер (неизменным успехом пользовалась «Прекрасная Елена» [22]).

50-е годы — период расцвета варшавского балета, которым с 1853 г. руководил создатель фантастического балета Ф. Тальони и талантливый польский хореограф Р. Турчинович. Наиболее интересные романтические балеты, входившие в постоянный репертуар варшавской труппы («Жизель» и «Корсар» А. Адана, «Эсмеральда», «Катарина, дочь разбойника» Ч. Пуни др.) открывали путь к симфонизации танцевального действия. Музыка романтического балета предполагала кантиленность пластики, богатую фразировку танца, требовала совершенствования сольного, дуэтного и ансамблевого исполнительства. Филигранная техника и поэтическая одухотворенность романтического балета были сродни искусству виртуозов-инструменталистов. Рекордное число представлений выдержал единственный польский балет, вошедший в постоянную программу ансамбля, — «Свадьба в Ойцове» К. Курпиньского и Ю. Дамсе (по мотивам оперы Я. Стефани «Краковяне и горцы»).

Интерес к театру, как музыкальному, так и драматическому, в 50-е годы был всеобщим. Каждая премьера, каждая новая роль горячо обсуждались на страницах печати, в салонах, кафе. Царская цензура порой не замечала того социального протеста, который скрывался за внешне идиллическими жанровыми сценками, комическими ситуациями и буффонадами. Цензура, а иногда и сам автор не всегда могли предугадать, какие ассоциации вызовут у польского зрителя те или иные исторические сюжеты. Основная «установка восприятия» публики была направлена на поиски связи с социальными явлениями современности. По существу многие польские премьеры становились скрытыми патриотическими манифестациями. В эпоху реакции искусство, говорящее о вечных идеалах справедливости, добра и гармонии, было для многих единственным источником надежды. Именно во время «паскевичевской ночи» появляются специальные издания, посвященные проблемам театрального искусства — «Свят драматичны», «Паментник сцены варшавской», «Газета театральна».

В 1857 г. музыкальный и театральный критик, публицист и теоретик музыки Ю. Сикорский начинает издавать еженедельник «Рух музичны». (До организации журнала Сикорский активно сотрудничал в «Библиотеке варшавской» и «Газете подзенной».)

Ю. Сикорский был горячим энтузиастом польской национальной культуры. Одной из его программных статей — «О музыке» — предпослан такой девиз: «Я из сердца и души своего народа впитываю эстетические каноны... Моя цель — родное искусство» [23]. В 1849 г. Сикорский выступил с открытым письмом, в котором обратился с призывом к костелам и монастырям открыть доступ к архивам и библиотекам для собирателей материалов по истории польской музыки, что положило начало исследованиям в данной области. Его перу принадлежат глубокие статьи о музыке Ф. Шопена, фольклорных собраниях О. Кольберга, яркие, эмоциональные отклики на концерты Г. Венявского, многочисленные рецензии, обзоры, эссе, музыкальные «беседы». Сикорский первым из польских критиков обратил серьезное внимание на творчество С. Монюшко, горячим пропагандистом которого он оставался всю жизнь. Не без влияния Сикорского в музыкальный быт и на концертную эстраду пришли и «Домашние песенники» Монюшко.

В своем журнале, адресованном самому широкому читателю, Сикорский старался рассказывать обо всем новом в польской и зарубежной музыке. Его статьи свойственна романтическая суггестивность, но в них

можно выделить и контрапунктирующую тему — гражданская позиция художника. «Гражданственность», — подчеркивает Сикорский, — это не возвышенные призывы и пожелания братьям добра. Она проявляется в обращении к тому, что прежде всего предстоит народу сделать. Это не значит, что артисты должны забросить клавиши, смычки, ноты и идеалы, надеть фартуки, встать у станка... Это значит, что художники должны работать в духе стремлений народа...» (цит. по: [24, s. 106]).

В работах Сикорского нашла определенное отражение и деятельность нотных издательств. В тот период, когда музыку можно было услышать только в «живом» исполнении, нотные фирмы во многом обуславливали музыкальную атмосферу того или иного края. Многочисленные литографии выпускают в 50-е годы разнообразные песенные и танцевальные сборники, популярные арии из опер, романсы, фортепианные переложения модных симфонических сочинений, произведения композиторов-романтиков, музыкально-педагогическую литературу, однако главным в деятельности издательств становится распространение музыки польских композиторов. Р. Ф. Фридлейн только в 1852—1855 гг. выпускает 2-е издание первого «Домашнего песенника» Монюшко и четыре нотных тетради, в которые вошли фортепианные и вокальные сочинения создателя национальной оперы. Большое внимание творчеству отечественных авторов уделяют главные нотные фирмы 50-х годов — Зенненвальда, Гебетнера и Вольфа. Последняя выпустила многие произведения братьев Контских, И. Комаровского, Э. Кани, а также такие крупные издания, как партитура «Гальки», фортепианное переложение оперы Монюшко «Графиня» и оперы И. Ф. Добжиньского «Монбар и флибустьеры». У Зенненвальда были отпечатаны оперы Монюшко «Флис», «Verbum nobile», «Явцута», а также фрагменты этих сочинений для фортепиано [22].

Симфонические произведения отечественных авторов издаются в переложении для фортепиано, и это очень важно, поскольку в концертной жизни Варшавы, да и Польши в целом симфоническая музыка была представлена более чем скромно. В Варшаве не было ни филармонии, ни постоянного симфонического оркестра. Польские композиторы в своем творчестве редко обращаются к этому жанру, может быть, именно из-за объективных трудностей в исполнении. Даже такое значительное в польской музыкальной литературе произведение, как фантастическая увертюра «Сказка» С. Монюшко, премьера которой состоялась в Петербурге в 1849 г., прозвучала в Варшаве только в 1859 г., а симфония И. Ф. Добжиньского, тепло принятая в Вене в 1836 г., полностью была исполнена в Варшаве только в 1857 г. (не удивительно, что композитор отказался от крупных оркестровых форм). В 50-е годы польские композиторы практически не обращаются к симфонической музыке. Инструментальный концерт в польском искусстве 50-х годов представлен двумя произведениями: скрипичным Г. Венявского (1853) и фортепианным Ю. Венявского (1858). Польские композиторы в этот период обращаются в основном к малым формам вокальной и инструментальной музыки.

«Оркестровый вакуум» в какой-то степени заполняли театральные оркестры. Уровень и репертуар этих коллективов был различен. Чаще всего они выступали со смешанными программами, в которые включались фрагменты из опер, балетов, небольшие оркестровые сочинения. Кроме того, театральные оркестры участвовали в концертах знаменитых виртуозов. (Серьезная, систематическая деятельность по пропаганде симфонической музыки оркестра Театра велького начинается только в 80-х годах XIX в.) Познакомиться с классической и современной симфонической музыкой варшавяне могли лишь во время летних гастролей немецких коллективов.

Множество оркестров и ансамблей легкой музыки играет на летних площадках. В театре «Розмаитости» в антрактах звучали польки, полонезы, краковяки, мазурки, кадрили в исполнении оркестра Леопольда Левандовского (свыше 300 танцев было написано самим дирижером) [22].

На облик музыкальной культуры Варшавы не могло не повлиять то обстоятельство, что почти 30 лет обучение музыке здесь велось частным

образом. (После поражения ноябрьского восстания консерватория была закрыта, а Варшавский музыкальный институт был создан только в 1861 г.) Уроки музыки давали не только выпускники консерватории, но и люди, имевшие очень низкую квалификацию.

Во втором крупнейшем культурном центре Польши — Кракове — после присоединения Краковской республики к австрийской монархии (1846) широкая деятельность Общества друзей музыки, которому удалось организовать хороший симфонический оркестр и большой хор, практически прекратилась. В концертной жизни доминировала венская музыка и военные оркестры. Все, что было модно в Вене, немедленно становилось модным и в Кракове. Рецензенты старательно вторили мнению Э. Ганслика, его взгляды и предпочтения становились «эстетическими образцами» для Кракова. На выступления музыкантов, которые еще не «завоевали» Вену, приходило, как правило, немного слушателей. «Каждый артист должен получить в Вене благословение на великого артиста», — писал краковский «Час» [25].

Существенное влияние на музыкальную жизнь Кракова оказывала деятельность Ф. Мирецкого. «Благодаря своему положению известного за границей композитора и знатока оперного пения, — писал профессор Ю. Рейсс, — Мирецкий стал настоящим диктатором краковской музыки между 1840 и 1860 гг.» [12, т. 1, с. 39]. В 1838 г. Ф. Мирецкий основал школу оперного пения, а в 1841 г. (совместно с В. Горонкевичем) общую музыкальную школу. Его идеалом была итальянская комическая опера (Россия, Доницетти), к творчеству современных польских композиторов, в частности операм и вокальным сочинениям Монюшко, он относился резко отрицательно. Польский репертуар включался в программы немногих музыкантов — гитариста С. Щепановского, скрипача Н. Бернацкого и др. Значительно оживляли музыкальную жизнь Кракова частые выступления гастролирующих виртуозов.

Практически во всех культурных центрах Польши существовали трудности с исполнением симфонической музыки. Довольно низкий уровень оркестров обуславливался в первую очередь нехваткой музыкантов, играющих на духовых инструментах. Приглашать зарубежных исполнителей было очень дорого и хлопотно, а любительское музицирование на духовых инструментах вышло из моды. Только в 1861 г. с созданием Варшавского музыкального института началась профессиональная подготовка музыкантов-духовиков⁹.

Открытие Варшавского музыкального института знаменовало собой новый этап в музыкальной жизни Польши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934, с. 172.
2. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. — В кн.: Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в. Вып. 2. М., 1980, с. 151.
3. *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л., 1975.
4. *Шуман Р.* О музыке и музыкантах. Т. 1. М., 1975, с. 87.
5. Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980, с. 80—85.
6. Музыкальная эстетика Германии. Т. 1—2. М., 1981—1983.
7. *Jachimecki Zd.* Muzykologia i piśmiennictwo muzyczne w Polsce. Kraków, 1948, s. 31.
8. *Mochnicki M.* Pisma. Lwów, 1910, s. 13.

⁹ Первый директор Института Ап. Контский требовал, чтобы каждый студент фортепианного отделения непременно обучался игре на каком-нибудь духовом инструменте. Это требование неукоснительно соблюдалось долгие годы. Например, И. Я. Падеревский, который учился в Варшавском музыкальном институте в 1872—1878 гг., играл в оркестре Института на геликоне.

9. *Рубинштейн А. Г.* Музыка и ее представители. М., 1921, с. 38.
10. *Гобман Э. Т. А.* Крейслериана, Житейские воззрения кота Мурра. Дневники. М., 1972, с. 95.
11. *Стасов В. В.* Избранные сочинения. Т. 3. М., 1952, с. 420.
12. *Reiss J.* Almanach muzyczny Krakowa: 1780—1914. T. 1—2. Kraków, 1939.
13. Музыкальная эстетика Франции XIX в. М., 1974, с. 91.
14. *Гейне Г.* Собр. соч., т. 9. М., 1936, с. 458.
15. *Делакруа Э.* Дневники. Т. 1—2. М., 1961.
16. История польской литературы. Т. I. М., 1968.
17. *Бодлер Ш.* Цветы зла. М., 1970, с. 203.
18. Warszawa XIX wieku. Warszawa, 1970.
19. *Noskowski Z.* Drogowskazy. Szkice i gawędy z dziedziny muzyki. — Echo muzyczne, 1879, № 11, s. 2.
20. Санкт-Петербургские ведомости, 1868, № 241.
21. *Бэлла И.* Шопен. М., 1968, с. 257.
22. Kultura muzyczna Warszawy drugiej połowy XIX wieku. Warszawa, 1980.
23. Biblioteka Warszawska, 1843. № 2, s. 665.
24. Antologia polskiej krytyki muzycznej XIX i XX wieku. Kraków, 1955.
25. Czas, 1853, № 70.

МИНЕЯ КАК ТИП СРЕДНЕВЕКОВОЙ КНИГИ

Средневековье отличается от других эпох, в частности, тем, что в это время создавались тексты, которые полагалось оглашать только по определенным дням, в подвижных сочетаниях, точно предсказуемых на любое число лет вперед и на каждый день года. В корпусе письменных памятников славянского средневековья рукописи именно с этими текстами составляют подавляющее большинство. Непредвидимые превратности реальной жизни не должны были что-либо нарушать в «навсегда» установленном распорядке ритуальных чтений и песнопений, в их календарной последовательности, зафиксированной богослужебным Уставом (Типиконом). Можно задаться вопросом, почему это представлялось необходимым с точки зрения учредителей Типикона и почему среди их современников не нашлось мыслителя, который показал бы слабые места этого образа действий — прежде всего поразительное отсутствие чувства нового, отрицание права на творчество, на порывы души, фактическая заданность пустословия, из-за равной длительности текстов на темы и значительные, и такие, о которых сказать было практически нечего. Ведь самый авторитетный для средневековья первоисточник — Новый завет — не дает оснований для этого жесткого формализма; наоборот, священнодействия первых веков христианства были только импровизированными, а не заученными, и даже главная молитва, «Отче наш», у евангелиста Матфея выглядит несколько иначе, чем у евангелиста Луки. Ответим, что для средневековья этот формализм был неизбежной издержкой, а не самоцелью. Типикон сумел выразить главное — специфику уже не античного, а средневекового подхода к феномену времени. Оно мыслилось так, что есть поток *временных лет*, в котором движется бренное бытие человека, занимающее хотя и благочестивое, но все же приземленные умы летописцев¹, и есть вневременная вечность, занимающая воображение литургистов, видевших свою цель в том, чтобы через зыбкое художественное переживание земного ритуала дать понятие о заложенной в нем идее, не подверженной изменениям во времени. В наиболее чистом виде сама идея выражена центральной мозаической композицией главного храма древнерусского государства — Софии Киевской (1043—1046). Ее иконографический сюжет не соответствует никакому земному событию, описанному священной историей Нового завета, вообще никакому литературному сюжету, и тем не менее производит сильное впечатление, по своему существу иррациональное, или, как сказали бы наши предки — неизреченное: «Зрителю кажется, — попытался это выразить В. Н. Лазарев — что действие развертывается во внепространственной и *вневременной* (курсив мой. — М. М.) среде, где царят свои, совсем особые законы» [2]. Мозаику эту называют «Причащением апостолов» [3]; это словесное обозначение

¹ В эту же, приуроченную к 600-летию Лаврентьевской летописи, предложена соответствующая этому интерпретация названия «Повести временных лет» [1].

предложено искусствоведами нашего времени и не является среди них общепринятым, В. Н. Лазарев предпочитал столь же условное название «Евхаристия под двумя видами». Которое из них правильнее? Ответим на этот вопрос другим вопросом: что будет, если, например, пушкинисты в классификационных целях снабдят стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» каким-то своим, строго научным, построенным по законам логики названием? К счастью, пушкинисты таких намерений не высказывали, полагая, что поэт лучше знает, нужно ли название. Но древние живописцы тоже знали, что делали, когда на одних творениях ставили названия, а на других — нет, оставляя место тому, что в наше время обозначается термином *невербальный интеллект*.

Согласно Типикону, тексты ритуалов прочитывались или выпевались (отсюда упоминание *четья-петья церковного* в языке былин). Читались приуроченные по содержанию к теме дня отрезки библейского текста. Обобщающим названием для того, что целось, сегодня является греческое по своему происхождению слово *гимн*, но самим византийцам это представлялось несколько иначе, они различали *ὕμνος* и *ψαλμός*, иногда объединяя их в более общем понятии *ψῆδῆ* 'песнь, ода', над которым находилось высшее понятие — *ψῆδῆ πνευματικῆ* 'духовная песнь' [4]. О границах между этими категориями у византийцев согласия не было; сейчас, после утраты музыкального аспекта их произведений и при неразработанности византийской поэтики, ничего лучшего чем обобщающий термин *гимн* и его производные *гимнодия*, *гимнография*, *гимнология* предложить нельзя. Гимны были сгруппированы в ритуальные сборники нескольких разновидностей, в число которых входят *Минеи*.

Минеи с гимнами, обычно называемые служебными *Минеями*, очень редко — *Минеями-Петьими*, нужно отличать от *Четьих-Миней*, которые содержат повествовательную прозу, предназначавшуюся главным образом для внебогослужебного чтения — в монастырских трапезных во время обеденного ритуала и в кельях, а иногда и дома у мирян, имевших желание и возможность в чем-то подражать монастырскому благочестию. Не зная разницы, часто под *Минеями* подразумевают одни лишь *Четьи-Минеи*. Примером является традиция комментариев к шевченковскому «Кобзарю». В эпилоге поэмы «Гайдамаки» поэт вспоминает своего отца:

Бувало, в неділю, закривши мінею,
По чарці з сусідом випивши тісі,
Батько діда просить, щоб той розказав
Про Коліївщину, як колись бувало.

Комментаторы не сомневаются, что речь идет о семейном чтении *Миней-Четьих* [5]. Но похоже, что закрывалась *Минея* служебная, закрывалась не дома, а на клиросе храма по окончании воскресной литургии, и сельский люд, в том числе грамотные клирошане, к которым принадлежал отец поэта, расходились по домам обедать. У крепостного крестьянина и воскресенья было слишком обременено заботами его убогого бытия, чтобы сверх обязательной церковной службы устраивать домашнее чтение *Миней-Четьих*, книги сравнительно редкой и дорогой, которая имелаась не в каждой помещичьей библиотеке.

Считается, что название *Миней* «происходит от греческого слова *μήν* 'месяц', так как тексты в них располагаются по дням каждого месяца» [6]. Этимологически объяснены и корень, и аффиксация: «из ср.-греч. *μηναῖον*, мн. *μηναῖα* 'месячные» [7]. Достигнутая этим ясность — кажущаяся. Ведь в исторических грамматиках не сформулировано (несмотря на наличие зарегистрированных фактов²) такое правило, чтобы греческая форма множественного числа субстантивированного прилагательного среднего рода становилась славянской формой единственного числа женского рода, флексиям как будто не полагается быть объектом заимствования. С другой стороны, отнести рассматриваемое нами слово к недоразумениям

² Ср., например, грамматические наблюдения М. Фасмера [8], В. Погорелова [9], М. И. Чернышевой [10].

нельзя, ошибаться переводчики скорее могли где-нибудь внутри текста, куда внимание проверки не всегда проникало, но не в названии самой книги, бывшем у всех клирошан если не на виду, то во всяком случае на устах (титульные листы славянских пергаменных Миней самого слова *Миней* не содержат — случайно или в силу тех же высших причин, по которым мозаичисты не подписали центральную композицию Софии Киевской). Налицо одно из проявлений не описанного историками языка греко-славянского грамматического синкретизма эпохи ранних переводов. По такой же морфологической модели греческое *στοιχεῖον* ср. р., мн. ч. *στοιχεῖα*, у Иоанна екзарха Болгарского еще сохраняя эти грамматические показатели (взяв *αὐτὰν καὶ ἐκὰς στοιχεῖα* [11]), затем было переосмыслено в русское *стихия* ед. ч. ж. р. Процесс грамматического переосмысления можно наблюдать и по существительному *стихира*, названию одной из разновидностей гимнов, входящих в Минеи. Исходное *στιχῆρον* ср. р., мн. ч. *στιχῆρα* дало славянские формы *стихѣра* или *стихира* ед. ч. ж. р., в конце XI в. засвидетельствовано множественное число *стихиры* (составляют *стихиры*, поют *стихиры* [12, с. 71]), либо *стихира* (*стихира* поют *са* по двоици [12, с. 44]); слово обычно сокращалось, иногда с удвоением выносного *χ* под титлом [12, с. 2, 3, 71, 72], как это делалось в греческом письме, причем это удвоение, не имеющее морфологической мотивировки в том смысле, что второго *χ* ни в одной полностью написанной словоформе нет, было абстрагированным признаком множественного числа. Оба варианта формы множественного числа встречаются в одной и той же новгородской Минеи 1096 г., где есть и третий вариант — *стихири* [12, с. 155], с чем можно сравнить *πρῶτον στιχιῶν* в Цветной Триоди XI—XII вв. (ЦГАДА, ф. 381, № 138, л. 58об).

Нуждается в пояснении одна не обращавшая на себя внимание славистов особенность в семантике основы. Дело в том, что слово *μηνῆα* относится, строго говоря, не к отрезку времени, а к небесному светилу, по точному смыслу словоформы греческое *μηνῆα* — это вовсе не 'месячные', а 'лунные' [13]. Налицо противоречие с фактическим характером Миней: счет времени в них слупой не связан, они именно месячные, т. е. разграничены между собой по месяцам юлианского календаря. Правда, в нескольких случаях, причем в связи с важнейшими датами церковного года, в Минейх обнаруживается иная система счета времени. Сверх ожидаемых служб на тридцать один день декабря, в Минею этого месяца по древнейшему списку XII в. включены службы на два последних воскресенья перед Рождеством (ГИМ, Синодальное собрание, № 162, л. 144 об—162 об). Есть особые предписания Типикона о минейных службах последнего воскресенья перед праздниками Воздвижения (14 сентября), Просвещения (6 января) и Преображения (6 августа).

Остается также непонятным, зачем понадобилось при наличии общепринятого, освященного употреблением в Септуагинте прилагательного *μηνῆα* 'длится месяц' воспользоваться для обозначения церковной книги морфологически и семантически иным прилагательным *μηνῆα*, впервые обнаруживающимся лишь около 540 г., причем в языке оракула. Записал его светский автор, Иоанн Лаврентий Лид, в своем сочинении «О месяцах» [13]. Отцы церкви его не употребили ни разу, а когда оно стало термином византийской литургии — неизвестно. Появление грецизма *миней* в древнерусском языке М. Фасмер отнес к XI в., но без аргументации; наши лексикографы нашли его в рукописях не старше XV в. — в Ипатьевской летописи [14]. Еще А. В. Горский и К. И. Невоструев обратили внимание на находящееся в Студийском Уставе XII в. (ГИМ, Синодальное собрание, № 330, л. 66 об) выражение *ἐκ μηνῆων* и по контексту определили, что речь идет о Минее [15]. В этой же рукописи многократно (л. 6 об, 10 и др.) встречается и выражение *ἐκ μηνῆων*, а поскольку на ее последнем (бумажном) листе сделана запись рукой ученого хранителя: «*Весь кодекс № 330 снят в июне 1929 г. для проф. Фасмера в Берлине. Н. Попов*», то становится ясным, откуда взял свои хронологические соображения немецкий этимолог — перевод

Студийского Устава «был сделан, по-видимому, в 60-х годах XI в.» [16]. Однако славянские Минеи старше, чем Студийский Устав, регламентирующий частный случай их применения в монастырских условиях, ведь не со строительства монастырей начинались христианизация славянских земель и налаживание славянской литургии. По догадке И. В. Ягича, уже в X в. славянские переводчики справились с делом создания полного годового комплекта Миней [12, с. ХСVII]. Возможно, что с этого времени такие книги и назывались у славян Минеями. Но это не обязательно, ведь сами византийцы, кажется, умели обходиться без такого термина. Когда виднейший константинопольский филолог своего времени Иоанн Мавропод впал в немилость и в конце 1040-х гг. был отправлен в почетную ссылку на должность митрополита Евхантаского, там он посвятил свои досуги литургической поэзии, его творчеством завершилось развитие византийской гимнографии. Заодно Иоанн Мавропод занимался редактированием того, что мы называем Минеями, и увенчал свой труд стихотворной надписью:

Пересмотрев книги дневных (ἡμερησίων) песней,
Я все в них, что писано, исправил,
Как мог, и смысл, и письмо улучшил [17].

Чтобы объяснить противоречие, заключенное в наименовании Миней, обратимся к содержанию этих книг. Речь в них идет о чествовании ежегодно повторяющихся праздников, в том числе дней смерти святых, понимаемой как переход из временной жизни во вневременную вечность. Что же такое праздник и каковы закономерности его повторения во времени?

Уже в античности сложился обычай, согласно которому определенные события, однажды состоявшиеся, влекут за собой периодические ритуалы, имеющие целью напомнить об этих событиях, как бы возобновить их в общественном сознании. Для событий наиболее значительных памятная дата отличалась тем, что в такой день не трудились и бездействовал суд. Время, отведенное памятной дате, изымалось из обычного распорядка жизни, становилось как бы объектом жертвоприношения богам, принадлежало всецело им и поэтому не могло использоваться для утилитарных нужд. Таков исходный смысл русского слова *праздник*, наряду с которым в древнерусском языке употреблялось синонимичное существительное того же корня *посвѣна*. Это — время, отстраненное от всех повседневных дел; его украинским эквивалентом является существительное *свято*, внутренняя форма которого свидетельствует о былой сакральности понятия.

Римское право знало три разновидности общественных празднеств: 1) *feriae stativae*, совершаемые в раз навсегда фиксированную дату, 2) *feriae conceptivae*, которые могли передвигаться — в диапазоне нескольких дней (например, из-за неотложных сельскохозяйственных работ) или в пределах всего года, 3) *feriae imperativae*, совершаемые в чрезвычайных случаях, по усмотрению властей. Кроме этого, искони освобождался от работы либо каждый девятый день, как у римлян, либо каждый седьмой день, как в ближневосточной традиции.

«Тема *праздник* имеет то общее с другими философскими темами, что поначалу она выглядит так, как будто феномен, о котором идет речь, вовсе не нуждается в специальном обдумывании и прояснении, потому что перед каждым он предстает открыто и понятно. Гегель назвал особенностью философии исследование как раз того, что предполагается известным, о чем каждый думает, что *это* он уже знает. Конечно, каждый так или иначе «знает», что это такое, праздник. Однако здесь можно сказать нечто похожее на то, что Августин в своих „Исповедях“ заметил о понятии *время*: пока меня никто об этом не спрашивает, я знаю, что это такое» [18, S. 5].

Самым существенным признаком праздника является радость. «Праздник устраивается, чтобы выразить чувство радости по поводу события в частной жизни, в природе, в мире религиозных представлений и т.д. через посредство эмоционально приподнятого ритуала, совершаемого

с другими членами той общности, в которой живешь» [19]. Однако рационалист Руссо скептически отзывался о самих поводах к праздничной радости: «Воткните в середину свободной площадки кол, увенчайте его цветами, созовите народ — вот вам и праздник!» [18, S. 10]. Уже на древнегреческих праздниках бывала скучная, пустопорожняя напыщенность. Но бывали и вдохновение, и возвышенная созерцательность.

Праздники существовали не только для возвышенных умов; люди поироче заполняли это время приуроченной к нему ярмаркой (у славян *торжество* по исходному значению представляет собой торг, действие купли — продажи, а значение праздничной радости вторично), или пировали, что не всегда обходилось без эксцессов. Зарождающееся христианство, противясь этим последствиям, ставило под сомнение и первопричину: так, Ориген находил, что праздники хотя и существуют в церковном обиходе, на самом деле нужны только несовершенным христианам, а Климент Александрийский пояснял, что жизнь в благочестии сама по себе является сплошным праздником; так же и по мысли Тертуллиана каждый день для настоящих христиан — праздник [19, S. 755]. Но максималистские формулировки годились для теории, практическая жизнь выдвигала неотложное требование регламентации календаря праздников. Заняться этим пришлось первому же вселенскому собору, созванному после того как христианство стало государственной религией — Никейскому собору 325 г.

Коренной вопрос церковного календаря — это дата Пасхи, главного события года. Казалось бы, вопроса здесь возникать не должно, поскольку только это событие и имеет обозначенную дату в евангельском тексте: ночь с 14 на 15 нисана, месяца весеннего равноденствия по иудейскому календарю. В момент Никейского собора Империя руководствовалась юлианским календарем; сделав несложный пересчет, можно было получить искомую дату и учредить ее празднование на все последующие годы. Этого однако не произошло. Причина в том, что Библия не знает юлианского календаря, и введение этого языческого мерила времени в святая святых христианства было неприемлемо, понималось бы как профанация. С другой стороны, календарь, введенный Юлием Цезарем и поэту именованный юлианским, был гениально прост, и о переходе Империи на библейскую систему лунного счета времени, громоздкую и мало кому доступную для осмысленного пользования, не могло быть и речи.

Никейский собор принял компромиссное решение, узаконив такой порядок счета времени, в котором участвуют обе системы — библейская и юлианская, поставленные в определенное соотношение, но друг от друга независимые. Пасха определяется по системе библейской, обставленной некоторыми оговорками — в частности, уводящим от астрономической точности ежегодного совпадения дат, но в религиозном отношении важным математическим условием, согласно которому этот день должен быть в каждом году воскресным. Прочие праздники решено было назначать по системе юлианской. В соответствии с этим стали формироваться гимнографические сборники нескольких разновидностей: привязанные к Пасхе (Постная и Цветная Триоди, используемые на протяжении менее трети года) и привязанные к юлианскому календарю (Минеи на весь год). Кроме того, был создан сборник с восемью недельными циклами песнопений — Октоих, который используется круглый год и придает каждому воскресенью характер маленькой Пасхи. Минеи, таким образом, являются уступкой непревзойденному языческому искусству счета времени; чтобы сгладить нежелательное впечатление от этой уступки, в Минеях есть подвижные вставки на два предпразднственных воскресенья и другие добавления со структурами по типу триодных перед некоторыми праздниками (например, в январской Минее XI—XII вв. — ЦГАДА № 99—на л. 8 помещен трипеснец, признак предпразднества Просвещения, обозначенный как *триедь*), а самому сборнику дано название, которое если не фактически, то вербально отмежевывается от юлианского стиля — название 'лунное', *μηναίον*.

Другой выход из положения найден в латинском языке. Книга ритуальных текстов римской церкви, Миссал, построена так, что все дни, привязанные к Пасхе, входят в раздел, именуемый *proprium de tempore*, а все дни юлианского (с конца XVI в. — грегорианского) года составляют раздел, имеющий название *proprium de sanctis*. Иначе говоря, сакральный приоритет пасхального счета дней здесь подчеркнут тем, что только к нему отнесено высокое понятие времени — *tempus*. Как будто юлианское время — это не *tempus*!

Уступкой юлианской системе являются гимны новолетию, начинающие минейный круг. Новый год первоначально не имел церковного смысла и для христианской философии этот день не нужен, дата его условна и неоднократно менялась. Принятие византийской церковью 1 сентября в качестве новогодней даты объясняется тем, что в этот день имперская администрация вводила в действие корректируемые раз в 15 лет списки налогоплательщиков, затем его переосмыслили как день сотворения мира.

Пасха может приходиться на день между 22 марта и 25 апреля юлианского календаря, сдвигаясь каждый год по математической закономерности, которая выражается формулой Гаусса. Приоритет пасхального стиля в византийском исчислении времени выражается в том, что минейные службы той части года, которая охватывается Триодями, оказываются в подчиненном положении, так как они в той или иной степени заслоняются гимнами Триоди. На пасхальную неделю уставное предписание из Цветной Триоди XI—XII вв. (ЦГАДА, № 138, л. 65об) отменяет минейные тексты полностью, делая исключение для служб Георгию Победоносцу (23 апреля), апостолу Марку (25 апреля) и апостолу Иакову (30 апреля), с оговоркой, что в самый день Пасхи и следующий за ним понедельник и эти службы аннулируются (третья из них, впрочем, попасть на эти два дня и не может). Не отменяется Пасхой только минейная служба в день Благовещения 25 марта, имеющий статус великого праздника; если Пасха с ним совпала, пасхальные гимны и чтения предшествуют благовещенским и в целом ритуал имеет пасхальный характер.

Уязвимым местом минейного счета времени, неразрешимым узлом противоречий являлся сам факт необходимости иметь високосные годы. Задолго до Никейского собора было известно, что сакральный принцип фиксированной даты ежегодно празднуемого события иллюзорен. Ведь астрономический год имеет не целое, а дробное число суток, наличие дробного остатка принуждает добавлять каждые четыре года к счету одни сутки³. Условлено добавлять их под названием високосного дня 29 февраля к годам, число которых делится без остатка на 4. С таким же успехом можно было бы придумать, например, 32 августа, добавляемое к тем же, или к каким-либо иным годам четырехлетий. Что же это за твердая дата ежегодного праздника, если ровно через год утрачена сдвинется приблизительно на шесть часов, а еще через год попадет на время вечера! И как отмечать ежегодно событие, состоявшееся 29 февраля, разве ровно через год его место на годовом круге времени действительно исчезло?

Заполнение никейской календарной схемы гимнографическим содержанием длилось с IV по XI век. Сначала писались гимны важнейшим праздникам, именующимся господскими и богородичными — их даты Новым заветом не сообщены и они расположены в календарном году без исторического обоснования, но так, что производят впечатление продуманного драматургического ансамбля. Затем создавались службы в память отдельных мучеников и иерархов, по дням их кончины или обретения (перенесения) мощей, во многих случаях эти даты известны благодаря исконному литургическому чествованию точнее, чем годы или даже века самих событий, в гимнах никогда не называемые. О процессе заполнения календаря В. П. Лазарев писал: «Основная работа по канонизации святых

³ Чем абсолютная точность не достигается, так как дробный остаток имеет бесконечное число знаков после запятой, эта непериодическая дробь к тому же не является величиной постоянной.

была проделана церковью в послеконоборческую эпоху, в IX—X вв. Были составлены в целях использования при богослужении краткие перечисления праздников и святых по порядку месяцев и дней года... В Византии еще в конце XI в. далеко не каждый день имел своего святого, чья память прославлялась во время богослужения. Так же было и на Руси в домонгольский период (известно, например, что Студийский Устав патриарха Алексея, введенный преподобным Феодосием в Печерском монастыре, упоминает под февралем, мартом, маем, июнем и июлем о шести — девяти службах для каждого месяца, а под августом здесь говорится лишь о двух службах). Это же подтверждается и древнейшими греческими синаксарями и месяцесловами, в которых тщетно было бы искать для каждого дня своего святого» [20].

Относительно числа августовских служб Студийского Устава здесь допущена неточность в подсчете — их не две, а восемнадцать (так в рукописи ГИМ № 330, л. 183—196). А в месяцеслове на август Остромирова Евангелия 1056—1057 г. — даже девятнадцать [21]. Уже в месяцеслове глаголического Ассеманиева Евангелия X—XI вв. предусмотрено на август четырнадцать служб [22]. В целом же суждение В. Н. Лазарева основано не на том источнике, в котором нужно искать ответ на вопрос о степени заполнения календаря. Она была неодинаковой в одну и ту же эпоху, в одной и той же местности. Одно дело — расписание служб приходского храма для крестьян, другое — для горожан, третье — домово́й церкви феодала, четвертое — кафедрального собора, пятое — монастырей, среди них были и такие, которые славились круглосуточной непрерывностью служб, длившейся веками. Ответ на вопрос о том, когда и чем заполнялся календарь, находится в служебных Минеях, они являются вседневными уже в самых старших дошедших до нас греческих списках X в., а стали таковыми еще раньше, если судить по составу авторов, чьи произведения вошли в Минеи. Каноны вседневной августовской Минеи окончательного состава написали Иосиф Гимнограф, Феодан Клейменный, Косма Маюмский, Иоанн Дамаскин, Герман патриарх, Климент. Наибольшую часть работы выполнил младший из них — Иосиф Гимнограф (816—886). Его эпоха, видимо, и является временем, когда византийские Минеи стали вседневными. Что же касается причин, почему Студийский Устав, разработанный при патриархе Алексее (1025—1043), говорит не обо всех службах, то это объясняется назначением данного документа: он дает указания только для случаев, когда в регламенте есть какая-либо особенность, или нужен выбор между несколькими возможными вариантами сочетаний гимнов. Почти на каждый день, разбираемый в Студийском Уставе, предписано частичное или полное освобождение от труда, фактически это Устав праздников, которые, естественно, не могли быть непрерывными. В будни монахам положено было и участвовать в богослужении, и трудиться.

Случалось, что рукопись служебной Минеи, изготовленная для монастырских нужд и поэтому содержавшая службы на все дни месяца, попадала для практического использования в такие условия, где это свойство вседневности вовсе не требовалось. Например, древнейшая из сохранившихся славянских августовских Минеи (ЦГАДА, ф. 381, № 125), датированная концом XI или началом XII в., первоначально содержавшая службы на все дни августа, имеет ясно выраженные следы износа только на шестой, пятнадцатый и двадцать девятый дни месяца, то есть на праздники Преображения, Успения и Усекновения, из чего можно сделать вывод, что на протяжении столетий эта рукопись принадлежала такому храму, где ею пользовались только по этим праздникам. Следующая по времени полная служебная Минея на август, нотированная рукопись XII в. (ГИМ, Синодальное собрание, № 168), имеет совершенно равномерную физическую сохранность и тем самым никаких оснований для подобного рода выводов не дает.

Сравнение служебных Минеи с Уставом, параллельное чтение этих документов — филологическая работа, до настоящего времени палеославистами не делавшаяся. И. В. Ягич, издавая новгородские Минеи за первую четверть годового круга по рукописям конца XI в. с привлечением

позднейших списков, с Уставом свой материал не сопоставил и тем самым упустил возможность увидеть, что известная ему редакция состава Миней — не единственная из бытовавших на Руси в XI в. и, быть может, не самая древняя, поскольку Студийский Устав предписывает на некоторые дни исполнение гимнов, в изданной редакции Миней отсутствующих. Таковы, например, не известные сегодня даже в греческих оригиналах гимны на 1 сентября мученикам Гермогену, Еводу и Каллисту, чьи мощи хранились в константинопольском Студийском монастыре (ГИМ, Син. 330, л. 68об), 15 сентября — преподобному Евиоту Студийскому (л. 78об—79), 18 ноября — мученику Роману (л. 97), 22 ноября — преподобному Фаддею Студийскому (л. 98об), 28 ноября — мученикам Петру, Павлу и дружине их (л. 100об). С другой стороны, становится возможным предположить, что и редакция Устава не была в XI в. единственно такой, какой она дошла до нас в рукописи ГИМ, Син. 330, что существовала редакция, соответствующая фактическому составу новгородских Миней, изданных И. В. Ягичем.

Особенно велико значение Устава для анализа Миней тех месяцев, которые не дошли до нас в полных древнейших списках. Так, июньской древнерусской Миней XI в. в полном виде не существует, сохранилась для этого месяца лишь фрагментарная Миней Дубровского (ГПБ, Ф. п. I.36), представляющая собой разрозненные отрывки служб на четыре дня — 8, 11, 19 и 24 июня [23, 24, 25, 26]. О многих гимнах в этих отрывках ничего определенного сказать нельзя — они общеприняты, традиционны и могут восходить к исконной литургической практике студитов [27]. Однако служба Феодору Стратилату на 8 июня является, в силу долгого непризнания этого святого на славянской почве, датирующим признаком Миней Дубровского [28]. Интерпретация ее частей, надежная реконструкция целого немислимы без данных Устава. Приведем июньский текст Устава (ГИМ, Син. 330, л. 169—176), раскрыв в нем сокращения; при этом дописанные нами буквы заключены в скобки. Полу жирным шрифтом обозначены цитации гимнов и св. Писания, обычно Устав ограничивается их зачалами.

Историкам русского языка еще не приходилось работать с текстами такого содержания, отсутствие опубликованных прецедентов создает при эдиционной подготовке данного текста определенные трудности в раскрытии сокращений, тем более что греческой модели этого переводного памятника сегодня нет [29], во всяком случае ее отыскание — дело будущего.

М(Ъ)Ю(Ъ)ЦЬ · ИУНИИ · РЕКОМЫИ *изокъ · имат(а) · д(а)нии · а · д(а)на имат(а) · час(окъ) · е · а · юц(а) · ѿ ·*

вз · и · памат(а) с(ка)т(а)го м(оу)ч(е)н(и)ка · Феодора с(г)ратилата · поета с(а) · вечернаѣ въз ц(а)р(а)к(з)вици ѿго · аще не неа(т)ла боудета · а суграннаѣ въз ц(а)р(а)к(з)ви с(ва)тъмъ в(о)городица · иже ми въз неа(т)лю · с(ка)т(а)го м(оу)ч(е)н(и)ка праздникъ кличѣ с(а) · и кеч(е)рню въз с(ва)тъмъ в(о)городици с(в)ѣрама · тако же и литург(ию) · хрдаѣ же нѣци ит(з) мнихъ въз ц(а)р(а)к(з)вѣ с(ва)т(а)го Феодора и с(з) поп(о)мъ · и поета в(е)черню · и засуграню · и литург(ию) · <веч(е)рз же поета с(а) · вл(а)ж(е)нъ моуж(ъ) · а на г(оспод)н вѣз(ъ)вѣх(ъ) · оуставлама с(т)их(о)жъ · з · и поета с(а) с(т)ихѣры · г · глас(з) · д · под(обано) · Ико добла · и дроуг(и)н · г · глас(з) · е · под(обано) · Радоуи са · на слав(а) · и нын(ѣ) · в(о)городичано · прок(и)менъ < · на с(т)их(о)внѣ с(т)их(ѣ)ра · въз октаиц(ѣ) · и с(ва)т(а)го · самогла · с(ана) · глас(з) · и · Стр(а)с(отъ)рьп(ь)чьскын съставнѣ под(ви)гъ · на слав(а) · и нын(ѣ) · в(о)городичано · Трп(др)в М(оу)ч(е)н(и)къ твои г(оспод)н тз ж(е) · и на в(о)гъ г(о)сподъ · и на конц(а) оутрани ·

На оутрани чат(е)тъ с(а) · м(оу)ч(е)н(и)е ѿго · иже феурара м(ѣ)с(а)ца · ѿго же въз пере творении написаню · поета же са кан(о)на дзвѣ · юдин(з) || въз октаицѣ · а дроуг(и)н · с(ка)т(а)го · глас(з) · д · ѿго же стиси по двоици поета с(а) · и по пѣнии ψ(а)лт(а)рнѣмъ · с(ѣ)д(и)лано · въз октаицѣ · а по · г · пѣс(ни) ·

с(ва)т(аа)го · а по · 2 · пѣс(ни) · с(ва)т(аа)го · ко(н)д(акз) · глас(з) · в̄ · по
 д(обано) · **ВЫШЬНИХЪ ИЩА** · **МОУЖЕСТВѢМЪ Д(ОУ)Ш(А)** · СВѢТ(ИЛАН) · **Н(Е)ВО**
ЗВѢЗДАМИ · на стѣх(овнѣ) по **ХВАЛИТЕ Г(ОСПОДА) Д** · стѣх(т)ра вѣ октаиц(т) ·
 и с(ва)т(аа)го шт(з) под(обаны)хъ глас(з) · и · бо(городичано) · Имѣють по
 розна час(о)мъ и дѣломъ до половины д(а)не ·

На литург(ии) · прок(именз) · **ДИВНЪ В(О)ГЪ СТИХ(З)** · Вѣ ц(а)р(а)кзвѣх(з) ·
 ап(о)с(то)лз · **ЧЛД(О) ТИМОФ(Е)У** · трѣзвн сѧ о вѣсѣх(т) · ко(н)д(а) просвѣ
 щеннє нго · алѣл(оуи)д · **П(Р)АВѢДНИКЪ** · еуд(н)г(елинє) · шт(з) · Лоук(ы) ·
Реч(е) г(оспод)ь · ничто же покрѣвено · вѣ пат(окз) · 2 · нед(ѣли) · кун(аникз) ·
 Вѣ памат(а) ·

М(т)с(а)ца того ж(е) · вѣ м̄ · памат(а) с(ва)т(о)у ап(о)с(то)лоу · Варсоло
 мѣ · и Варнавы · вѣч(ерз) · на г(оспод)и вѣз(ъ)вѣх(т) · оуставляють стѣх(о)вѣ
 · 2 · и поют(а) <стѣх>тры · г · с(ва)т(аа)го Варсоломѣ глас(з) · <в̄ · и с(ва)-
 т(аа)го> Варнавы дроуг(ы)д т(р)и · глас(з) · а · на слав(а) и нын(т) · бо(горо
 дичано) · прок(именз) · на стѣх(овнѣ) стѣх(т)ра вѣ октаиц(т) и с(ва)т(аа)го
 Варсоломѣ · глас(з) · в̄ · само(глас)с(ана) · **ОСТАВИ(ВЪ) ЗЕМЛЯ** · и бо(горо
 дичано) · треп(арз) · **АП(О)С(ТО)ЛА С(ВА)Т(АА) МОЛИ(Т)** · тз ж(е) · и на в(о)г(ъ)
 (господ)ь · и на <конца оу>трани · :: ||

На оутрани поют(а) с(а) · кан(о)ни · г · вѣ октаиц(т) єдинз · и с(ва)т(ы)ма
 дзѣ · глас(з) · в̄ · по пѣн(и)и · Ѳ(а)лт(ы)рѣмъ · сѣд(илан) · вѣ октаиц(т) · а по · г ·
 пѣс(ни) · с(ва)т(ы)ма · а по · 2 · ко(н)д(акз) · СВѢТ(ИЛАН) · **Н(Е)ВО ЗВѢЗДАМИ** ·
 на стѣх(овнѣ) по **ХВАЛИТЕ Г(ОСПОДА) Д** · стѣх(т)ра вѣ октаиц(т) · и с(ва)т(аа)го
 Варнавы · самсглас(ана) · глас(з) · 2 · **Варнаво прѣхвальнє** · и бо(городичано) ·
 имѣют(а) пороз(на) · отиноуд(а) ·

На литург(ии) · прок(именз) · **ВЪ** всю землю · стѣх(з) · **НѢВЕСА** исповѣ
 дють · ап(о)с(то)лз · **ВЪ** оны д(ѣни) · растѣни быгъше ап(о)с(то)ли · не
 д(ѣла) · в̄ · по пѣ(цт) · алѣл(оуи)д · **Исповѣдять н(е)в(е)са** · еуд(н)г(елинє) ·
 шт(з) · Лоук(ы) · **ВЪ** оно в(рѣм)а · призѣва **И(со)усъ** · в̄ · оученика своа ·
 и гл(агол)етъ до селѣ · ицѣантъ недоужьны · и прѣстоупикъ гл(агол)ет(а) ·
 показа же и дроуг(ы)хъ семь десат(ъ) · и гл(агол)етъ до селѣ · **Юдоу** же хо
 ташє самъ ити · и пакы прѣстоупикъ гл(агол)етъ · слюшаши васъ мене
 слюшакт(ь) · ко(н)д(а) · прѣдъ тобою · кун(аникз) · **ВЪ** всю землю ·

М(т)с(а)ца того ж(е) вѣ · в̄ · памат(а) пр(т)п(о)д(о)в(а)н(аа)го с(т)аца на
 шег(о) · в̄нуфри · ч(а)т(е)т(а) с(а) на оутрани житие нго ·

М(т)с(а)ца того вѣ · в̄ · памат(а) с(ва)т(аа)го ап(о)с(то)ла **Июды** · вѣ
 ч(ерз) · на г(оспод)и вѣз(ъ)вѣх(т) · оуставляють стѣх(о)вѣ · 2 · и поют(а) ·
 стѣх(т)ра · г · глас(з) · а · и дроуг(ы)д · г · глас(з) · в̄ · || под(обано) · **Прѣп(о)-**
Д(О)В(Л)ИЕ О(Т)ЧЕ · на слав(а) · и нын(т) · бо(городичано) · на стѣх(овнѣ) стѣ
 х(т)ра вѣ октаиц(т) · и ап(о)с(то)лоу · глас(з) · в̄ · под(обано) · **Радоуи сѧ** ·
 и бо(городичано) · треп(арз) · **АП(О)С(ТО)ЛА С(ВА)Т(Ы) МОЛИ** · тз ж(е) · и на
 в(о)г(ъ) г(оспод)ь · и на конца оутрани ·

На оутрани чѣт(е)т(а) с(а) позлание нго · и поют(а) с(а) кан(о)на дзѣ ·
 єдинз вѣ октаиц(т) · а дроуг(ан) · ап(о)с(то)лоу · глас(з) · в̄ · него же стѣх(о)вѣ
 поют(а) с(а) по двосици · и по пѣн(и)и · Ѳ(а)лт(ы)рѣ(т)мъ · сѣд(илан) · вѣ окта(и)иц(т) ·
 а по · г · пѣс(ни) · ап(о)с(то)лоу · а по · 2 · ко(н)д(акз) · СВѢТ(ИЛАН) · **Н(Е)ВО**
ЗВѢЗДАМИ · на стѣх(овнѣ) по **ХВАЛИТЕ Г(ОСПОДА) Д** · стѣх(т)ра вѣ октаиц(т) ·
 и ап(о)с(то)лоу · глас(з) · и · под(обано) · **О прѣславнокъ чюд(о)** · на слав(а) ·
 и нын(т) · бо(городичано) · Имѣют(а) пороз(на) · отиноуд(а) ·

На литург(ии) · прок(именз) · **ВЪ** всю землю · стѣх(з) · **Н(Е)В(Е)СА** испо
 вѣдють · ап(о)с(то)лз · шт(з) · сзборанаго позлания **Июдина** чѣт(енинє) · **Июда**
И(и)с(о)усъ Х(ристо)вѣ равѣ брат(ъ) же **Иаковъ** · ко(н)д(а) · вѣ снхъ
 распыють сѧ · алѣл(оуи)д · **Исповѣдють н(е)в(е)са** · еуд(н)г(елинє) · шт(з)
Марк(а) · **ВЪ** он(о) · приде **И(и)с(о)усъ** вѣ о(т)чѣство свок · ко(н)д(а) ·
неѣрванна ради ихъ · кун(аникз) · **ВЪ** всю землю ·

М(ѣ)с(а)ца того ж(е) ·вз· ·кд· ·вз· навеч(е)рнѣ рождства с(ка)т(аа)го ·
 Іу(ана) · пр(ѣ)д(з)т(е)чѣ · поєтъ с(а) · вл(а)ж(е)нъ моуж(к) · а на г(оспод)нѣ
 въз(ъ)взх(ъ) · оуставляють стѣх(о)вз · ·о· и поєтъ стѣх(ѣ)ры три · само-
 (гла)с(аны) · глас(з) · ·д· **Б**(о)жню сло||воу хотѣцю · **И**оане прѣхвальнѣе · **Пр**о-
 рокъ и пр(ѣ)д(ъ)т(е)чѣ · на слаб(а) · и нын(ѣ) · парвою стѣх(ѣ)роу · та ж(е) ·
 взход(з) · на свѣт(ъ) тихъ · прок(именз) · пармне · г· паркаа шт(з) быт(ша) ·
Реч(е) г(оспод)ь в(ог)ъ Аврамоу · Сара жена твоа не нареч(е)тъ сѧ има
 ки · в· шт(з) соуднѣ · **В**ъ оны д(ь)ни · высть моужъ шт(ъ) племене Да-
 нова · г· шт(з) пр(о)роч(а)ствѣ Исана чѣт(еннѣ) · **Т**ако гл(а)голетъ г(оспод)ь ·
 оутѣшанте люди моа · на стѣх(о)вѣнѣ же · аще ключитѣ с(а) праздни(з)
 пр(ѣ)д(з)т(е)чѣ · кѣ кр(а)ствѣнѣ д(а)нѣ · гл(а)голетѣ с(а) · едина стѣх(ѣ)ра
 кр(а)ствѣна тѣчю · и пр(ѣ)д(з)т(е)чи самоглас(ана) · глас(з) · ·д· **Р**аздрѣшѣтъ
Захаринно мѣлчаннѣ · и дроуг(а) · стѣх(ѣ)ра · глас(з) · ·з· **В**ъ снѣ д(ь)н(ь)сѣ ·
 на слаб(а) · и нын(ѣ) · во(городичан) · въ октаиц(ѣ) · чого же глас(а) · **Д**остонно
 кѣтъ ако въ истиноу · аще ли нѣс(тѣ) кр(а)ствѣна д(а)нѣ · ничто же шт(з)
 октаика поєтъ с(а) · **Н**з раздрѣшѣтъ **З**ахаринно мѣлчаннѣ · поєтъ с(а) ·
 двоици · а дроуг(а) · глас(з) · ·з· **В**ъ снѣ д(ь)н(ь)сѣ · поєтъ с(а) · едина · на
 слаб(а) · и нын(ѣ) · реч(е)ннѣ во(городичан) · треп(ара) · глас(з) · ·д·

Пр(о)роче и пр(ѣ)д(ъ)т(е)че пришьствѣна **Х**(ристо)ва · достонно хва-
 лити та недоумѣкль · мы любѣвню чѣтоуше та · неплодѣви бо || ро-
 жши · и о(т)чѣ възгласнѣ раздрѣши сѧ · славннѣмъ и чѣстннѣмъ ро-
 жствѣмъ твоимъ · и въплѣщеннѣ с(ы)на в(о)жнѣ мировѣ проновѣдакъ
 сѧ ·

Наоутрѣна рекше · вѣ · ·кд· ·того ж(е) м(ѣ)с(а)ца · на оутрѣннѣ поєтъ с(а) ·
 в(ог)ъ г(оспод)ь · глас(з) · ·д· и реч(е)ннѣ треп(ара) · пр(о)роче и пр(ѣ)д(ъ)-
 т(е)че · и по семь поєтъ с(а) · кѣт(исма) · едина и поєтъ с(а) · сѣд(илно) ·
 пр(ѣ)д(з)т(е)чи · и чѣт(е)тѣ с(а) · сѣс(о) · на рождство него · твореннѣ пр(ѣ)п(о)-
 д(о)в(а)нѣго с(тѣ)ца нашег(о) и исповѣданика Феодора · по чѣтени же сте-
 пенѣна поєтъ с(а) · глас(з) · ·д· и прск(именз) · чого ж(е) · глас(а) · **С**е оуд-
 лихъ сѧ вѣгѣмъ · стѣх(з) · **В**ъ ноуши в(о)ж(е) м(о)л(н)твоу мою · и по прс-
 к(имнѣ) · **В**ъ сѣмъ дѣхѣннѣ · чого ж(е) · глас(а) · чѣ ж(е) · еуд(н)г(елинѣ) · шт(з)
 Лоук(ы) · **В**ъ оны д(ь)ни · зачатъ **И**вѣсавѣт(ъ) · ищи него шт(з) полоу на
 лигур(ни) · по сем(а) · н· ·ѣ(а)л(з)мѣ · по немъ ж(е) поєтъ сѧ кан(онз) · глас(з)
 · ·д· **Т**рьстотѣа крѣп(к)ы · и гл(а)голетѣ сѧ стѣх(о)вѣ по чѣтыришѣады · по · г·
 иѣс(ни) · сѣд(илно) · пр(ѣ)д(з)т(е)чи · потомъ чѣтетѣ с(а) шт(з) речѣнаго слова ·
 по · ·з· ·пѣс(ни) · ко(н)д(акз) · глас(з) · ·г· **Н**еплоды д(ь)н(ь)сѣ · свѣт(илно) ·
Н(е)во звѣзд(ами) · на **Х**валитѣ г(оспод)а · оуставляють стѣх(о)вз · ·з· и
 поєт(а) · стѣх(ѣ)ры · г· по двѣшѣады · глас(з) · и· под(обано) · **О** прѣславнѣок · /
 на слаб(а) · и нын(ѣ) · во(городичан) · на стѣх(о)вѣнѣ · ако же речѣно кѣтъ · аще
 боудетѣ кр(а)ствѣнѣ д(а)нѣ · поєтъ сѧ парвѣе кр(а)ствѣна стѣх(ѣ)ра едина · по
 семь пр(ѣ)д(з)т(е)чи · глас(з) · ·д· **О** прѣславнѣок чюдо · иже слов(а) · и иноу
 глас(з) · ·з· **Д**(ь)н(ь)сѣ свѣта свѣтѣльннѣ(ъ) · на слаб(а) · и нын(ѣ) · во(горо-
 дичан) · аще ли не боудет(а) кр(а)ствѣна д(а)нѣ · ничто же шт(з) октаика не
 поєтъ с(а) · нз едина стѣх(ѣ)ра пр(ѣ)д(з)т(е)чи · глас(з) · ·д· **И**внѣ сѧ д(ь)н(ь)сѣ
 вѣлики пр(ѣ)д(ъ)т(е)чѣ · и о прѣславнѣок чюд(о) иже слов(а) · и глас(з)
 · ·з· **Д**(ь)н(ь)сѣ свѣта свѣт(илннѣ) · и во(городичан) · чѣ ж(е) · треп(ара) ·
Пр(о)роче и пр(ѣ)д(ъ)т(е)че · Имѣють порознѣ стиноудѣ ·

И на в(о)ж(а)ствѣнѣ лигур(ни) · поєтъ с(а) · оуставлени пс(а)л(х)ми · и
 поєтъ с(а) на вл(а)ж(е)ннѣхъ третѣа и шестѣа пѣс(ни) кан(о)на · а на
 взходѣ · попоб(з) · поєтъ с(а) · треп(ара) · и ко(н)д(акз) · по сем(а) · **С**(ва)тнѣ
 в(о)ж(е) · прск(именз) · **В**ъзвеселитѣ с(а) · стѣх(з) · **О**услыши в(о)ж(е) гл(а)с(ъ) ·
 ап(о)с(то)лз · **Б**рат(ик) · нынѣ ближе намъ с(ъ)п(а)с(е)ннѣ · вѣд(ѣ)а · сѣро-

поустанда · алѣ(оуиѣ) · **Правдѣникъ** · стѣхъ(а) · **Насаженіи въ домоу** · еуд(н)г(елинѣ) · шт(з) · Лоукъ(ы) · глаб(а) · а · **Понеже оубо начаша мнози** · ко(на)ѣ(а) · до явленіи нго къ **Издранію** · кун(аникз) · **Въ пам(атѣ)** · :

Въ тѣз ж(е) д(а)нѣ · беч(е)рз · сътвѣраетѣ ѥ(а) попразда || настѣко рожкет-
воу пр(ѣ)д(з)т(е)чи · и пѣниѣ оубо ѱ(а)лт(ы)рнѣго не быкаетѣ на беч(е)рнии ·
а на **г(оспод)и възвахъ** · оуставлѣнѣ стѣх(о)вѣз · 2 · и поѣтъ ѥ(а) стѣ
х(ѣ)ры · г · пр(ѣ)д(з)т(е)чи · глаб(з) · а · под(обано) · **Званіи** · и инѣ · г · ѥ(ка)
тыѣ Феброніа · глаб(з) · и · под(обано) · **Г(оспод)и аще и на соудир(и)** · на
слаб(а) · и нын(ѣ) · бо(городичано) · прок(именз) · на стѣх(о)вѣнѣ стѣх(ѣ)ра къ
октаиц(ѣ) · и пр(ѣ)д(з)т(е)чи · самоглас(ана) · глаб(з) · в · **Сѣт(ъ) прор(о)ка пр(о)-
рок(ъ)** · на слаб(а) · и нын(ѣ) · бо(городичано) · треп(ара) · **Прор(о)че и пр(ѣ)д(з)-
т(е)че** · :

На оутрѣнии поетѣ ѥ(а) · **в(о)гъ г(оспод)ъ** · глаб(з) · г · треп(ара) · <П>р(о)-
роче и пр(ѣ)д(з)т(е)че · пѣниѣ ѱ(а)лт(ы)рнѣго не быкаетѣ(а) · аще не нед(ѣ)ла
боудет(а) · на поетѣ ѥа кан(о)на дѣва тѣчию · іединз пр(ѣ)д(з)т(е)чи · по дѣва
ірмос(а) · глаб(з) · а · **Поражни Египта** · а дроут(ыи) · ірмос(з) · **Наставльшаго**
дрѣвл(е) · твореніе Індртѣ · и ѥ(ва)тыѣ Феброніа кан(о)нз · и по третии
пѣс(ни) · сѣд(илано) · пр(ѣ)д(з)т(е)чи · и ѥ(ва)тыѣ Феброніа · а по · 2 · пѣс(ни) ·
ко(н)д(акз) · пр(ѣ)д(з)т(е)чи · сѣт(илано) · **П(е)во зѣтѣзда(ми)** · стѣх(ѣ)ра на
стѣх(о)вѣнѣ по **Хвалит(е) г(оспод)а** · въ октаицѣ и пр(ѣ)д(з)т(е)чи · самоглас-
с(ана) · глаб(з) · и · **Исана нынѣ пр(о)рока** · на слаб(а) · и нын(ѣ) · бо(городичано) ·
и реч(е)ныи треп(ара) · и по ектеніи быкаетѣ шт(з)поуцненіе · **Имѣнѣа по-
рознь час(о)мѣ и дѣлоу** · : на **в(о)ж(а)стѣвѣнѣ литурги(и)** · быкаетѣ слоуж(аба)
вѣдѣ пр(ѣ)д(з)т(е)чи · тако же и въ самыи праздан(икз) · :

Нед(ѣ)ла · по празданіцѣ пр(ѣ)д(з)т(е)ча · поетѣ ѥа слоуж(а)ба празда-
ник(а) · съ слоуж(а)воу нед(ѣ)лѣноу · на беч(е)рнии же и на оутрѣнии · обаче
взскрѣсѣнѣ стѣх(ѣ)ра на беч(е)рнии по двѣци покѣ ѥ(а) · а пр(ѣ)д(з)т(е)чи
по іединоу · **в(о)жню словоу хотѣщю** · и тѣже потома дѣва · тако же и на
стѣх(о)вѣнѣ взскрѣсѣ(а)нѣ двѣоци · а пр(ѣ)д(з)т(е)чи самоглас(аноу) · стѣх(ѣ)роу ·
Вѣсна д(ѣ)н(ѣ)сь · іединоу · треп(ара) · пр(ѣ)д(з)т(е)чи · тако же и наоутрѣна
на оутрѣнии · тѣз ж(е) · треп(ара) · поетѣ ѥа съ взскрѣсѣнѣмы · поетѣ же ѥа
и кан(о)нз пр(ѣ)д(з)т(е)чи съ взскрѣсѣ(а)нѣмы кан(о)нз · поетѣ же ѥ(а) · и ·
ко(н)д(акз) · пр(ѣ)д(з)т(е)чи по · 2 · пѣс(ни) · и на **Хвалит(е) г(оспод)а** · и на
стѣх(о)вѣнѣ · стѣх(ѣ)ры пр(ѣ)д(з)т(е)чи · съ взскрѣсѣ(а)нѣмыи поетѣ ѥ(а) · тре-
п(ара) же поетѣ ѥа взскрѣсѣ(а)нѣи и д(а)нѣвнаго же ѥ(а)т(а)го · стѣх(ѣ)ра
и кан(о)нз · не поетѣ ѥ(а) · :

На **в(о)ж(а)стѣвѣнѣ литурги(и)** · поетѣ ѥа оуставленіи ѱ(а)д(з)ми · и ба(а)-
ж(е)нѣна взскрѣсѣ(а)нѣ · и шт(з) канон(а) пр(ѣ)д(з)т(е)че · прок(именз) · и алѣ-
л(оуиѣ) · пр(ѣ)д(з)т(е)чи · ап(о)с(то)ла дѣва · нед(ѣ)лѣныи и пр(ѣ)д(з)т(е)чи · и
еуд(н)г(елиѣ) дѣва · **Ище ли ѥ(ва)т(ы)хъ ап(о)с(то)лз памат(а) при||годитѣ ѥа** ·
или ѥ(ва)гоу безмѣздникоу · поетѣ ѥа и тѣхъ слоуж(а)ба · съ слоуж(а)воу
нед(ѣ)лѣноу · и съ пр(ѣ)д(з)т(е)че · въ тоу ж(е) нед(ѣ)лю · въ ню же попразда-
настѣнѣ рож(а)стѣкоу пр(ѣ)д(з)т(е)чи быкаетѣ · аще постигнетѣ тѣко речено
ѣста въ тоу нед(ѣ)лю · или ѥ(ва)т(ы)хъ ап(о)с(то)лз памат(а) · или ѥ(ва)тоу
безмѣздникъ · прѣже чѣт(е)тѣ ѥ(а) · тѣхъ · еуд(н)г(елинѣ) · а пр(ѣ)д(з)т(е)чи
оставлѣетѣ(а) ѥ(а) · :

М(ѣ)с(а)ца того ж(е) · въ · ки · памат(а) ѥ(ва)тоу м(оу)ч(е)н(и)жоу · **Кюра** ·
Іш(ана) · и прѣдпразданствіе ѥ(ва)т(ы)хъ ап(о)с(то)лз · беч(е)рз на **г(оспод)и**
въз(ъ)вахъ · оуставлѣнѣ стѣх(о)вѣз · 2 · и поетѣ стѣх(ѣ)ры три · глаб(з) · а ·
под(обано) · **Дѣств знаменіе** · и дроут(ы)а три ѥ(ва)т(ы)хъ ап(о)с(то)лз ·
под(обано) · **Ако добла** · на слаб(а) · и нын(ѣ) · бо(городичано) · прок(именз) · на
стѣх(о)вѣнѣ стѣх(ѣ)ра къ октаиц(ѣ) · и ѥ(ва)тыѣма самоглас(ана) и бо(городичано) ·
треп(ара) · глаб(з) · а · :

Прѣмоудрага въселеи҃ги врача · ѡт(ъ) в(о)га примѣша м(н)а(о)сть ·
молита за ны нынѣ въпнюща · г(осподи) с(ъ)н(а)си люди и градъ твои ·
и ѡт(ъ) одържацихъ зѣлъ свободи в(огороди)цею д(оу)ша наши(а) ·
тз ж(е) · и на в(о)г(ъ) г(оспод)ь · и на конц(а) оутран(ни) ·

На оутранни · по пѣнии ѱ(а)лт(ы)рнѣм(а) · поета с(а) сѣд(илано) · в(з) ок-
таиц(ѣ) · и поета с(а) кан(о)на дзѣа · || с(ва)т(ы)хъ ап(о)с(то)лз ѳединз · глас(з)
· а · Помогъшюмоу в(о)г(оу) · и м(оу)ч(ени)кома · глас(з) · г · ѳего же стихове
поета с(а) по двоиц(и) · и по · г · пѣс(ни) · сѣд(илано) · ап(о)с(то)ломз · и ч(оу)-
ч(ени)кома · а по · з · ко(н)д(акз) · м(оу)ч(е)н(и)кома · глас(з) · б · под(обано) ·
познахъ въс(тъ) · свѣт(илано) · **Н(е)во зѣт(здами)** · на стих(о)внѣ по **Хва-**
лите г(оспод)а · стих(ѣ)ра · в(з) октаиц(ѣ) · и самоглас(ана) · с(ва)т(ы)хъ ап(о)-
с(то)лз · и во(городичано) · || Имѣт(а) порозна члс(о)мз и роуч(а)нымз дѣ-
лом(з) ·

И на в(о)ж(а)сѣвнѣи литур(ни) · слоуж(а)вы въселеи҃ци · геноудра · в(з) · а ·

М(ѣ)с(а)ца того ж(е) · в(з) · к · памат(а) с(ва)тою и прѣхваленоу ап(о)-
с(то)лоу · Петра и Паула · в(с)рз поета с(а) · в(а)ж(е)нъ моуж(ь) · а на
г(осподи) въз(ъ)вах(ъ) · оуставленюга стих(о)вз · з · и поета стих(ѣ)ра три ·
по двоиц(и) · глас(з) · б · **Кыми похвалеными** · и инѣ дзѣт · под(обано) · тои ·
на глас(а) · и нын(ѣ) · во(городичано) · по сем(а) · в(з)ход(з) · прк(именз) · пармнѣ
три · а · ѡт(ъ) с(з)борнаго погзлан(и)а · Петр(а) · Брат(и)к · в(а)г(о)с(ловле)нъ
в(о)г(ъ) и о(тъ)ць г(оспод)а нашг(о) · в(з)торнѣ · ѡт(ъ) того ж(е) · погзл(а)-
нит · **Възлюблени прѣпоасавше** · третиа ѡт(ъ) того ж(е) погзл(ани)а ·
Възлюблени молю яко пришльца · на стих(о)внѣ стих(ѣ)роу в(з) октаиц(ѣ)
ѳединою д(а)неваню · по тои с(ва)тою ап(о)с(то)лоу · самоглас(аноу) · || глас(з) · а ·
Аже по градомъ оузы · и инѣ · глас(з) · а · **Трираты въпрошениа** · на
глас(а) · и нын(ѣ) · во(городичано) · поета же с(а) катаквсиа глас(з) · е · пѣкв-
чскы по херономии ·

Каа тѣмница не имѣ тебе оужника · ли каа ц(ъ)р(ъ)кы не имѣ
тебе оучителя · Дамаскѣ вельми моудрствуюкть о тебе Паула · видѣ
во та запынѣша сѣ свѣтѣмъ · Римѣ твою крѣвь примѣ и тѣ хва-
лнть сѣ · нъ и Тарсѣ боле радоукть сѣ и любить чѣта твоѣ полены ·
Петре върннн камени · Паула похвало въселеи҃ги · ѡт(ъ) Рима при-
шдѣша оутвърдита нас(ъ) ·

На оутранни поета с(а) · в(о)г(ъ) г(оспод)ь · трап(ара) · глас(з) · а ·

Иже ап(о)с(то)ломъ прѣпопрѣстолини · и въселеи҃ги оучителе · в(а) ·
д(ы)коу въсѣхъ молитв · миръ градуу ддревати · и д(оу)шамѣ нашимъ
вваню м(н)а(о)сть · тз ж(е) и на конц(а) оутран(ни) · || и по сем(а) пѣниѣ
ѱ(а)лт(ы)раню · та ж(е) сѣд(илано) · с(ва)т(ы)хъ ап(о)с(то)лз · и члч(е)тз сѣ
похвала с(з)ложениа ѡт(ъ) ѳеодора магистра · и подовано с(з)четано · ѡт(ъ)
различныхъ словесз влдоустача · по · г · пѣс(ни) · поета сѣ реченнѣ ката-
квсиа · || **Каа тѣмница** · и члч(е)тз сѣ ѡт(ъ) того ж(е) слов(а) · по шестѣи
пѣс(ни) · ко(н)д(акз) · глас(з) · б · **Твърдыи и в(о)г(а)с(ъ)мыа** · поета же сѣ
кан(о)на дзѣа · ѳединз оубо глас(з) · а · **Нѣсть ти подовнѣ прославлены**
г(осподи) · и друг(ыи) · глас(з) · и · **Посѣченнн нѣстѣкомаг(о)** · того ж(е) · ка-
н(о)на стиси по двоиц(и) поета с(а) · свѣт(илано) · **Н(е)во зѣт(здам(и))** · на **Хва-**
лите г(оспод)а · стих(ѣ)ра три · глас(з) · а · под(обано) · **Зѣвннн съвнш(е)** ·
на глас(а) · и нын(ѣ) · во(городичано) · на стих(о)внѣ стих(ѣ)рѣ дѣт в(з) октаиц(ѣ) ·
д(а)неваннн ѳединз · и м(оу)ч(ени)чннн · и с(ва)т(ы)хъ ап(о)с(то)лз · само(глас)-
с(анз) · глас(з) · г · **Горьнаго Иер(оу)с(а)л(и)ма** · глас(ни)а · на глас(а) · и
нын(ѣ) · во(городичано) · И выбаѣтз порозна отиноуда ·

Б(о)ж(а)сѣвнѣа же литур(ни) · с(з)тваряетз с(а) в(з) цѣрквѣи · и поета
с(а) оуставлении ѱ(а)л(ъ)мн · и г(а)г(о)л(от)а · ѡт(ъ) оубо кан(о)ноу · третию
оубо пѣс(нѣ) · ѡт(ъ) ѳединого кан(о)на · а ѡт(ъ) друг(а)го шест(оу) · на в(з)ход(з) ·

поп(о)вз · сюеть с(а) · треп(ара) · Иже ап(о)с(то)ломз · и ко(н)д(акз) · **Твѣрдыи** · прок(именз) · **Въ** всю земл(ю) · стих(з) · **Н(е)в(е)са** исповѣдают(к) · ап(о)с(то)лз · **Брат(ик)** · о немъ же аще кто · алѣл(оуина) · **Исповѣдаты н(е)в(е)са** · стих(з) · **Б(ог)ъ** прославляни с(а) · еуд(н)г(еини) · ѡт(з) · **Мд(тз)ѳ(тд)** · **Въ** оно в(рѣм)а · въниде **И(соу)съ** въ страны **Кесариа** · кун(аникз) · **Въ** всю землю · ||

М(т)с(а)ца того ж(е) · кз · а · сзтваряеть с(а) сзборз с(ва)тх(з) ап(о)с(то)лз · в(т) · кеч(е)рз · пѣниа **Ѳ(а)лт(ы)рнго** не выкает(а) · на **г(оспод)и** въз(ъ)вах(к) · оуставляют(а) · стих(о)кз · з · и поята стх(т)ра · г · по двоици · глас(з) · а · под(обано) · **Ию** добла · на слав(а) · и нын(т) · во(городичано) · прок(именз) · на стих(о)кнѣ стх(т)ра · вз октаиц(т) · и с(ва)т(ы)х(з) ап(с)с(то)лз · глас(з) · в · **Приди** оубо **д(к)н(к)сь** · на слав(а) · и нын(т) · во(городичано) · треп(ара) · **Иже** ап(о)с(то)ломз · тз ж(е) · и на **в(ог)ъ** **г(оспод)а** · и на ко(н)ц(а) оутр(а)н(ни) · :

На оутр(а)ни пѣниа **Ѳ(а)лт(ы)рнго** не выкает(а) · сюеть же с(а) кан(о)на · дзкз · едина оубо глас(з) · а · **Въ**сюю **ти** **г(оспод)и** (во)ж(е) мои · а друзыни с(ва)тх(з) ап(о)с(то)лз · в(т) · глас(з) · а · **Мора** чьр(м)н(а)г(о) поучни(оу) · по · г · и же пѣ(ни) · с(к)д(илано) · вз октаиц(т) · и с(ва)т(ы)х(з) ап(о)с(то)лз · и чьт(е)тъ с(а) ѡт(з) реченыа похвалы · по · з · пѣ(ни) · конд(акз) · **Твѣрдыи** · с(к)т(илано) · **Н(е)во** звѣзд(ам)и · на стх(о)кнѣ по **Хвалите** **г(оспод)а** · стх(т)ра кз октаиц(т) · и с(ва)т(ы)х(з) ап(о)с(то)лз · глас(з) · з · **Въ**свѣтънъ ап(о)с(то)л(к)с)выи · на слав(а) · и нын(т) · во(городичано) · : И имѣютъ порознь час(о)мз · и рочынымз дѣломз до половины д(а)не · :

На литур(ни) · прок(именз) · глас(з) · а · **Словескъ** **г(оспод)нмъ** **н(е)в(е)са** · стих(з) · **Радуйте** с(а) **правд(ь)ни** · ап(о)с(то)лз · нед(ѣ)ли · г · алѣл(оуина) · глас(з) · и · **Въ** о(т)к(ъ)ць твоихъ мѣсто || **быша** · еуд(н)г(еини) · ѡт(з) · **Мар(зка)** · **Въ** он(о) в(рѣм)а · въниде **И(соу)съ** на **гору** · и призъва · в(т) · и посъла к(ъ) шмо же хоташе · и прѣстоупиъз г(а)г(с)л(е)гъ · и нача к(ъ) сълати · ко(н)ц(а) · ицѣлах(оу) · кун(аникз) · **Въ** всю з(емлю) · :

Служебные Миней средневековья дошли до нас в греческих и древнерусских пергаменных рукописях. Промежуточное звено, древнеболгарские Миней, утрачено. Само существование этого звена является поэтому, строго говоря, не более чем гипотезой. Культуре домонгольской Руси история отвела здесь не такую пассивную роль, как это представлялось автору этой гипотезы И. В. Ягичу [12, с. ХСVII], а древнеболгарская культура не обладала монополией на подготовку славянских Миней, хотя и имела в этом деле, вероятно, немалые достижения, после того как моравская миссия заложила основы славянской гимнографии, без которой совершение славянского богослужения, вменяемое в заслугу первоучителям славян Кириллу и Мефодию, просто невозможно.

При сравнении рукописей древнерусских Миней можно убедиться, что они не бывают тождественными: редакторами добавлялись или исключались целые службы или их части, сдвигались даты, менялось взаимное расположение компонентов службы, редактировался текст. Всегда ли у редактора были под рукой готовые болгарские списки понадобившихся текстов? Если бы организация труда в скрипториях и координация между ними были безукоризненными, то не имели бы места дублирующие переводы многих гимнов. Вряд ли все три перевода канона Мефодию Патарскому, имеющиеся в синодальном комплекте Миней XII в. ГИМ, сделаны в Болгарии [30]. Еще большую множественность перевода можно наблюдать в феотокионах. Один и тот же гимн этого вида может встретиться в Минейх, Триодях, Октоихе до десятка и более раз, и не создается впечатление, что редакторы отыскивали имеющиеся переводы — нет, обычно феотокион переводился тут же заново. Недостающее Киевская Русь могла получить не только из Болгарии, но и из Чехии, как было с текстом служ-

бы св. Виту [31]. Имелись возможности и собственного творчества: в XI в. в Киеве митрополитом Иоанном была написана борисоглебская служба [32], в XII в. безымянный гимнограф Владимиро-Суздальской Руси написал покровскую службу [33]. Эти случаи единичны, но есть и соображения общего характера: Э. Копмидер пришел к выводу, что не болгарское, а оригинальное древнерусское происхождение имеет музыкальная нотация, дошедшая до нас в гимнографических рукописях XI—XIII вв. [34].

Работа с Минеями, Триодями, Октоихом, Ирмологием была для основоположников славянской литературы первым соприкосновением с книжной поэзией, изысканной греческой поэзией. В какой степени может называться поэзией созданный ими древнеславянский перевод — вопрос дискуссионный. Так или иначе, но слова этого перевода стали носителем напева, на этой текстовой основе возникла и развивалась наша певческая культура. Что собой представляла певческая культура Киевской Руси — станет ясно после того, как будет расшифрована музыкальная нотация этой эпохи. Судя по тому, что музыкальное искусство входило как один из компонентов в художественный ансамбль древнерусского храма, совершенного даже по технической акустике, судя по впечатлению от позднейших, уже реконструированных образцов — это было, по крайней мере в зародыше, великое искусство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мурьянов М. Ф.* Время (понятие и слово).— Вопросы языкознания, 1978, № 2, с. 60.
2. *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973, с. 24.
3. *Großmünd V.* Die Darstellung der eucharistischen Realpräsenz Christi in der byzantinisch — slawischen Hagiographie und Ikonographie. — In: Eikon und Logos, Bd. 2. Halle, 1981, S. 299—321.
4. *Stöhr M.* Der Hymnos der Ostkirche. — In: Die Musik in Geschichte und Gegenwart, Bd. 6. Kassel—Basel, 1957, S. 988—993.
5. Шелестківський словник, т. 2. Київ, 1978, с. 358.
6. Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. I. М., 1973, с. 297.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967, с. 624.
8. *Фасмер М.* Греко-славянские этюды, III. СПб., 1909, с. 17.
9. *Погорелов В.* Формы греческих слов в кирилло-мефодиевском переводе Евангелия. — *Vuzantinoslavica*, t. 2. Praha, 1930, с. 16—17, 23.
10. *Чернышева М. И.* К характеристике славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. — Византийский временник, т. 44. М., 1983, с. 221—226.
11. Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна ексарха Болгарского. — ЧОИДР, 1877, кп. 4. М., 1878, с. 393 (по рукописи ГИМ, Син. 108, конца XI — начала XII в.).
12. Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. Труд орд. акад. И. В. Ягича. СПб., 1886.
13. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque, t. 3. Paris, 1974, p. 696.
14. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 9. М., 1982, с. 163.
15. *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел 3, ч. 1. М., 1869, с. 248.
16. *Ищенко Д. С.* Устав Студийский по списку XII в. — В сб.: Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 110.
17. Архиепископ Сергий. Полный месяцеслов Востока, т. 1. Владимир, 1901, с. 204.
18. *Pieper J.* Über das Phänomen des Festes. Köln — Opladen, 1963.
19. *Klauser Th.* Fest. — In: Reallexikon für Antike und Christentum, 53. Lfg. Stuttgart, 1968, S. 747.
20. *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978, с. 98, 104.
21. Известия АН по ОРЯС, т. X, вып. 11. СПб., 1861, с. 133—135.
22. *Kurz J.* Evangeliaf Assemanov. Praha, 1955, p. 306—312.
23. *Гранстрем Е. Э.* Греческие параллели к гимнографическим текстам Минеи Дубровского. — В сб.: Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971, с. 24—43.
24. *Мурьянов М. Ф.* О Минее Дубровского. — Вопросы языкознания, 1981, № 1, с. 121—141.

25. Гольшценко В. С., Дежмянов В. Г., Котков С. И. Об одном «освещении» памятников древнерусского языка.— Вопросы языкознания, 1982, № 4.
26. Мурьянов М. Ф. Еще раз о Минее Дубровского.— Вопросы языкознания, 1982, № 5, с. 90—94.
27. Frazee C. St. Theodore of Studios and Ninth Century Monasticism in Constantinople.— *Studia Monastica*, t. 23. Barcelona, 1981.
28. Мурьянов М. Ф. Фрагмент культурной истории древних славян.— Советское славяноведение, 1983, № 1, с. 57—67.
29. Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959.
30. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел 3, ч. 2. М., 1917, с. 53—54.
31. Мурьянов М. Ф. Старославянские метаморфозы западного агнологического сюжета.— В сб.: Духовная культура славянских народов. Литература, фольклор, история. Л., 1983, с. 74—87.
32. Мурьянов М. Ф. Из наблюдений над структурой служебных Миней.— В сб.: Проблемы структурной лингвистики 1979. М., 1981, с. 263—278.
33. Воронин Н. Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в.— Византийский временник, т. 26. М., 1965, с. 208—218.
34. Anfänge der slavischen Musik. Bratislava, 1966.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОГО СЛАВЯНСКОГО НАЗВАНИЯ ПОСТРОЙКИ

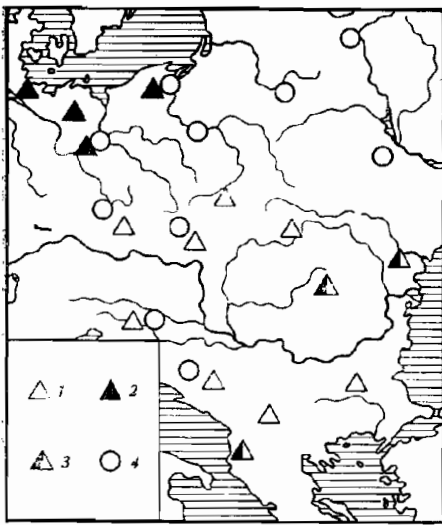
В славянских языках довольно широкое отражение получила лексема *koľuba (с вариантами *kolěba/**koliba*), обозначающая некоторые типы строений и представленная следующими основными формами: болг. *колиба* 'шалаш, лачуга, хижина' (в банатском говоре — *кульба* 'домик из легкого материала; легкая деревянная постройка, служащая жилищем овчара' [1, с. 149]); макед. *колиба* 'шалаш, хибарка'; с.-хорв. *koliba*, *koleba* 'хижина, шалаш, лачуга' (в топонимии также *Kolibe*, *Koliba*) [2, с. 189]; словен. *koliba* 'хибарка, хижина'; чеш. диал. морав. *koliba* 'шалаш'; слвц. диал. *koliba* 'шалаш, примитивный деревянный дом, хижина, будка'; польск. диал. *koliba*, *koleba* 'пастушеское укрытие, сарай, шалаш, досчатый навес'; укр. диал. *колиба* 'шалаш, навес'. В близких значениях то же слово находим и в неславянских языках карпато-балканского ареала, куда оно, по всей видимости, попало от славян, ср., например, алб. *kolibe* 'укрытие, хижина, старая будка' (см. карту 1).

Опыты этимологического истолкования этого слова были до настоящего времени немногочисленны, и первый по времени принадлежит Ф. Миклошичу, у которого читаем: «тур. *koliba* из греч. *καλύβη*: турки — распространители греч. слова» [3, №. 125]; далее Миклошич перечисляет славянские формы, из которых одни продолжают *koľuba, а другие — *xalupa. В этой лаконичной заметке уже заложены те опорные пункты, на которых строятся более поздние этимологии: наличие связи с греч. *καλύβη*, попытка объяснения некоторой нерегулярности в его славянской передаче (у Миклошича — допущение турецкого посредства), предположение генетического единства *koľuba и *xalupa.

Вновь обратились к слав. *koľuba два этимолога, Л. А. Гиндин и О. Н. Трубочев. Здесь необходимо вкратце изложить их точки зрения, различные в решении многих частных вопросов, но безусловно сходные в общей диахронической трактовке фактов лингвистической географии.

Согласно О. Н. Трубочеву [4, с. 16—17; с. 163—164], слав. *koľuba представляет собою заимствование из дославянского балкано-индоевропейского языка (возможно, иллирийского), где существовала форма *kalūbā. Та же форма независимо и, быть может, в другое время была заимствована и греческим, где имеется *καλύβη* 'хижина, шалаш, шатер', причем этимологическая связь последнего с греч. *καλύπτω* 'покрывать' отрицается по историко-фонетическим соображениям, ср., однако, авторитетное мнение П. Шантрена, не сомневающегося в этой связи. [6, р. 488]. К тому же балканскому *kalūbā восходит, по О. Н. Трубочеву, и слав. *xalupa, но «через посредство языка с передвиганием согласных германского типа» [4, с. 16]. Именно на основе генетического отождествления *xalupa и *koľuba (которое, однако, вызывает некоторые сомнения) в последнем и реконструируется *у, отчасти поддерживаемое также приведенной выше

1 — аппеллатив *kolyba; 2 — *kolyba в неславянских языках карпато-балканского региона; 3 — *kolyba в топонимике Северо-Западной Славии; 4 — аппеллатив *xalupa.

с тем, что витацизм в греческом датируется II в. н. э. и что, следовательно, приходится соответствующим образом датировать и греческое заимствование в славянский, либо предполагать посредничество какого-то балканского языка (например, дакийского). Последнее предположение, высказанное и в [8], имеет очевидные слабости как любой конструкт, не основанный на реально засвидетельствованном материале, и сам Л. А. Гиндин отказался от этой точки зрения в пользу первой, предполагающей очень раннее непосредственное заимствование из греческого в славянский [9, с. 27]. Однако и эта гипотеза вызывает самые серьезные возражения, на этот раз — ввиду проблематичного историко-культурного контекста столь раннего греческого элемента в славянском. Аналогия со слав. *kogaŋь из ср.-греч. *καράγιον* мало поможет делу как потому, что греческое происхождение этого слова в последнее время оспаривается ([10, с. 259 с библи.]), так и по той причине, что, принимая греческую этимологию слав. *kogaŋь, приходится в качестве наиболее вероятного ареала, где это слово было передано славянам, избирать Северное Причерноморье, что хорошо согласуется с наличием рефлексов *kogaŋь в восточнославянском. Заметим, кстати, что витацизм — не единственное препятствие, возникающее при обосновании этой этимологии; трудности вызывает и передача с помощью слав. *o долгой $\bar{o}$ первого слога. Однако старых континуантов слав. *kolyba в восточнославянском нет, ибо вторичный характер укр. диал. *колиба* достаточно ясен.

Другая историко-фонетическая проблема — вопрос о передаче греч. -y- в славянском. Л. А. Гиндин прав, указывая, что правильной передачей было бы только *i, но данные, в частности южнославянские, вовсе не свидетельствуют в пользу реконструкции *koliba; скорее они говорят о нескольких вариантах, возникновение которых с большей вероятностью может быть связано с *у, подкрепляемым к тому же одной из двух возможных трактовок банат. *колиба*.

За пределами собственно историко-фонетической проблематики также возникает ряд спорных вопросов, относящихся к области семасиологии и реалий. Так, отмечаемое Л. А. Гиндиным [9, с. 30] совпадение греч. διπλή διαφράγματι καλύβη 'на две разделенная перегородкой хижина' и одного из типов карпатской постройки, именуемой *kolyba — двух частного пастушеского жилища, — представляется скорее случайностью, чем «эффектом совмещения результатов проспективного и ретроспективного анализа» [9, с. 30], поскольку этнографические источники

болгарской диалектной банатской формой кулыба с -ы-, хотя банат. -ы- в равной мере может отражать и *у, и *i аналогично -и- других болгарских диалектов, см. [7, с. 134]. Идентифицируя генетически *koluba и *xalupa, О. Н. Трубачев исходит из того, что частично перекрывающиеся друг друга ареалы распространения этих слов — явление вторичное, так как в качестве исходной зоны бытования лексемы *koluba принимается исключительно южнославянская область, в то время как диалектные западнославянские факты и укр. *колиба* «представляют собой поздние заимствования, связанные с горным пастушеством» [4, с. 16] (курсив наш. — В. О.)

В отличие от О. Н. Трубачева Л. А. Гиндин [8, с. 9—11; 9, с. 26—30] принимает объяснение *kolyba из греч. *καλύβη*, что сразу ставит перед нами два серьезных историко-фонетических вопроса. Один из них связан

знают и одночастные, и трехчастные разновидности этой категории построек, в то время как сколько-нибудь надежные аргументы в пользу того, что двухчастная постройка — древнейший из известных типов, отсутствуют.

Как и О. Н. Трубачев, Л. А. Гиндин считает, что лексема *koľuba была первоначально известна только южнославянским языкам. «Распространение в балкано-карпатском ареале слово получает через восточно-романское посредство, в результате так называемой валашской колонизации (начиная с XII—XIII вв.). Оно проникает в украинские, словацкие, польские, чешские (моравские) говоры» [8, с. 10] (курсив наш.— В. О.).

Таким образом, О. Н. Трубачев и Л. А. Гиндин, по-разному представляя себе источник слав. *koľuba, согласны в том, что касается истории этого слова на славянской почве и одинаково интерпретируют его лингвогеографию в духе распространения лексемы с юга на север, связанного с валашской пастушеской колонизацией. Естественно, что в соответствии с этим и источники слова ищутся на юге, на Балканах. Нам представляется, однако, что ареал распространения слав. *koľuba был иным, что вступает в существенное противоречие с изложенными выше этимологиями.

Прежде всего, лексема *koľuba известна в западнославянском ареале отнюдь не только тем говорам, которые можно было бы отнести к карпатским; как на пример можно сослаться на материал словацкого языка, рассмотренный в самое недавнее время Е. Н. Овчинниковой, согласно которой в словацких говорах «эта лексема представлена широко, почти повсеместно: это прежде всего весь север, а также восток и центральная часть Словакии (область Западных и Восточных Бескид, Высоких Татр) и примыкающие к ним с юга районы» [11, с. 159 с библи.] Западнословацкие говоры хотя и в меньшей степени, но также знают это слово, в частности, в качестве топонима [11, с. 159, прим. 14]. Разумеется, можно объяснить появление слова *koliba* в словацких говорах за пределами карпатского ареала, сославшись на междialeктные влияния, однако ясно, что описанная картина допускает и совершенно иную интерпретацию, причем вступает в противоречие с утверждением о самостоятельности ареалов *koľuba и *xalupa [5, с. 163—164 и карта].

Большее значение мы придаем группе топонимических свидетельств, показывающих, что лексема *koľuba некогда была распространена в западнославянской области значительно севернее и западнее, нежели в настоящее время. Сюда относятся прежде всего кашубские МН *Kolibka*, *Kolibki*, в немецкой передаче — *Koliebken*, а также кашубское (в немецкой передаче) МН *Kolebik*. К ним примыкают старые передачи *Colebik* *trans Albiam* (1161/1163 г.) и *Colibick* (Бранденбург, 1173 г.). Указанные выше топонимы с документацией см. [12, S. 73]. Далее следует упомянуть РН *Kalibe* (Гольштейн, 1350 г.) и, со значительно меньшей уверенностью, *Calubye* (Мекленбург, 1170 г.), *Calube* (Мекленбург, 1244 г.), см. [13, S. 71, 73]. Поскольку аналогичные формы отсутствуют в лужицком ареале, можно с достаточной определенностью говорить о том, что перед нами — кашубские и древнеполабские отражения слав. *koľuba с присущими последнему вариантами вариантизма гласного второго слога (*kolēba/*koliba), см. в общем ту же точку зрения уже в [12, S. 73]. Из чисто типологических соображений ясно, что формирование топонимов на основе апеллатива, обозначающего тот или иной тип жилья, значительно более вероятно, чем, допустим, на основе названия колыбели (слав. *koľubka). С другой стороны, не кажется слишком убедительным высказанное нам устно О. Н. Трубачевым предположение, что здесь мотивация топонимов связана с характером рельефа, зыбкой почвы, поскольку среди перечисленных выше имен собственных есть названия довольно крупных населенных пунктов, отнюдь не стоящих на болотах или песках, тем более, что та же топонимическая основа встречается и южнее, ср. слов. *Pod Kolibu*, серб. *Колиба*, *Колибиште* и под.

Приведенный выше материал, если, конечно, не отрицать огульно значение топонимики при решении подобных вопросов и признавать верным предлагаемое здесь объяснение, относящийся к крайней северо-западной части западнославянской языковой области, не мог, со всей оче-

видностью, быть результатом валашской колонизации как по географическим, так и по хронологическим причинам. Более того, этот материал, на наш взгляд, снимает и вопрос о вторичности лексемы *kolyba в западнославянской языковой области в целом. Требуют пересмотра и теории о продвижении этого слова с юга на север, и мнение о раздельности ареалов *xalupa и *kolyba, а следовательно, и сама этимология последнего, которая — в том виде, как она излагалась выше — приемлема теперь только при нереалистичной проекции акта заимствования в много более глубокие хронологические пласты. Таким образом, необходимо, по меньшей мере, отказаться от выведения слав. *kolyba из древнебалканского *kalūbā или греч. κἀλύβη. Последнее же (или его новогреческий рефлекс), кстати, заимствовалось в балканские языки с нормальной передачей -β- > -v- и -v- > -i-, см. [8, с. 16 с библи.].

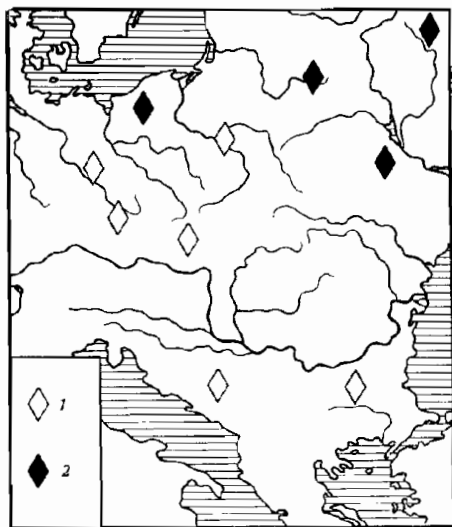
Выше мы рассмотрели так сказать негативную часть избранной нами темы, стремясь на основе распространения слав. *kolyba показать, что это слово вряд ли могло иметь балканский (греческий или негреческий) источник. Вопрос о происхождении слова тем самым остается нерешенным, что и побуждает нас выдвинуть здесь альтернативную этимологию слав. *kolyba, сразу же подчеркнув ее несомненную гипотетичность.

Совокупность континуантов слав. *kolyba образует своеобразный ареал, охватывающий северную и южную периферии западнославянских языков и все южнославянские языки и не затрагивающий ни лужицкой, ни польской части западнославянской зоны, не говоря уже о восточнославянских языках. Такое распределение наводит на мысль о том, что данная лексема может быть объяснена не как заимствование, а как собственное образование на славянской почве, сохранившееся на славянской периферии в широком смысле слова, возможно, с более поздней экспансией в южную часть южнославянской языковой области.

В связи с этим, возможно, не лишено интереса рассмотрение слав. *kolyba с вариантами *kolēba, *koliba как производного от *kolybati, *kolēbati (отражения последних в славянских языках см. [5, с. 129, 164]). Сколь наглядно внешнее сходство *kolyba и *kolybati, столь же очевидны и встающие в данном случае перед этимологом проблемы семасиологического характера, обусловленные не только самой сущностью языковых значений *kolybati, *kolēbati, но и однообразием этих значений — 'колебать, качать, шатать', что, конечно, особенно затрудняет любые попытки более глубокой семантической реконструкции. Здесь мы попытаемся лишь в общих чертах наметить возможные пути семантической мотивации *kolybati → *kolyba.

Типология названия жилища, гесп. постройки, в славянских и других индоевропейских языках обнаруживает значительное разнообразие семантических переходов, описание которых выходит за пределы нашей узкой задачи. Среди них, однако, выделяется один тип номинации, который, возможно, имеет непосредственное отношение к предлагаемой этимологии слав. *kolyba и охватывает случаи, когда постройка именуется с помощью производного от глагола, означающего *н а к л о н н о е д в и ж е н и е*, т. е. основной семантической компонент, участвующий в толковании глаголов типа *колебать, качать*. Ближайшим примером может служить и.е. *kleit-/ *kloit- (гот. hleipra 'палатка, шатер', др.-ирл. cliath 'решетка, плетенка', слав. *klētъ, ср. в особенности с.-хорв. клѣт 'шалаш, сарай', словен. диал. kljeta, 'хижина', польск. kleś 'хижина, шалаш', рус. диал. клетъ 'сарай' и под.; сюда же может быть отнесено и греч. κλιῆτος 'склон'). Эта индоевропейская форма образована от глагольного корня *klei- 'наклонять, прислонять' [5, с. 26—27], причем производные последнего в различных индоевропейских языках обнаруживают и латентное значение колебать, ср. хотя бы греч. κλιματίας 'землетрясение', ἀκλιτύης 'неколебимый'. То же значение, вероятно, скрыто и в таких производных, как рус. диал. арх. клетец 'домашний жернов', при рус. диал. костр. камы 'жернова на маслобойне', связанном с глагольной группой *katati, *katjati.

Со сказанным выше о слав. *klěť непосредственно связан еще один аспект возможной семантической мотивации слав. *kolyba. Дело в том, что ответ на вопрос, почему название постройки *klěť обусловлено глаголом со значением 'наклонять', *'колебать', вовсе не столь очевиден, как это может показаться на первый взгляд. Не случайно уже то, что, обосновывая эту этимологию, О. Н. Трубочев хотя и говорит о первоначальном значении 'пристройка, прислоненная к основному строению', отмечает, что доминирующим для этого слова является «признак легкости конструкции» [5, с. 27]. Еще ярче этот признак представлен у слав. *kolyba, обозначающего, как общее правило, легкую, зыбкую, временную или переносную постройку, имеющую сугубо второстепенное значение, на-

1 — *kolěbъka; 2 — *kolybъka.

пример, временное жилище на горном пастбище, навес, под которым спит пастух, шалаш полевого сторожа, собачью будку, разнообразные виды переносных или снабженных колесами временок и т. п., ср. укр. диал. *колиба* 'наклонный навес', 'возок на полозьях', слов. *koliba* 'домик на двух колесах для пастухов', болг. *колиба* 'покатый навес', 'переносное ложе пастуха', 'домик пастуха на полозьях или четырех колесах' [15, с. 207]. Этот ведущий признак легкости, непрочности конструкции, несомненно, обусловлен тем назначением и технологией строительства, которыми характеризуется *kolyba особенно в тех случаях, когда эта постройка представляет собой систему шестов с покрытием, прислоненных к естественному выступу рельефа, и обладает максимальной простотой в транспортировке и минимальной прочностью и устойчивостью на месте.

Дополнительный аргумент в пользу предлагаемой здесь этимологии заключается в том, что, принимая ее, удастся заполнить одну существенную лакуну словообразовательного характера. Безусловным производным *kolybatī, *kolěbatī признается существительное *kolybъka, *kolěbъka, основное значение которого — 'колыбель, люлька' (см. карту 2). Это существительное естественно рассматривать не как прямое производное от соответствующего глагола, но как деминутив на -ъka от основного, первичного деривата — *kolyba, *kolěba. Такое предположение было бы приемлемо при том условии, что удалось бы показать существование *kolybъka, *kolěbъka в иных значениях и, в той или иной мере продемонстрировать вторичность значения 'колыбель'. В сущности, мы уже оперировали формами *kolybъka, *kolěbъka как производными от *kolyba, *kolěba, когда обращались к полабскому и кашубскому материалам, где в топонимике, строго говоря, сохранились именно деминутивные образования. Более существенно, однако, то, что некоторые континуанты *kolybъka, *kolěbъka действительно сохранили значения, отличные от значения 'колыбель' и, на наш взгляд, невыводимые из него. С другой стороны, эти значения ограничены польским материалом, т. е. присущи как раз той области, где слово *kolyba как название постройки почти не сохранилось. Речь идет о ст.-польск. *kolębka* 'переносная постель', польск. *kolębka* 'носилки'; кроме того, начиная с XII в. *kolębka* обозначает особый вид экипажа, кузов которого был особым образом подвешен на ремнях [14, с. 954]. Ясно, насколько значения типа 'носилки' приближают эти формы к названию временного, переносного жилища, воплощенному в *kolyba, *kolěba, вплоть до полного их совпадения, ср., например, слов. диал. *kolibka* 'переносное ложе пастуха на ножках',

podkolibka 'будка на ножках и с ручками наподобие носилок' и т. п. [11 с. 160], ю.-польск. kolibka 'переносное ложе' [15, с. 209].

Особый вопрос — как на базе значений 'переносное, временное жилье', 'переносное, временное ложе' могло сформироваться название колыбели. По-видимому, семантическое развитие здесь не было столь прямолинейным, как на то указывают приведенные пока факты, и словом *kolyubka, *kolëbka обозначалась не любая колыбель, но только один ее конструктивный тип, отличный от люльки, подвешенной под потолком. В этом плане характерна, например, экспликация польск. kolebka 'детская кроватка на полозьях', kołyska — то же (последнее также в характерном переносном значении — 'деревянная конструкция под дном судна, предназначенная для его спуска на воду' [14, с. 954, 968]). Таким образом, весьма вероятно, что термином *kolyubka, *kolëbka исходно обозначался только особый вид колыбели, своим внешним обликом имитирующий то, что именовалось словом *kolyba, *kolëba, т. е. переносное или — шире — легко транспортируемое сооружение для жилья или сна. Из семантических параллелей назовем хотя бы совр. англ. cradle 'легкая детская кроватка, колыбель', которому в среднеанглийском соответствовало cradol, имевшее значение 'конструкция из досок, веревок и т.п.' (XIV в.) [16, s.v.]. Другую параллель этого рода можно, вероятно, усмотреть в алб. katund, обозначающем различные типы построек или их частей ('погреб' и под.) и, вторично, служащем названием поселения. Ранее мы принимали попытку объяснить это слово как древний иранизм [17]; возможна, однако, и иная точка зрения, поскольку katund прозрачным образом соотносится с глаголом tund 'качать, двигать, колебать', при весьма показательных в свете сказанного выше производных përkund, lëkund (<*për-katund, *lëkatund) 'качать (колыбель), укачивать (младенца)'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стойков Ст. Лексиката на банатски говор. София, 1968.
2. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. V. Zagreb, 1898—1903.
3. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
4. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8. М., 1981.
5. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 10. М., 1983.
6. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 1. Paris, 1968.
7. Стойков Ст. Българска диалектология. 2 изд. София, 1968.
8. Бернштейн С. Б., Гиндин Л. А., Клепикова Г. П. «Общекарпатский диалектологический атлас» и некоторые проблемы южнославянского этногенеза. — В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, с. 3—17.
9. Гиндин Л. А., Калужская И. А. О применении проспективного и ретроспективного анализа в исследовании лексики карпато-балканского региона. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Язык в этно-культурном аспекте. М., 1984, с. 25—38.
10. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. — В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, с. 231—270.
11. Овчинникова Е. Н. К вопросу о семантической эволюции лексемы в словацком языке. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, с. 157—163.
12. Trautmann R. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Teil II. Berlin, 1949.
13. Trautmann R. Die slavischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins. Berlin, 1950.
14. Słownik języka polskiego. T. 1. A — K. Warszawa, 1978.
15. Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974.
16. The Oxford Dictionary of English Etymology. Ed. С. Т. Onions et al. Oxford, 1978.
17. Ореа В. Э. Состав и характеристика субстратного аппеллативного фонда балканских языков. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1981.

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ДЬЯКОВ В. А.

ИТОГИ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ (1945—1984)

Тщательное изучение и всесторонняя оценка тех результатов, которых советские ученые добились в изучении истории южных и западных славян, является важным фактором для дальнейших успехов в повышении теоретического уровня исследований, улучшении подготовки научных кадров, совершенствовании вузовского и школьного преподавания соответствующих дисциплин. За последние десятилетия в СССР появилось довольно много работ, освещающих развитие исторической части отечественной славистики на протяжении последних сорока лет [1]. Однако, имеющиеся работы либо охватывают не весь этот период, весьма плодотворный для советского славяноведения, либо ограничиваются более или менее узкими тематическими, хронологическими или территориальными рамками.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть развитие в этот период исторической части советского славяноведения как на весьма многообразный во внешних проявлениях, но внутренне единый процесс. Естественно, что при столь широкой постановке вопроса речь может идти только об основных тенденциях процесса в целом, о самых важных итогах научной и преподавательской деятельности советских историков-славистов.

Дореволюционное славяноведение (в том числе его историческая часть) располагали довольно многочисленными и квалифицированными кадрами на университетских кафедрах и в академических учреждениях. В первые годы Советской власти начали закладываться основы советской славистики как в академических рамках, так и в системе высшего образования [2, с. 78—92]. Представители дореволюционного поколения специалистов, постепенно осваивавшие марксистскую методологию, вели научную и преподавательскую деятельность в Московском, Ленинградском и немногих других университетах, работая на кафедрах всеобщей или отечественной истории, иногда — на филологических кафедрах [3]. С 1931 по 1934 г. в Ленинграде существовал возглавлявшийся Н. С. Державиным Институт славяноведения, в планы которого, наряду с филологической тематикой, широко включалось изучение истории южных и западных славян [4, с. 91—103]. В 1939 г. почти одновременно были созданы сектор славяноведения в Институте истории АН СССР и кафедра западных и южных славян в МГУ, причем оба эти славистических центра возглавил В. И. Пичета [5 с. 16 и др.].

На протяжении 20-х и 30-х годов в советском славяноведении созрели объективные условия для важных изменений как научного, так и организационного характера. В годы Великой Отечественной войны существовали трудности в материальном обеспечении. Что же касается идейно-политических факторов, стимулировавших развитие славистики, то они значительно усилились в ходе совместной борьбы славянских народов против

гитлеровского фашизма, под воздействием неуклонно расширявшегося политического, экономического и культурного сотрудничества между ними.

В послевоенный период сложились организационные центры исторической части советской славистики. Важнейшим из них стал созданный в 1947 г. Институт славяноведения, преобразованный в 1969 г. в Институт славяноведения и балканистики АН СССР; его возглавляли: в 1947—1951 гг. — Б. Д. Греков, затем — П. Н. Третьяков до 1958 г., И. И. Удальцов до 1962 г., И. А. Хренов до 1969 г., с 1969 г. директором Института является Д. Ф. Марков. Были созданы: кафедра истории южных и западных славян МГУ, возглавлявшаяся В. И. Пичетой в 1939—1946 гг., С. А. Пикитиным в 1947—1961 гг., И. А. Воронковым в 1961—1973 гг., с 1973 г. кафедрой заведует В. Г. Карасев [6]; Отдел истории международных отношений социалистических стран Института истории АН УССР (заведующая И. Н. Мельникова); кафедра истории южных и западных славян Львовского университета (заведующие М. М. Курдуба в 1944—1946 гг.; Д. Л. Похилевич в 1946—1973 гг., В. П. Чорний в 1973—1983 гг., Н. Г. Крикун с 1983 г.); кафедра истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского университета (заведующие А. Е. Москаленко в 1968—1973 гг., В. М. Тупикин в 1973—1984 гг.; В. В. Захаров с 1984 г.); кафедра социалистических стран, южных и западных славян Киевского университета (заведующие К. Е. Джеджула, с 1983 г. А. Ф. Кизченко). Существенную роль играла также деятельность исторических кафедр в Белорусском, Ленинградском, Саратовском и Харьковском университетах, которые уделяли большое внимание славяноведческой проблематике.

На указанной организационной базе, во взаимодействии названных центров с некоторыми другими академическими учреждениями и высшими учебными заведениями, широко развернулось дальнейшее изучение истории южных и западных славян, подготовка высококвалифицированных научных кадров для исследовательской и преподавательской работы. Огромное значение для подъема советского славяноведения имело научное творчество таких его корифеев, как Б. Д. Греков (1882—1953), Н. С. Державин (1877—1953), В. И. Пичета (1878—1947), М. Н. Тихомиров (1893—1965).

Историей зарубежных славян занималось и занимается в общей сложности около 500 советских ученых. По данным на 1978 г., обработанным Г. И. Чернявским для справочника «Историки-слависты», работало на различных должностях 399 историков-славистов, причем 28% из них имело ученую степень доктора, а около 47% — кандидата наук. В 1946—1947 гг. было защищено 2 докторских и 5 кандидатских диссертаций. На протяжении 1948 г. получили кандидатскую степень 11 человек; в последующие 8 лет ежегодно — не менее 15, а всего с 1948 по 1956 г. было защищено 134 кандидатские диссертации. Докторские диссертации в первое время были редкостью (11 на протяжении 1946—1960 гг., т. е. в среднем менее одной в год). С 1961 по 1979 г. была защищена уже 101 докторская диссертация (в среднем это составляет более 5 в год); а в 1965 г. стали докторами исторических наук 12 человек. Специалисты по республикам в 1978 г. распределялись следующим образом: РСФСР — 235 человек, Украина — 124, Белоруссия — 26, Молдавия — 6, Узбекистан — 5, Армения — 4, Казахстан — 3. В 1978 г. более половины историков-славистов было сосредоточено в 5 крупных городах: 159 из них работало в Москве, 34 — в Киеве, 25 — во Львове, по 22 человека — в Ленинграде и Минске. Славистические исследования в Советском Союзе велись и ведутся более чем в 60 городах.

В научно-исследовательской деятельности историков-славистов главным является специализированное учреждение Академии наук СССР — Институт славяноведения и балканистики. Он имеет комплексный характер, охватывая, в частности, изучение истории и культуры зарубежных славян, их языков и литератур. Историей славянских народов занимается примерно половина работающих в Институте славистов. На 31 декабря 1984 г. в Институте работало 139 историков-славистов, в том числе 1 чл.-

корр. АН СССР, 30 докторов и 67 кандидатов наук. Среди них — многие ведущие советские специалисты по истории Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии, по общеславянским вопросам и межславянским историческим связям [7; 8].

В системе высшей школы ведущее место занимает кафедра истории южных и западных славян МГУ. Объединяя высококвалифицированных славистов, она внесла немалый научный вклад в историческую часть славяноведения. Значительны ее заслуги в подготовке научно-преподавательских кадров и совершенствовании методики вузовского преподавания, в создании учебных пособий для студентов: работники кафедры в сотрудничестве с другими специалистами подготовили два издания вузовского учебника и курс лекций по истории южных и западных славян [6, с. 199—208]. Такие же задачи решались и решаются историками-славистами, работающими в ряде вузов РСФСР, УССР, БССР и других союзных республик. Особо следует отметить работу украинских славистов, подготовивших учебник по истории южных и западных славян.

Послевоенные десятилетия ознаменовались значительным расширением издательских возможностей для исторической части славяноведения. Наряду с общеисторическими журналами («Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «История СССР», «Украинский исторический журнал» и т. д.) историки-слависты получили возможность публиковать свои работы в специализированных изданиях славяноведческого профиля. В их числе назовем прежде всего издания Института славяноведения — «Ученые записки» (отв. ред.: Б. Д. Греков, П. Н. Третьяков, И. А. Хренков) и «Краткие сообщения» (отв. ред.: В. А. Смирнова, П. Н. Третьяков, И. А. Хренков, В. Д. Королюк). Первое из них начало выходить в 1948 г., второе — в 1951 г., причем вышло 30 томов «Ученых записок» и 43 выпуска «Кратких сообщений» [9]. С 1965 г. при Институте славяноведения и балканистики создан журнал «Советское славяноведение», выходящий 6 раз в год (главный ред. И. И. Костюшко). Примерно половину объема этих комплексных изданий занимают материалы, посвященные исторической и историко-культурной проблематике. Комплексный характер имеет и выпускаемый Львовским университетом межведомственный республиканский сборник с периодичностью два раза в год, который в 1970—1975 гг. назывался «Українське слов'язнознавство», а с 1976 г. получил наименование «Проблеми слов'язнознавства» (отв. ред. Д. Л. Похилевич, В. П. Чорний, В. П. Чугаев). Исключительно историческую специализацию имеют два серийные издания — московский «Славянский архив» и воронежские «Вопросы истории славян». Первый выпуск сборника Института славяноведения «Славянский архив» (отв. ред. С. А. Никитин) увидел свет в 1958 г., последний — в 1963 г.; всего вышло пять выпусков [8, с. 46, 49, 52, 62, 63]; фактическим продолжением «Славянского архива» был вышедший в 1965 г. сборник «Славянское источниковедение», в котором опубликован указатель рецензий, отзывов и заметок о «Славянском архиве» [10, с. 321]. Специалисты не раз выражали вполне обоснованное сожаление по поводу прекращения столь нужного для них источниковедческого и публикаторского издания. «Вопросы истории славян» — это серийное издание кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского университета (отв. ред. А. Е. Москаленко, Н. П. Мананчикова); первый выпуск его вышел в 1963 г., последний — 7-й по счету — в 1982 г. [11].

Быстрыми темпами росло также число книг по истории южных и западных славян, особенно изданий общесоюзной, украинской, белорусской академий наук, а также университетов, прежде всего, Московского. В последние два-три десятилетия только Институт славяноведения и балканистики АН СССР выпускал ежегодно коллективные труды, индивидуальные исследования, документальные публикации, посвященные истории зарубежных славян и межславянским связям общим объемом не менее 200 печатных листов. В целом по стране ежегодно выходили многие десятки книг и многие сотни статей по этой проблематике. За 1978—1982 гг. появилось примерно 4300 печатных работ, содержание которых полностью

или частично посвящено исторической проблематике [12]. Это значит, что исторический раздел славяноведческой библиографии увеличивался ежегодно более чем на 800 позиций, что примерно в 10—15 раз превышает довоенные объемы.

Существенной чертой советского славяноведения в рассматриваемый период стало появление координационного механизма, который, опираясь на охарактеризованную выше кадровую, организационную и издательскую базу, мог гораздо более целенаправленно использовать имеющиеся силы и средства. С момента своего возникновения общесоюзная координация в области славяноведения развивалась по двум взаимосвязанным направлениям — академическому и миввузовскому.

Академия наук СССР вместе с республиканскими академиями, главным образом украинской и белорусской, координировали усилия специалистов в рамках всего славистического комплекса, т. е. не только истории, но и других славяноведческих дисциплин. Координационными органами являлись: во-первых, Институт славяноведения и балканистики; во-вторых, возглавлявшийся акад. Б. А. Рыбаковым Научный совет по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения, который после 1970 г. был преобразован в Научный совет по комплексным проблемам славяноведения и балканистики (председатель акад. Д. Ф. Марков). В составе ныне действующего Научного совета имеются проблемно-тематические секции: 1. Этногенез славянских и балканских народов; 2. Проблемы формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе; 3. Проблемы истории культуры славянских и балканских народов; 4. Славянские и балканские народы в системе международных отношений; 5. Историография и источниковедение. Научный совет имеет Ленинградское отделение, возглавляемое А. С. Мыльниковым.

В январе 1961 г. по решению Президиума АН СССР в Москве было проведено Всесоюзное координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения, на котором присутствовали около 500 специалистов, представлявших все славистические дисциплины и все существовавшие тогда центры славистики. Участниками совещания являлись сотрудники научно-исследовательских учреждений АН СССР и республиканских академий, профессора и преподаватели вузов, работники архивных учреждений, библиотек и издательств. На совещании было представлено свыше 30 докладов Советского Союза. Участники совещания обсудили состояние славяноведческих исследований в стране, определили основные направления их развития на ближайшее десятилетие, назвали крупные научные проблемы, требующие первоочередного изучения, согласовали формы координации дальнейшей работы, пути межведомственного и междисциплинарного сотрудничества. Всесоюзное совещание рекомендовало усилить разработку следующих важных проблем: социалистические революции и строительство социализма; генезис капитализма, национальные движения и формирование национальных культур; межславянские революционные и культурные связи; славяно-германские отношения [13; 8, с. 7—8]. Эти рекомендации успешно реализовывались на протяжении двух последующих десятилетий, что получило выражение, в частности, в создании специализированных научных коллективов, в тематической переориентировке отдельных исследований.

Аналогичное по задачам, хотя и несколько меньшее по масштабу координационное мероприятие в марте 1978 г. организовал Научный совет по комплексным проблемам славяноведения, проведя в подмосковном Звенигороде научную конференцию «Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований, вопросы координации». Анализ завершенных исследований и обсуждение перспектив дальнейшей работы осуществлялись на пленарных заседаниях конференции в рамках проблемно-тематических секций Научного совета. Были приняты рекомендации о более глубоком, разностороннем и комплексном изучении вопросов этногенеза, формирования наций, истории культуры, международных отношений славянских и балканских народов, а также о дальнейшем разворачивании исследований историографического и источниковедческого характера [14].

Специфика этих координационных мероприятий, проводимых на базе академических учреждений, состоит в том, что они охватывают все дисциплины славистического цикла. Что же касается научной и педагогической деятельности славяноведов, специализирующихся по исторической проблематике, то в ее координации ведущая роль принадлежит общесоюзным конференциям историков-славистов, которые более 20 лет периодически организуются Министерством высшего и среднего специального образования СССР совместно с соответствующими министерствами УССР и БССР. На базе университетов проведено девять таких конференций: в Москве (1962), Киеве (1963), Воронеже (1966), Минске (1968), Харькове (1970), Львове (1973), Черновцах (1975), Донецке (1978) и Ужгороде (1982). X Всесоюзная конференция историков-славистов состоялась в Харькове 30 января — 1 февраля 1985 г. К сожалению, полностью изданы только материалы Минской конференции [15]; об остальных дают представление публикуемые обычно тезисы, а также более или менее подробные отклики на страницах специальных периодических изданий [16].

Всесоюзные конференции охватывают историков-славистов со всей страны, в их программах бывает по несколько сот докладов и сообщений. На пленарных и секционных заседаниях обсуждаются наиболее крупные научные проблемы и важные вопросы, связанные с преподаванием истории южных и западных славян. В постановлениях конференций закрепляются коллективно выработанные мнения, с одной стороны, о тех научных проблемах, которые требуют первоочередной разработки, с другой — о методике вузовского преподавания, подготовке учебных пособий для студентов, повышении уровня преподавательских кадров, об иных, относящихся к этой сфере нуждах высшей школы. Значение всесоюзных конференций особенно велико для специалистов, не имеющих постоянных творческих контактов со своими коллегами по изучению истории зарубежных славян, работающих в отрыве от крупных научных центров. Кроме общесоюзных, проводились также республиканские конференции украинских и белорусских славистов.

Характеристика системы координации была бы неполной без упоминания о весьма многочисленных научных симпозиумах и конференциях, которые проводятся историками-славистами как по академической, так и по миновузовской линии. Следует подчеркнуть также, что наиболее важные мероприятия такого рода проводятся совместно, а остальные, как правило, не замыкаются в ведомственных рамках.

В послевоенном развитии исторической части славяноведения представляется возможным выделить три периода. Во-первых, это вторая половина 40-х годов — короткий этап, который, с одной стороны, неотделим от военного времени и предвоенного периода истории славяноведения, с другой — тесно связан с последующим двадцатилетием, т. е. с 50—60-и годами. В первое послевоенное пятилетие главное внимание было сосредоточено на подготовке новых кадров, на углубленной оценке достигнутых ранее научных результатов и уяснении тех задач, которые необходимо решать в кардинально изменившихся условиях. В это время появились публикации источников — например, «Виподольский статут» Б. Д. Грекова (М. — Л., 1948), «Документы к истории славяноведения в России» В. Р. Лейкиной-Свирской и Л. В. Разумовской (М. — Л., 1948); были изданы индивидуальные работы обобщающего характера — «История Чехии» В. И. Пичеты (М., 1947), 3-й и 4-й тома «Истории Болгарии» Н. С. Державина (М., 1947—1948); вышли в свет «славянские сборники» Института славяноведения и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина [17]. Пожалуй, именно эти издания можно считать наиболее характерными для данного этапа. Характерными были и довольно многочисленные журнальные статьи теоретико-методологического и историографического содержания, подготовленные преимущественно видными учеными старшего поколения, а отчасти их учениками, которые вступали на научное поприще накануне войны или в первые послевоенные годы (в частности: И. М. Белявская, И. А. Воронков, В. Г. Карасев, И. С. Миллер, И. И. Удальцов, У. А. Шустер и др.).

Второй этап — 50-е и 60-е годы — ознаменовался крутым подъемом всего славяноведения, в том числе его исторической части. Говоря об этом периоде, прежде всего следует назвать обобщающие коллективные труды по истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, охватывающие период с древнейших времен до народно-демократических и социалистических революций в этих странах, а то и до 60-х годов текущего столетия [18]. С высоты сегодняшнего дня легко обнаружить в «Историях» недоработки фактологического характера, некоторые неточности в выводах и оценках. Следует, однако, помнить, что речь идет о трудах, которые впервые в историографии давали марксистский синтез исторического процесса соответствующих народов во всем его объеме. «Истории» опирались на уже имевшиеся и проводившиеся параллельно исследования. Вместе с аналогичными по жанру литературоведческими работами [19] они стали исходной базой для многих последующих исследований. Научно-информационное значение «Истории» сохранили до настоящего времени.

Среди научных работ 50—60-х годов по истории южных и западных славян преобладали страноведческие исследования, в которых широко использовались первоисточники, в том числе хранящиеся в зарубежных архивах. По своей тематике и хронологическим рамкам появившиеся книги и статьи так или иначе охватывали почти всю историю Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии. Именно в 50—60-е годы сформировались или вступили на научное поприще почти все те специалисты по истории этих стран, которые заняли видное положение в исторической части славяноведения, стали докторами наук и профессорами, заведовали кафедрами и были деканами факультетов в вузах, руководили секторами или отделами в исследовательских учреждениях или выполняли другие научно-организационные обязанности. В их числе: болгаристы — В. П. Белановский, А. С. Бейлис, М. А. Бирман, Л. Б. Валев, Р. П. Гришина, В. А. Жебокрицкий, В. Д. Конобеев, И. М. Кулинич, Д. Б. Мельцер, Г. Н. Попов, С. И. Сидельников, П. С. Сохань, Н. И. Туривненко, Г. И. Чернявский, В. П. Чорний, Н. Н. Яковлев; полонисты — И. М. Белявская, И. И. Белякевич, И. А. Воронков, П. В. Галенко, Г. Ю. Гербицкий, И. Б. Греков, П. М. Калининко, И. И. Костюшко, В. Д. Корольюк, И. Д. Кундюба, А. Я. Манусевич, Г. И. Марахов, А. Н. Мацко, И. С. Миллер, П. Н. Ольшанский, В. С. Парсаданова, Н. П. Пухлов, Л. В. Разумовская, А. В. Санцевич, А. Ф. Смирнов, С. М. Стецкевич, И. М. Теодорович, Н. Н. Улащик, С. М. Фалькович, В. Т. Фомин, А. Ф. Хацкевич, И. А. Хренов, В. П. Чугаев, У. А. Шустер, И. С. Яжборовская, В. А. Якубский; специалисты по Чехословакии — И. М. Гранчак, И. С. Дзюбко, А. Ф. Кизченко, А. Х. Клеванский, Л. П. Лаптева, В. В. Марьина, И. Н. Мельникова, Г. П. Мурашко, А. С. Мыльников, А. И. Недорезов, Б. Т. Рубцов, Г. Э. Санчук, И. И. Удальцов; специалисты по Югославии — Ю. В. Бромлей, В. К. Волков, И. С. Достяк, В. В. Зеленин, В. Г. Карасев, И. И. Лещинская, А. Е. Москаленко, Е. П. Наумов, Ю. А. Писарев, М. М. Сумарокова, М. М. Фрейденберг, В. И. Фрейдзон, И. В. Чуркина, А. С. Шофман; ученые, занимающиеся межславянскими отношениями или проблемами региона в целом — Г. Г. Литаврин, С. А. Никитин, М. И. Семиряга, Ф. И. Фирсов, Ф. П. Шевченко.

Весьма существенной чертой рассматриваемого этапа было появление крупных, выполненных на высоком уровне, документальных изданий, которые вводили в научный оборот главным образом материалы советских архивов и осуществлялись в большинстве случаев совместно с теми странами, историю которых они освещали. Значительный объем публикаторской работы выполнил Институт славяноведения и балканистики. В 1962 г. им были изданы, в частности, хроники Козьмы Пражского и Лаврентия из Бржезовой, византийский источник «Книга эпарха», в 1963 г. — хроника Гельмгольда, в 1965 г. — «Алексиада» А. Комниной и т. д. [20]. На протяжении 1961—1967 гг. под грифом Института вышел трехтомник «Освобождение Болгарии от турецкого ига»; с 1963 г. выпускается советско-польская серия «Документы и материалы по истории советско-польских

отношений» (ее тома выходят параллельно в СССР и ПНР; вышло уже 11 томов; ведется работа над 12-м, посвященным событиям 1961—1965 гг.). Перечисленные публикации получили положительную оценку в советской и зарубежной историографии; введенные в оборот источники широко используются специалистами в научной и преподавательской работе.

На рубеже 60-х и 70-х годов изучение советскими специалистами истории южных и западных славян вступило в следующий, еще не закончившийся этап своего развития. Он отличается, с одной стороны, продолжением публикации источников, углубленной разработкой изучавшейся ранее и новой проблематики страноведческого характера, с другой — постепенным выдвиганием на первый план комплексных (междисциплинарных и сравнительно-исторических) проблем, которые охватывают историческое прошлое не только зарубежных славян, но и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы [21].

В 1975 г. Институт славяноведения и балканистики издал полный текст «Деяний саксов» Видукинда Корвейского в новом переводе, с вступительной статьей и комментариями Г. Э. Санчука. Источниковая база для специалистов по новой истории пополнилась, в частности, публикацией документов из архива М. Ф. Раевского, посвященных связям зарубежных славян с российской общественностью XIX в. (прежде всего со славянофилами); документы были подготовлены к печати сотрудниками Института славяноведения и балканистики совместно с чехословацкими и югославскими специалистами [22]. XIX веку посвящена вышедшая в 1980 г. первая, а в 1983 г. — вторая книги советско-югославской публикации о Первом сербском восстании [23]. Вышел ряд публикаций по истории народов России и Польши и российско-польских революционных связей в 30—60-х годах XIX в., подготовленных совместно советскими и польскими историками (см. в частности [24]). Для проблематики новейшей истории важны документальные серии по советско-болгарским и советско-чехословацким отношениям, которые подготавливаются совместно с болгарскими и чехословацкими специалистами, а издаются параллельно в Советском Союзе, НРБ и ЧССР [25]. В 1976 г. вышел в свет сборник документов и материалов «Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР». Вместе с серией «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» эти документальные издания создали прочную базу для глубоких и всесторонних исследований по международным отношениям и внутренней истории соответствующих стран.

В 70—80-е годы появилось немало ценных исследований и обобщающих работ страноведческого характера. Тематика их охватывает историю южных и западных славян с древнейших времен до текущих десятилетий XX в. Периоду средневековья посвящены, в частности, работы Ю. В. Бромлея, Л. В. Гориной, И. Б. Грекова, Ю. Ф. Иванова, В. Д. Королюка, Л. П. Лаптевой, Г. Г. Литаврина, Е. С. Маковой, Н. П. Мананчиковой, Е. П. Наумова, А. И. Рогова, Г. Э. Санчука, Б. Н. Флори, М. М. Фрейденберга, В. А. Якубского. История отдельных народов, их культура и взаимосвязи с Россией в XVIII — начале XX в. изучались М. А. Бирманом, И. А. Воронковым, В. Я. Гросулом, И. С. Достян, В. А. Дьяковым, В. И. Злыдневым, В. Г. Карасевым, В. Д. Конобесвым, И. И. Костюшко, М. Н. Кузьминым, И. И. Лещиловской, И. С. Миллером, А. С. Мыльниковым, С. А. Никитиным, А. М. Ореховым, Ю. А. Писаревым, К. А. Поглубко, И. И. Свиридой, А. Ф. Смирновым, С. М. Фалькович, В. И. Фрейдзоном, В. П. Чорпием, И. В. Чуркиной, П. И. Хитровой. Большое и все усиливающееся внимание уделялось новейшей истории — межвоенному двадцатилетию, второй мировой войне, народно-демократическим и социалистическим революциям и строительству социализма в зарубежных славянских странах. В изучение данного периода ощутимый вклад внесли: Л. Б. Валев, В. К. Волков, Л. Я. Гибианский, Ю. С. Геренко, В. В. Зеленин, Ф. Г. Зуев, А. Х. Клеванский, И. И. Костюшко, А. Я. Манусевич, В. В. Марьина, И. Н. Мельникова, Д. Б. Мельцер, Г. П. Мурашко, А. И. Недорезов, В. С. Парсаданова,

Г. Н. Попов, Г. М. Славин, П. С. Сохань, С. М. Стецкевич, М. М. Су-
марокова, Г. И. Чернявский, В. П. Чугаев, И. С. Яжборовская.

Конечно, сказанное характеризует существующее положение лишь в самых общих чертах. Подробное рассмотрение результатов и перспектив научных исследований по истории южных и западных славян в полном их объеме является очень большой и сложной историографической задачей. Для ее решения необходима серия работ, имеющих проблемную, хронологическую или страноведческую ориентацию. Коллективными усилиями такая серия начинает создаваться, о чем свидетельствует ряд уже опубликованных проблемных статей и историографических обзоров [26].

В настоящей работе представляется возможным несколько подробнее остановиться лишь на вопросах, которые касаются всей исторической части славяноведения. Одна из них — историография.

На протяжении первого послевоенного двадцатилетия историографическим исследованиям не придавалось того значения, которого они заслуживают. Спецификой 70—80-х годов является заметное усиление интереса к славяноведческой историографии, появление в данной области ряда серьезных монографий, коллективных трудов и многочисленных статей, весьма разнообразных по содержанию и охватывающих широкий круг проблем, которые связаны с развитием славистических и балканистских исследований как в нашей стране, так и за ее пределами. Из работ, еще не упоминавшихся выше, и целиком или частично посвященных истории зарубежных славян, назовем, в частности, монографии: А. С. Бейлиса о становлении марксистской историографии в Болгарии (Львов, 1970), Л. П. Лаптевой о русской дореволюционной историографии по гусизму (М., 1978), И. С. Достян об отношении к балканским народам русской общественности конца XVIII — начала XIX в. (М., 1980), И. И. Удальцова об освещении чешского национального возрождения в чехословацкой и советской историографии 1950—1980 гг. (М., 1984); библиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России» (М., 1978); а также выпущенные Институтом славяноведения и балканистики сборники статей — два по отечественной и два по зарубежной славистике [27]. Совокупность уже опубликованных работ и то, что имеется немалое число историков-славистов, которые полностью переключились на данную проблематику, или постоянно с ней связаны, позволяет говорить о том, что за последнее время в советском славяноведении сложилось историографическое направление, четко определившее свои задачи и довольно успешно их решающее. Одним из подтверждений этому является выделение специальных историографических секций на VIII, IX и X всесоюзных конференциях историков-славистов.

Наша историческая библиография пока далека от совершенства, но ее славяноведческая часть находится на сравнительно высоком уровне. Это является заслугой небольшой группы высококвалифицированных и инициативных работников. Каждый из специалистов по истории южных и западных славян пользуется книгой И. А. Калоевой, охватывающей славяноведческую литературу 1918—1960 гг., а также периодически выпускаемыми ее продолжениями. Славяноведческой библиографией, особенно ее исторической частью, плодотворно занимаются А. Н. Горяинов, Н. М. Пашаева, а также работники ИНИОН АН СССР, готовящие бюллетени текущей библиографии.

Неоспоримая и важная особенность современного состояния нашей отрасли науки заключается во все более осязаемом увеличении удельного веса обобщающих, сравнительно-исторических и комплексных исследований, рассматривающих историю южных и западных славян во взаимосвязи с восточными славянами, со всеми народами Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт создания коллективных трудов, осуществлявшихся, главным образом, по инициативе Института славяноведения и балканистики, накапливался постепенно. Некоторые из них были созданы на страноведческой основе и в рамках одной дисциплины — истории [28]; другие потребовали объединения специалистов по различным странам, хотя их содержание не выходит за дисциплинарные рамки историче-

ской науки [29]. Задачи сравнительно-исторического плана иногда решаются отдельными исследователями, широко пользующимися результатами работы их коллег, занимающихся другими странами [30]. Если же речь идет о комплексных трудах, которые охватывают различные страны, то возникает необходимость создания авторских коллективов на междисциплинарной основе с включением необходимого круга специалистов страноведческого профиля. Не имея возможности входить в подробности, укажем здесь лишь несколько научных направлений, где комплексные труды играют настолько важную роль, что без знакомства с их содержанием невозможно составить правильного представления о современном состоянии соответствующей области науки.

Во-первых, — это проблемы этногенеза славян и этнического сознания славянских народов, в решении которых, наряду с историками, активно участвуют лингвисты и археологи, фольклористы и искусствоведы. Результаты их исследовательской работы обсуждались на совместных симпозиумах и конференциях, взаимно дополнялись и корректировались. Итоги были подведены, в частности, коллективным трудом «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» (М., 1982). В нем впервые поставлены, а в ряде случаев и решены, важные вопросы этнической истории славянства в целом, а также южных и западных славян.

Во-вторых, — это проблематика, связанная с закономерностями перехода от феодализма к капитализму, формирования наций и становления национальной государственности в Центральной и Юго-Восточной Европе, т. е. с периодом, который мы, зачастую, называем эпохой национального возрождения славянских народов. Важнейшие результаты проведенных исследований публикуются в специальной серии, издаваемой Институтом славяноведения и балканистики. В ней уже вышли в свет коллективные труды о формировании у народов указанного региона национальных культур и литературных языков, о социальной структуре общества, об освободительных движениях в Австрийской империи, о становлении и развитии национальных литератур [31]. Сосредоточение на данном направлении значительных сил и применение комплексных методов исследований позволили добиться весьма ощутимых научных результатов, что признается как советскими, так и зарубежными специалистами [32].

В-третьих, — это изучение народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, их внутреннего развития и международных отношений в период строительства социализма. Сравнительно-исторические и комплексные труды по этой проблематике, в той или иной мере освещают социально-экономические, политические и культурные аспекты исторического развития НРБ, ПНР, ЧССР и СФРЮ [33]. Несмотря на определенное отставание в разработке некоторых теоретических вопросов и недостаточную обеспеченность первоисточниками, заметные успехи достигнуты и на этом чрезвычайно важном научном направлении [34, с. 5—20].

При сопоставлении довоенного этапа развития нашей славистики с послевоенными десятилетиями бросается в глаза расширение и углубление международных связей советских славистов. До Отечественной войны эти связи были спорадическими, охватывали узкий круг ученых и практически не выходили за рамки личных контактов. Послевоенный период ознаменовался в данной сфере не только количественными, но и качественными сдвигами. Возникновение социалистического содружества создало возможность для постоянного, заранее планируемого международного сотрудничества не только в форме обмена научными идеями, но и путем совместной разработки важных научных проблем, подготовки двусторонних и многосторонних изданий исследовательского и публикаторского характера. Существенно выросли и научные связи с неславянскими странами, в том числе капиталистическими.

Видную роль в упрочении научных связей советских историков-славистов с их зарубежными коллегами сыграло активное участие наших ученых в международных съездах славистов и в работе специализирован-

ных комиссий Международного комитета славистов. Соответствующее решение было принято на IV съезде, состоявшемся в Москве в 1958 г. К очередному съезду в Софии (1963) советские ученые подготовили ряд докладов и сообщений по истории зарубежных славян и межславянским историческим связям [35]. На всех последующих съездах — VI (Прага, 1968 г.), VII (Варшава, 1973 г.), VIII (Загреб, Любляна, 1978 г.), IX (Киев, 1983 г.) — выделялись специальные исторические или историко-филологические секции [36]. В их работе, а также в работе международных комиссий — по истории славистики, исследованию славянских культур раннего средневековья, изучению общественной мысли славянских народов — неизменно принимали активное участие советские историки. На киевском съезде, например, выступали с докладами и сообщениями или приняли участие в дискуссиях Ю. В. Бромлей, В. А. Дьяков, В. В. Зеленин, Я. Д. Исаевич, В. Г. Карасев, И. М. Кулинич, Л. П. Лаптева, Г. Г. Литаврин, И. Н. Мельникова, А. С. Мыльников, П. С. Сохань, В. И. Фрейдзон, Ф. П. Шевченко и другие специалисты по истории южных и западных славян [37].

Одна из наиболее плодотворно работающих комиссий при Международном комитете славистов изучает развитие научных дисциплин славистического комплекса, включая его историческую часть. Она почти 20 лет возглавляется академиком Д. Ф. Марковым и объединяет все славянские, а также значительное число неславянских стран. Наряду с организацией научных симпозиумов по своей тематике, Международная комиссия по истории славистики, при активном участии советских ученых, занимается подготовкой серии «Исследования по истории мировой славистики». Уже вышло в свет три сборника, первый из них подготовлен в Советском Союзе и посвящен методологическим вопросам [38].

Связь советских специалистов по истории южных и западных славян с Международным комитетом исторических наук осуществлялась главным образом через Международную комиссию по славяноведению этого комитета. В руководящем органе Комиссии участвовали И. И. Костюшко, С. А. Никитиц, И. А. Хренов. Как на конгрессах Международного комитета исторических наук, так и на симпозиумах Комиссии неоднократно выступали советские специалисты по истории южных и западных славян [39]. Советские историки-слависты вносят значительный вклад в работу Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур [40]; они активно участвуют в деятельности двусторонних комиссий историков СССР — НРБ; СССР — ПНР, СССР — ЧССР, СССР — СФРЮ, а также в международных конференциях и симпозиумах, проводимых по линии Академии наук СССР, республиканских академий, Минвуза и других ведомств [41].

Подводя общие итоги работы историков-славистов за послевоенные десятилетия, пытаясь выявить важнейшие тенденции развития исторической части славяноведения, нельзя ограничиться позитивными моментами, на которых было сосредоточено предшествующее изложение. Негативный опыт также паличествует, и с ним, разумеется, необходимо считаться. Это подтверждается, в частности, следующими соображениями.

Сравнительно-исторические, комплексные исследования безусловно следует развивать. Однако для этого нужны не только добрая воля тех, от кого зависит составление планов, но и соответствующие научные кадры. К сожалению, как вузовская подготовка историков-славистов, так и кандидатские диссертации в большинстве случаев ориентированы на замкнутые в узкодисциплинарных рамках частные темы. К стати сказать, такая ориентация представляется неправильной не только с точки зрения использования молодых специалистов в научных учреждениях, но и с точки зрения их преподавательской работы в высшей или средней школе. Попятно, что перестройка существующей системы дело сложное и долговременное, но думать над этим необходимо, ибо теперешним выпускникам университета и многим получающим кандидатскую степень нередко приходится тратить время и силы на доучивание, а то и переучивание.

Перспективность комплексных и сравнительно-исторических исследований несомненна. Однако едва ли правильно считать, будто это единственное направление, которое может быть рекомендовано на будущее. Во-первых, не всякая важная научная проблема имеет комплексный характер, далеко не всегда сравнительно-исторический подход является единственно правильной дорогой к успеху. Во-вторых, ни в коем случае нельзя забывать и о том, что комплексные и сравнительно-исторические труды опираются на результаты ранее сделанных исследовательских работ, которые преимущественно имеют страноведческий характер, выполняются в рамках только одной славистической дисциплины. Стремление искать комплексность там, где ее нет и не может быть, попытки сравнивать вещи, заведомо несравнимые, может принести науке не меньший вред, чем отказ от обобщений и синтеза. Правильным же является гармоническое взаимодействие между двумя этими тенденциями, при котором конкретные и обобщающие, однодисциплинарные или комплексные исследования тесно связаны между собой и служат опорой друг другу.

Общезвестно значение источников для исторической науки. Между тем иногда раздаются еще высказывания о «второсортности» работы по публикации источников, о необходимости ее свертывания во имя сбережения сил для теоретических или «чисто» исторических исследований. Очевидно, здесь также требуется разумное равновесие и гармония, чтобы теория, слишком высоко воспарив над источниками, не превратилась в пустое теоретизирование.

За сорок лет советские историки-слависты добились весьма впечатляющих успехов в подготовке научных кадров, в создании организационной структуры своей отрасли знания, в развитии и координации научных исследований и в международных научных связях. Реальные результаты изучения истории южных и западных славян выражаются многими сотнями книг и тысячами статей, которые в большинстве случаев положительно оцениваются научной общественностью как в Советском Союзе, так и за его рубежами. Все это не только делает законным чувство гордости в отношении того, что уже достигнуто, но и является реальной базой для преодоления имеющихся недостатков для уверенного движения вперед в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Королюк В. Д., Толстой Н. И., Хренов И. А., Шептунов И. М., Шерлаимова С. А.* Советское славяноведение. Краткий обзор литературы 1945—1963 гг. М., 1963, с. 52—61; *Королюк В. Д.* Советские историко-славистические исследования. — Советское славяноведение, 1967, № 5, с. 37—52; *Историки-слависты СССР.* Библиографический словарь-справочник. М., 1981; *Калоева И. А.* Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1918—1960. М., 1963; Советское славяноведение. Указатель литературы о зарубежных славянских странах. ИНИОН АН СССР.
2. *Дьяков В. А.* О некоторых аспектах развития славистики в 1918—1939 гг. Советское славяноведение, 1981, № 1.
3. *Горяинов А. Н.* Советская славистика 1920—1930-х годов. — В кн.: Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981, с. 5—21; *Горяинов А. Н.* Из новых материалов о ленинградских славистах. — В кн.: Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983, с. 162—183.
4. *Логачев К. И.* Советское славяноведение до середины 1930-х годов. — Советское славяноведение, 1978, № 5.
5. *Королюк В. Д.* Владимир Иванович Пичета. — В кн.: Славяне в эпоху феодализма. М., 1978.
6. Историки-слависты Московского университета. К 40-летию кафедры истории южных и западных славян. М., 1979.
7. Институт славяноведения и балканистики. Двадцать пять лет деятельности Института (1947—1972). М., 1971.
8. Институт славяноведения и балканистики. 1947—1977. (Справочно-информационный обзор.) М., 1977.
9. Указатель материалов, опубликованных в «Кратких сообщениях» Института славяноведения АН СССР. Вып. 1—40. М., 1951—1964. Сост. А. Я. Огнева. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения (КСИС). Вып. 42, 1964, с. 113—127; КСИС. Вып. 41—43. Сост. А. Я. Огнева, прим. 7, с. 101—104; Ученые записки Ин-та славяноведения. Сост. А. Я. Огнева, прим. 7, с. 114—140.

10. Славянское источниковедение. Сб. статей и материалов/Под ред. С. А. Никитина и др. М., 1965.
11. *Белянская И. М., Горина Л. В., Макова Е. С.* Исторические сборники воронежских славистов.— Советское славяноведение, 1967, № 6; *Грачев В. П.* Вопросы истории славян. Вып. III. Воронеж, 1970.— Советское славяноведение, 1972, № 3; *Иванов Ю. Ф.* Вопросы истории славян. Воронеж, 1982.— Советское славяноведение, 1984, № 1.
12. Советское славяноведение. Указатель литературы о зарубежных славянских странах. 1978—1982. Сост. И. А. Калоева, отв. ред. Н. И. Толстой. Вып. 1—7. М., 1982.
13. Актуальные проблемы славяноведения.— КСИС. Вып. 33/34, 1961.
14. *Ненашева З. С.* Всесоюзная научная конференция славистов и балканистов в Звенигороде.— Советское славяноведение, 1978, № 6; Комплексные проблемы истории и культуры Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. М., 1979.
15. Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 31 января — 3 февраля 1968 г. Минск, 1969.
16. *Макова Е. С.* Первое совещание историков-славистов.— КСИС. Вып. 40, 1964; *Воронков И. А., Карасев В. Г.* Второе совещание историков-славистов.— Вопросы истории, 1964, № 1; *Воронков И. А., Карасев В. Г.* Форум советских историков-славистов.— Новая и новейшая история, 1966, № 3; *Гусев В. В., Москаленко А. Е., Сапронова Н. Т.* Третья межвузовская конференция историков-славистов в Воронеже.— Советское славяноведение, 1966, № 4; *Савочкин П. З., Мельцер Д. Б., Четвертая межвузовская конференция историков-славистов.— Советское славяноведение, 1968, № 4; Воронков И. А.* От первой до четвертой межвузовской конференции историков-славистов.— В кн.: Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969, с. 7—10; *Сидельников С. И., Черняевский Г. И.* V межвузовская конференция историков-славистов.— Советское славяноведение, 1970, № 4; *Куттик В. Н.* VI Всесоюзная научная конференция историков-славистов.— Советское славяноведение, 1974, № 3; *Макар Ю. И., Теодорович И. М.* VII Всесоюзная научная конференция историков-славистов.— Советское славяноведение, 1976, № 1; *Пирко В. А., Туртыченко Н. И.* VIII Всесоюзная научная конференция историков-славистов.— Советское славяноведение, 1978, № 5; *Гранчак И. М.* IX Всесоюзная научная конференция историков-славистов.— Советское славяноведение, 1983, № 2; Узловые вопросы советского славяноведения. Тезисы докладов и сообщений IX Всесоюзной научной конференции историков-славистов (21—23 сентября 1982 г.). Ужгород, 1982.
17. Славянский сборник. Образование Сербского, Польского и Чешского государств. Исторические связи славян. М., 1947; Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 гг. М., 1948.
18. История Болгарии. Т. 1—2. М., 1954—1955; История Польши. Т. 1—3. М., 1954—1958; Очерки истории народной Польши. М., 1965; История Чехословакии. Т. 1—3. М., 1956—1960; История Югославии. Т. 1—2. М., 1963.
19. Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв. М., 1959; История польской литературы. Т. 1—2. М., 1968—1969; Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. М., 1963.
20. Ковьма Пражский. Чешская хроника. Перевод и комментарий Г. Э. Санчука. М., 1962; Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. Отв. ред. С. А. Никитин. М., 1962; Византийская книга эпарха (Греческий текст). Вступительная статья, перевод и комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962; Гельмгольд. Славянская хроника. Предисловие, перевод и примечания Л. В. Разумовской. М., 1963; *Комнина А.* Александра. Вступительная статья. Перевод и комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965.
21. *Марков Д. Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. Из опыта изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1983.
22. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40—80-е годы XIX в. Отв. ред. С. А. Никитин, сост. В. Матула, И. В. Чуркина. М., 1975.
23. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. 1. 1804—1807. М., 1980; Кн. 2. 1808—1813 гг. М., 1983.
24. Русско-польские революционные связи. Т. 1—2. М., 1963; Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. М., 1964; Восстание в Литве и Белоруссии. М., 1965; Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг. Киев, 1963; Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг. Киев, 1964; Содружество польского народа в Королевстве Польском. Густав Эренберг и «светокопийцы». Вроцлав, 1978.
25. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 — август 1922; Т. 2. Август 1922 — июнь 1934; Т. 3. Июнь 1934 — март 1939; Т. 4, кн. 1. Март 1939 — декабрь 1943; Т. 4, кн. 2. Декабрь 1943 — май 1945. М., 1973—1983; Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. 1. Ноябрь 1917 — сентябрь 1944; Т. 2. Сентябрь 1944 — декабрь 1958. М., 1976—1981.
26. *Бейлис А. С., Куттик В. Н.* Исследование истории зарубежных славянских стран в Украинской ССР (1946—1971).— Українське слов'язознавство, 1973, № 1, с. 3—36; *Недорезов А. И., Мильников А. С.* Советское славяноведение и балканистика.— В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975,

- с. 212—232; *Гостюшко И. И.* Историко-славистические исследования в СССР (1971—1978).— Советское славяноведение, 1979, № 3, с. 87—95; *Манусевич А. Я., Дьяков В. А., Литаврин Г. Г.* Работы советских славистов и балканистов.— В кн.: Советская историческая наука в 1975—1979 гг. М., 1980, с. 156—171; *Манусевич А. Я., Дьяков В. А., Литаврин Г. Г.* Работы советских славистов и балканистов в 1980—1984 гг.— В кн.: Советская историческая наука в 1980—1984 гг. М., 1985; *Стецкевич С. М., Якубский В. А.* Национально-освободительная борьба славянских народов в период перехода от феодализма к капитализму (Обзор советской историографии 1978—1982 гг.).— Вестник ЛГУ, сер. История, 1983, № 14, вып. 3.
27. Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981; Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984; Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980; Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. М., 1983.
  28. Очерки революционных связей России и Польши. 1815—1917. М., 1976; Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII—60-е годы XIX в. М., 1984.
  29. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918. М., 1977; Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
  30. *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Попытка революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979; *Щербаков Ю. Н.* Искры Великого Октября. Вклад интернационалистов в революционное рабочее движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982; *Зуев Ф. Г.* Социалистическое сотрудничество и разрядка в Европе. Исторический опыт разрядки второй половины 60-х — первой половины 70-х годов. М., 1984; *Марфина В. В.* Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984.
  31. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Национальное возрождение и формирование национальных языков. М., 1978; Освободительные движения народов Австрийской империи. Т. 1—2. М., 1980—1981; Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982; Литературы эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982; Развитие литературы в эпоху формирования наций. Романтизм в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1983.
  32. *Стецкевич С. И., Якубский В. А.* О методологии советских исследований по истории славянских народов.— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 218—219; *Удальцов И. И.* Проблемы освободительного движения Австрийской империи.— Советское славяноведение, 1980, № 4, с. 94—100; *Matula V.* Prínos sovjetskej slavistiky a balkanistiky v komplexnom štúdiu zákonitostí rozvoja narodov strednej a juhovýchodnej Európy v epoche prechodu od feudalizmu ku kapitalizmu.— Historicky časopis, 1983, № 4, s. 614—626.
  33. Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1-е изд. М., 1977; 2-е изд. М., 1982; *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса за национализацию промышленности (из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы). М., 1978.
  34. *Недорезов А. И.* Об изучении в СССР истории социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы.— В кн.: Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
  35. История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. М., 1963; Исторические связи славянских народов. Доклады к V Международному съезду славистов.— КСИС, 1963, № 39.
  36. История, культура и этнография славянских народов. Доклады советской делегации на VI Международном съезде славистов (Прага, 1968). М., 1968; *Грачев В. П.* VI Международный съезд славистов.— Советское славяноведение, 1969, № 1; История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Доклады советской делегации на VII Международном съезде славистов (Варшава, август 1973 г.). М., 1973; *Валев Л. Б., Хитрова Н. И.* Историческая тематика на VII Международном съезде славистов.— Советское славяноведение, 1974, № 4; История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Доклады советской делегации на VIII Международном съезде славистов (Загреб — Люблина, сентябрь 1978 г.). М., 1978; *Робинсон М. А.* Международный комитет славистов: к итогам VIII Международного съезда славистов.— В кн.: Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980.
  37. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Доклады советской делегации на IX Международном съезде славистов (Киев, сентябрь 1983). М., 1983; *Гостюшко И. И.* IX Международный съезд славистов.— Советское славяноведение, 1984, № 2.
  38. Методологические проблемы истории славистики. М., 1978; *Štúdie z dejín svetovej slavistiky do polovice 19. storočia.* Bratislava, 1978; История на славистика от края на XIX и началото на XX в. София, 1981; *Прокофьева Н. А.* Международная

- комиссия по истории славистики.— В кн.: Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980.
39. *С. Н.* Славянская проблематика на XII Международном конгрессе историков в Вене.— Советское славяноведение, 1966, № 1; *Обушенкова Л. А.* Работа Международной комиссии славянских исследований на XIII Конгрессе исторических наук.— Советское славяноведение, 1971, № 1; Доклады советских историков на сессии Ассоциации славистических исследований Международного комитета исторических наук. М., 1973.
40. *Поплыко Д. Ф.* Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы.— В кн.: Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980; *Кузьмин М. Н., Ляткер Я. А.* Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур.— В кн.: Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980.
41. *Дудзинская Е. А.* Международные научные связи советских историков. М., 1978; *Кузьмин М. Н.* Международные связи Института славяноведения и балканистики. В кн.: Институт славяноведения и балканистики. 1947—1977. М., 1977.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Български средновековни градове и крепости. Т. I. Градове и крепости по Дунав и Черно море. Съставители А. Кузев и В. Гюзелев. Варна, 1981, 440 с.

Болгарские средневековые города и крепости. Т. I. Города и крепости Подунавья и Причерноморья

Возрастание интереса к проблемам средневекового города в современной исторической науке оказало заметное влияние на болгарскую медиевистику. В то же время попытки синтетического обобщения накопленного фактического материала рельефно обнажили острый недостаток конкретных исследований, посвященных отдельным городским поселениям в болгарских землях, в особенности, в предосманскую эпоху [1, 2].

Заполнить этот существенный пробел в историографии призвано трехтомное издание «Болгарские средневековые города и крепости», первая книга которого вышла в свет под редакцией А. Кузева и В. Гюзелева. Существенным достоинством коллективного труда болгарских историков и археологов является его региональная структура. Рецензируемый первый том включает исследования о городах и крепостях Подунавья и Причерноморья, второй том будет посвящен городам предгорий Балканского хребта и Фракии, третий — средневековым поселениям западных болгарских земель.

Собранный в первом томе богатый материал охватывает период от раннефеодальной эпохи до последних веков османского ига, что позволяет составителям поставить вопрос о континуитете и традиции в развитии средневекового болгарского города на протяжении всего его исторического бытия. В вошедших в книгу очерках об отдельных городах и крепостях строго выдержан принцип комплексного подхода — с исчерпывающей полнотой привлечены известные современной науке данные письменных и археологических источников, широко использованы све-

дения топонимики, исторической картографии, нумизматики и других вспомогательных исторических дисциплин. Составители тома включили в него работы не только о крупных городских центрах и значительных крепостях дунайского и черноморского побережий, но и о небольших укрепленных пунктах, известных по письменным источникам или обнаруженных путем археологических изысканий. Это особенно важно для исследований по типологии средневековых болгарских городских поселений.

Книгу открывает предисловие В. Гюзелева. Сжато охарактеризовав достижения отечественной и зарубежной науки в изучении средневекового болгарского города, автор останавливается на основных этапах его становления и развития, отмечает его наиболее характерные особенности в сравнении со средневековыми городами других регионов Европы. Выделяя XIII—XIV вв. как период особенно интенсивного развития городской жизни в болгарских землях, В. Гюзелев подчеркивает торгово-ремесленное значение города и его роль как центра сельскохозяйственной округи. В то же время он указывает, что болгарский город этой эпохи был неотъемлемым элементом феодального строя и находился в полном подчинении у государства и отдельных владельцев.

Первый раздел тома («Фортификационная система раннесредневековой Болгарии») состоит из двух частей. Труд Р. Рашиева обобщает результаты многолетних исследований автора по проблеме раннеболгарских земляных укреплений и подводит итоги длительной дискуссии о при-

надлежности и предназначении земляных валов Приднестровья и Подунавья. Д. Овчаров, признанный специалист по раннесредневековой археологии болгарских земель, посвятил свою работу крепостному строительству в VII—XI вв. Проследивая развитие каменного зодчества в Первом Болгарском царстве, автор приходит к закономерному выводу о сочетании элементов, принесенных на Балканы протоболгарами, и византийских традиций. В статье Д. Овчарова ставятся и многие проблемы дискуссионного характера: о сущности континуитета между ранневизантийскими и древнеболгарскими укреплениями, о типах поселений VII—XI вв.

Большинство исследований, вошедших во второй раздел («Дунайские города и крепости»), принадлежит перу А. Кузева. Здесь отражены результаты многолетних исследований автора по истории и археологии средневековых городов болгарского Подунавья. Работы А. Кузева отличает умелое сочетание данных письменных источников и археологического материала, стремление к подробному воссозданию военно-политической истории городов и крепостей. Особенно удалась автору статья о Дристре, где освещается ранее неизвестный эпизод средневекового прошлого этой дунайской твердыни. Предположение А. Кузева, о том, что в 60-е годы XIV в. Дристр стал одной из крупных «феодальных столиц» Второго Болгарского царства, где укрепился в качестве самостоятельного владетеля Тертер — сын добруджанского деспота Добротицы, выглядит убедительным и вписывается в политическую обстановку в болгарских землях второй половины XIV в.

Заслуживают особого упоминания работы А. Кузева о Никополе и Хольвнике Русе и Джурджево. Собравный им разнообразный материал свидетельствует об исключительной военно-стратегической и торговой роли крупных дунайских городов Болгарии. В некоторых случаях это приводило к складыванию в XIII—XIV вв. трансдунайских комплексов, включавших передовые укрепления и таможенные пункты левобережья, переправы через реку и укрепленные городские поселения на правом берегу. К таким комплексам относился и Бдин с возникшим на противоположном берегу в XIV в. поселением Калафат. Автор отмечает, что в отдельных случаях крепости, расположенные друг против друга, носили одно и то же имя [3]. По нашему мнению, в

число трансдунайских комплексов надо включить и Дристр с расположенной ниже по течению крепостью на о. Пакуюл луй Соаре. Возможно, она носила то же название, на что указывают также сведения не об одной, а о двух крепостях Дристра в «Алексиаде» Анны Комнины и в османской хронике Мустафы Али (с. 186, 191).

Особняком среди статей второго раздела тома стоит работа Е. Тодоровой о генуэзских колониях устья Дуная. Исходя из предположения, что часто упоминаемый в источниках, но не локализованный болгарский средневековый город Вичина следует искать в дунайском устье, автор описывает деятельность расположенных здесь генуэзских колоний, приводит богатый фактический материал об их структуре и институтах, рассматривает внешнеторговые связи Вичины, Килии и Ликостома.

Третий раздел («Черноморские города и крепости») включает работы А. Кузева, В. Гюзелева и Б. Димитрова. К числу лучших в книге относятся статьи В. Гюзелева о Несебре, Анхиало и Калиакре. На широком историческом фоне, с доскональным знанием источников, как письменных, так и археологических, исследователь детально освещает политическое, хозяйственное и культурное развитие крупных причерноморских центров. Автор вносит ясность в дискуссионный вопрос о центрах Добруджанского деспотства, аргументированно показывая, что возросшее экономическое и политическое значение Калиакры позволило ей занять место первой столицы деспота Баллика — Карвуны.

Из работ А. Кузева, вошедших в третий раздел тома, следует особо отметить очерк военно-политической истории Варны в VII—XVII вв., впервые в историографии дающий цельное представление об исторической судьбе крупнейшего города болгарского Причерноморья. К важным достижениям автора относятся идентификация средневековой Карвуны с крепостью на месте современного Балчика и локализация Каварны на мысе Чиракман, завершающие длительные споры о местонахождении этих городов. Небольшие очерки посвящены малым черноморским портам и крепостям, таким как: Краinea, Кастрици, Галата, Козьяк и Эмона.

На основе широкого использования письменных источников, а также средневековых карт и портуланов написаны работы Б. Димитрова по истории Созополя,

Агафополя, Скафиды и малых крепостей южного Причерноморья. Среди них выделяются исследования о Созополе и Агафополе, представляющие собой первые в современной болгарской историографии попытки воссоздания цельной картины средневекового прошлого этих важных центров.

Огромный фактический материал, собранный и обобщенный авторами и составителями тома, несомненно, послужит серьезной базой для синтетических трудов, для разработки многих важнейших проблем истории болгарского средневекового города. Прежде всего, следует выделить вопрос о политической роли города во Втором Болгарском царстве, уже обративший на себя внимание исследователей [4]. Приводимый в книге материал по истории Едина, Невбра, Дристра, Карвуны, Калиакры подтверждает правильность мнения, что эксплуатация города как торгово-ремесленного центра и использование его военно-стратегических возможностей наряду с феодальной земельной собственностью составляли основу могущества отдельных владетелей, накануне османского завоевания превративших страну в конгломерат мало связанных между собой феодальных уделов.

Содержащиеся в томе данные о придунайских городах Болгарии в XIII—XIV вв. позволяют заключить, что их развитие определялось двумя главными факторами: пограничным положением с вытекавшими из него особыми военно-стратегическими функциями и активным участием в дунайской и трансдунайской международной торговле. Особое оживление путей через Дунай в XIV в., обусловленное распадом орды Ногая и становлением валашских феодальных государств, стимулировало создание и быстрое развитие на левом берегу болгарских укрепленных поселений, тесно связанных с правобережными городами. Изучение таких комплексов представляется перспективным направлением исследования средневекового болгарского города.

Обширный материал книги дает возможность проследить наличие определенной преемственности между средневековыми центрами Второго Болгарского царства и раннеосманскими городами. Как показывают новейшие исследования, континуитет выражался в восприятии балканским городом XV—XVI вв. ряда общественных институтов, элементов фискально-административной системы и правовых установлений предшествующей эпохи [5]. Придунайские и причерноморские

города, частично сохраняя специфические военно-стратегические функции, продолжали развиваться как торговые центры, важные узлы унаследованной османами сети балканских дорог. Черты преемственности в известной степени обеспечивали сохранение и воспроизводство в XV—XVI вв. некоторых элементов общественно-экономического облика доосманского феодального города. Интересно, что этот континуитет воспринимался и современниками, о чем свидетельствует строительная надпись начала XV в. из Холывника об «обновлении» города при «царе» Баязиде (с. 143).

Книга не лишена и отдельных недостатков. Главный из них мы видим в том, что авторам и составителям не удалось в полной мере унифицировать принципы исследовательского подхода к изучению конкретных городов. Так, если в очерках о Несебре, Калиакре, Анхиало, Варне, Созополе и Агафополе преобладает комплексное освещение всех сторон жизни города, то в очерках о придунайских городах доминирует рассмотрение военно-политической истории в ущерб социально-экономическим и культурным аспектам, а в работе о городах дунайского устья мало внимания уделено их политическому положению. Имеются неоговоренные противоречия в тексте книги — так, В. Гюзелев и А. Кузев по-разному локализуют крепость Тристрия (с. 189, 286, 348); А. Кузев и Д. Овчаров дают различные датировки обновления византийской крепости Дристра (с. 54, 180). В ряде случаев авторы либо вообще не определяют своего отношения к дискуссионным проблемам (Е. Тодорова о локализации Вичины), либо ограничиваются приведением собственного мнения, не говоря об иных точках зрения (А. Кузев о названии крепости на о. Пакуюл луй Соаре). Вызывает возражение печеткий термин «военная крепость», употребляемый Д. Овчаровым для характеристики «аулов» Первого Болгарского царства.

Ценность исторического труда определяется не только уровнем разрешения в нем различных проблем, но и тем, открывает ли он новые перспективные направления исследований, ставит ли перед учеными новые вопросы. В этом отношении, главная цель книги, поставленная во введении: «создать критерий научного и действительно профессионального подхода к изучению средневековых болгарских поселений» — может считаться достигнутой.

Полыянный Д. И.

1. *Гюзелев В.* Проучване на поселищната история на средновековна България (историография, съвременна състояние и задачи).— Археология, 1977, № 3.
2. Средновековният български град. София, 1980.
3. Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб., 1856, с. 240.
4. *Польвянный Д. И.* Феодальные уделы во Втором Болгарском царстве.— В кн.: Проблемы истории античности и средних веков. М., 1979.
5. *Литаверн Г. Г.* О соответствиях между византийскими и османскими формами организации экономики города в XV—XVI вв.— В кн.: Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982.

НОВЫЕ КНИГИ О ЧЕШСКОМ ТЕАТРЕ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Прошло полвека с начала деятельности одного из интересных и значительных в истории чешской художественной культуры театров — «Д-34», широко известного не только в Чехословакии, но и далеко за ее пределами. Театр основал молодой режиссер, поэт, композитор, певец, дирижер, историк и теоретик театра Эмиль Франтишек Буриан (1904—1959). Э. Ф. Буриан, И. Гонзл и И. Фрейка — «тройка отважных», как их часто называют чехословацкие исследователи, стояли у истоков чешского театрального авангардизма, составляющего важный этап чешской театральной культуры XX в.

Посвященные Э. Ф. Буриану, И. Гонзлу и Ф. Фрейке книги [1—4] вышли в серии «Чешский театр», которую с конца 70-х годов издает Театральный институт в Праге. Члены редакционного совета этого наиболее значительного в настоящее время театрального издания в предисловии к первому тому новой серии, сообщили, что наряду со сборниками статей теоретиков чешского театра XIX—XX вв. предполагается издать монографические работы, юбилейные сборники и мемуары.

Сборник статей И. Гонзла (1894—1953), посвященный, в первую очередь, вопросам режиссуры и актерского мастерства, подготовлен его многолетним сотрудником Я. Шокорны, инициатором издания трехтомного собрания его работ.

Если критическим и теоретическим трудам Гонзла должное внимание было уделено в 50-е и 60-е годы, то сборник статей И. Фрейки (1904—1952) вышел лишь через 28 лет после его смерти, что свидетельствует о существовавшей недооценке наследия одного из ведущих деятелей чешского театра, как подчеркивает в опубликованной в этом же сборнике монографической статье «Иржи Фрейка — теоретик» И. Гаек — ведущий чешский

театровед, заведующий Кабинетом истории чешского театра ЧСАН.

Обе книги о Э. Ф. Буриане были подготовлены Б. Србой — автором ряда новаторских работ о деятельности и творчестве младшего представителя чешского авангардизма. Достоинством книги «Э. Ф. Буриан и его программа поэтического театра» является тщательно отобранный, разнородный и многоплановый материал. Читатель имеет возможность познакомиться с литературными и драматургическими основами сценического творчества Буриана, с его статьями и заметками по вопросам сценической музыки, балета, оперы, либретто, танца и многим другим. Буриан был теоретиком и практиком театра, активно работал в различных областях художественной культуры. Он стремился к созданию театра новой общественной ориентации, на сцене которого шли современные обработки классических произведений. Отсюда интерес Буриана к таким вопросам, как взаимоотношения зрительного зала и сцены, театр и народное творчество, сценическое искусство и современность. В театре Э. Ф. Буриан успешно пытался реализовать свое программное представление о театре-поэме, поэтическом театре.

В завершающей главе Б. Србы «Эмиль Франтишек Буриан и его программа поэтического театра» [3, с. 160—199] освещены оригинальность, творческий характер деятельности Буриана, его тесная связь с чешской национальной традицией, а также его место в истории чешской театральной культуры как творца синтетического поэтического театра.

«Поэтический театр Э. Ф. Буриана» — так называется книга Б. Србы, вышедшая в 9-м томе серии трудов брненской Академии искусств имени Яначека в 1983 г. [4]. Автор на высоком профессиональном уровне проанализировал постановки Буриана 1934—1941 гг., обратив особое

внимание на постановки, наиболее отразившие бурианское понимание поэтического театра. Б. Срба использовал огромный и зачастую малодоступный материал — сценарии, партитуры, макеты сценического оформления, зарисовки костюмов, фотодокументацию, программы театра и др., не говоря уже о периодической печати того времени, тщательно им проанализированной.

Творческий метод создателя и режиссера «Д-34» раскрывается прежде всего на примере четырех наиболее интересных и характерных постановок: «Май» К. Г. Махи (1935), «Пробуждение весны» Ф. Ведекинда (1936), «Евгений Онегин» Пушкина (1937) и «Страдания молодого Вертера» Гете (1938).

В центральной главе книги — «Театр как синтез в понимании Буриана» — Б. Срба обращается к истории вопроса, говорит о богатой традиции этой концепции на материале не только чешского, но и европейского театра, подробно останавливается на чешском театральном авангардизме, в первую очередь, на взглядах И. Гонзла и его деятельности по осуществлению программы синтетического театра («Освобожденный театр»). Анализируя программную статью Э. Ф. Буриана «Пражская драматургия» (1937) о сценическом искусстве как искусстве синтетическом, «которое получает право на существование лишь в том случае, когда в нем равноправно развиты все составные части художественного творчества» [4, с. 35], Срба разъясняет, как Э. Ф. Буриан осуществлял свою концепцию на практике в «Д-34». Заклю-

чительные главы книги посвящены проблеме актерского мастерства в довоенном театре Буриана.

В книге, ставшей обстоятельным исследованием важнейших вопросов развития чешского театрального искусства межвоенного периода, подчеркивается значение творческих достижений Буриана не только для его времени, но и для всего дальнейшего развития чешской художественной культуры. Книгу удачно дополняет богатый иллюстративный материал, сопровождаемый подробным объяснительным текстом, и другие документы, в том числе репертуар театра Буриана в 1934—1941 гг.

Значение вышедших в свет книг — как в серии «Чешский театр», так и монографии Б. Србы — в том, что они приближают современному читателю наследие театрального авангарда, способствуют более объективному представлению о богатстве культурного наследия межвоенного периода, о значимости его вклада в общеевропейскую театральную культуру.

Тимова Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jindřich Honzlo režii a herectví. Usp. J. Pokorný. Praha, 1979.
2. Jiří Frejka — režie, jako projev průbojného ducha. Usp. J. Hájek. Praha, 1980.
3. E. F. Burian a jeho program poetického divadla. Usp. B. Srba. Praha, 1981.
4. Srba B. Poetické divadlo E. F. Buriana. Praha, 1983.

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984, 159 с.

Рецензируемая работа Н. Б. Мечковской представляет собой существенный вклад в проблему изучения процессов нормализации и кодификации славянского, в частности, восточнославянского, книжного литературного языка и органично занимает свое место в ряду близких по проблематике работ В. В. Аниченко, А. М. Журавского, Н. И. Толстого, Б. А. Успенского, вышедших в последнее время. Исследование памятников грамматической мысли прошлого — собственно грамматик, азбукоников, филологических трактатов, риторик — направление, получившее широкое распростра-

нение в отечественной и зарубежной славистике. Однако работ, охватывающих корпус определенных грамматических сочинений, не так уже много (см., например, работы Л. С. Ковтун, Б. Унбегауна). В этой связи выход в свет монографии Н. Б. Мечковской оказывается тем более отрадным явлением.

В предисловии автор характеризует пути развития грамматической мысли в ареале Slavia Orthodoxa, начиная с грамматических статей первых веков славянской письменности. Далее в первой главе «Восточнославянская филологическая традиция в XVI—XVII вв.» рассматри-

ваются вопросы языковой ситуации в Московской и Юго-Западной Руси, русско-церковнославянского двуязычия и кризиса церковнославянского языка в XVII столетии. Существенное внимание уделяется месту и роли в славянском мире других сакральных языков — латинского и греческого; в этой связи автору следовало бы отметить территориальную дифференциацию распространения этих языков (латынь в Юго-Западной Руси, греческий — в Москве), как один из важных факторов развития языковых ситуаций в этих лингвистических ареалах.

Второй раздел этой главы посвящен в основном философско-религиозной основе лингвистических взглядов славянских книжников. Автор отмечает неконвенциональность знака в их представлениях о языке и, отсюда, консервативно-реставрационный характер восточнославянской филологической традиции. Принимая тезис автора о фетишизации языка священных книг, трудно все же согласиться с вытекающим отсюда мнением Н. Б. Мечковской о том, что в основе книжных справ лежали религиозный догматизм и стремление укрепить авторитет русского православия и государства. Думается, что причины языковых исправлений значительно сложнее и не исчерпываются действием одних только экстралингвистических факторов (ср., например, типологически очень близкое второму южнославянскому влиянию явление атикизма во II в. н. э. в Греции).

Вторая глава работы посвящена обзору восточнославянских грамматик XVI—XVII вв. Данный обзор должен быть отмечен как существенный вклад в исследуемую автором проблему. Н. Б. Мечковская рассматривает южнославянскую грамматику «Осьм честию слова», оказавшую значительное внимание на восточнославянскую грамматическую мысль, и собственно восточнославянские филологические сочинения — Донат, грамматики Л. Зизания и М. Смотрицкого (последняя, в свою очередь, существенно повлияла на развитие южнославянской филологической традиции в XVIII—XIX вв.), объектом описания в которых является собственно церковнославянский язык. Здесь же описываются уникальная грамматика «еллинославянского» языка (Львов, 1591) и грамматика И. Ужевича (1643), языком-объектом которой является «проста мова» (светский литературный язык Юго-Западной Руси, содержащий значительное число полонизмов, украинизмов, белорусизмов). Спе-

циально рассматривается известное сочинение хорвата Ю. Крижанича, описывающее искусственно созданный им самим общеславянский язык. Подобный последовательный, сжатый, но квалифицированный анализ главных грамматических сочинений исследуемого времени практически впервые осуществляется в нашей литературе и, безусловно, явится важным пособием для историков языка. Отметим некоторые неточности, допущенные автором. Так, представляется неверным мнение Н. Б. Мечковской, что переизданная в Москве в 1648 г. грамматика М. Смотрицкого характеризовалась «относительно небольшими изменениями, которые заключались преимущественно в устраниении некоторых сугубо архаических явлений» (с. 44). Сопоставительный анализ изданий 1619 и 1648 гг. показывает, что это далеко не так. Изменения охватывали все языковые уровни — лексику, морфологию, синтаксис, а также орфографию и акцентуацию, и заключались прежде всего в фиксации литературной нормы Московской Руси, которая подчас существенно отличалась от югозападнорусской нормы. В разделе, посвященном грамматикам греческого и латинского языков в восточнославянской традиции XVI—XVII вв., Н. Б. Мечковская ошибочно указывает, что краткая грамматика И. и С. Лихудов существует в двух списках (1687 и 1691—1692), а пространная — в одном (1705). Известны по меньшей мере 7 списков краткой редакции, 4 — пространной; кроме того, особое место в ряду грамматических сочинений Лихудов занимают сравнительные греко-латинские грамматики, а также греко-славянская грамматика, восходящая к краткой редакции (получила очень широкое распространение в первой трети XVIII в.)

Значительную часть книги занимает глава, посвященная грамматическому строю церковнославянского языка в трактовке ранних восточнославянских грамматик. Автор охватывает огромный по объему материал, связанный с проблемами строения слова, связи производного слова и производного, морфонологии (в грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого), репертуара флексий, состава грамматических категорий, лексико-семантических связей слов, представления грамматической семантики. Собственно, каждой из указанных проблем посвящен особый раздел главы. Заслугой Н. Б. Мечковской является установление зависимости в решении ряда лингвисти-

ческих вопросов] восточнославянскими книжниками от античной и византийской традиции (в частности, от грамматик Дионисия Фракийца, Присциана, Хировоска и др.). Обращение автора к анализу синтаксических разделов грамматик представляется тем более своевременным, что проблемы церковнославянского синтаксиса недостаточно изучены, в то время как стилевая дифференциация церковнославянского языка, особенно отчетливо проявившаяся именно в XVI—XVII вв., основана, очевидно, на употреблении / избегании определенных синтаксических единиц. Безусловной удачей можно считать раздел, посвященный синтаксической синонимии и межъязыковым синтаксическим сопоставлениям.

Вместе с тем, трудно согласиться с мнением автора относительно временной системы церковнославянского глагола. Тезис о том, что совокупная временная парадигма содержала ряд случайных и искусственных форм, что система времени Смотрицкого не отражала реального положения в позднем церковнославянском языке и «простой мове» XVI—XVII вв. (с. 91), не выдерживает критики. Объединение в глагольной парадигме форм старославянского аориста и перфекта («преходящее» и «непредельное» времена), имперфекта и перфекта («мимошедшее» и «препешедшее» времена) впервые отмечается в «Донате» Дмитрия Герасимова и закрепляется в грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого. Совершенно очевидно, что рекомендации Зизания и Смотрицкого органично вошли в активную рецепцию церковнославянского языка. Иначе дело обстоит с введением новых членов глагольной парадигмы в канонические тексты (пассивная рецепция церковнославянского языка). Ср., например, выражения старообрядческих справщиков против произведенной никонианами заме-

ны формы *беаше на был еси* (тропарь в пасхальных часах), которые связаны, очевидно, с фетишизацией языкового знака. В этом смысле показательно замечание справщика Евфимия Чудовского (последняя четверть XVII в.): «Обрешася в тех правленных книгах (...) речения многая оставлена неисправлена, по грамматическому художеству, во временах и лицах, втораго лица глаголы преможайшии — третиим лицом писаны (...)». Речь идет, как мы видим, о несоблюдении некоторыми справщиками рекомендаций Зизания и Смотрицкого, т. е. о сохранении ими парадигмы старославянского глагола, что ведет к недопустимой, по мнению Евфимия, омонимии 2-го и 3-го лица. Приведенное замечание убедительно свидетельствует о том, что предложенные Зизанием и Смотрицким глагольные парадигмы были вполне адекватны литературному языку XVI—XVII вв.

Четвертая глава работы анализирует методы описания грамматического строя языка в восточнославянской филологической традиции, ее методологическую специфику. Автор выделяет как характерные черты методологии описательности, синхроничность, нормативность, классифицирующую направленность, отмечая при этом и существенные внутренние противоречия используемых методов.

Все замечания, высказанные выше, носят маргинальный характер, не затрагивая самого существа исследования. Монография Н. Б. Мечковской вводит в научный оборот много новых данных, ставит и принципиально по-новому решает целый ряд вопросов. Она вызывает несомненный интерес всех славистов, занимающихся разработкой вопросов истории славянских литературных языков.

Страхова О. В.

КОНФЕРЕНЦИЯ АН СССР

17 апреля 1985 г. состоялась научная конференция Академии наук СССР, посвященная 40-летию Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и ПНР. Конференцию открыл директор Института славяноведения и балканистики АН СССР академик Д. Ф. Марков. Руководитель прибывшей на конференцию делегации Польской академии наук, заместитель секретаря I отдела ПАН проф. Б. Ячевский в своем выступлении подчеркнул громадное значение Договора от 21 апреля 1945 г. в жизни польского и советского народов.

Д-р ист. наук В. С. Парсаданова в докладе «40-летие Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и ПНР» отметила, что договор, закрепляя коренной поворот в советско-польских отношениях, происшедший в годы второй мировой войны, явился важным фактором продвижения обеих стран по пути социализма и обеспечения безопасности братских народов. В связи с истечением срока действия этого договора 8 апреля 1965 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР, в котором был учтен опыт советско-польских отношений и изменения в международной обстановке. На основе договора от 8 апреля 1965 г. успешно развивается советско-польское сотрудничество во всех областях жизни. СССР и ПНР решительно отстаивают дело мира и безопасности народов.

Секретарь парткома ПОРП Польской академии наук д-р Е. Пыргала в докладе «40-летие Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве

между Польшей и СССР», подчеркнув значение польско-советского сотрудничества для развития экономики и культуры народной Польши и безопасности польского народа, рассказал о мероприятиях ПОРП и правительства ПНР, направленных на преодоление последствий социально-экономического и политического кризиса начала 80-х годов.

Канд. ист. наук А. Е. Липский в докладе «ПНР в борьбе стран социалистического содружества за мир и безопасность народов» показал усилия социалистических стран в деле сохранения и упрочения мира в Европе и во всем мире и важный вклад ПНР в достижение этой цели.

Вице-директор Института истории науки, просвещения и техники ПАН доц. Е. Рузевич осветил общие проблемы научного сотрудничества между ПНР и СССР. Плодотворное научное сотрудничество, — отметил докладчик, — служит сближению польского и советского народов, укреплению дружбы между ними.

В докладе директора Института славяноведения ПАН доц. М. Басая «Вклад поляков в изучение восточнославянских языков в послевоенное сорокалетие» были рассмотрены работы польских славистов по русскому, украинскому и белорусскому языкам и межславянским языковым связям.

Ст. научн. сотр. Н. А. Чудакова рассказала о советско-польском экономическом сотрудничестве в 1945—1985 гг. На первых порах оно в основном заключалось в помощи Советского Союза Польше. С 50-х по 80-е годы Польша стабильно занимала второе место после ГДР во внешней торговле СССР. К началу 70-х годов

СССР и ПНР стали в полном смысле партнерами в экономическом сотрудничестве. Экономические связи между СССР и ПНР содействуют укреплению двусторонних советско-польских отношений.

В ярком, эмоциональном выступлении «Дружба и научное сотрудничество. Из личного опыта» доц. Института литературных исследований ПАН Я. Камёнкова-Страшакова выразила общее мнение присутствовавших, что научная конференция является в то же время и праздником, ибо это встреча друзей. Она подчеркнула важность развития личных контактов в укреплении дружбы между народами СССР и ПНР. «Мы, польские коммунисты, — заявила в заключение Я. Камёнкова-Страшакова, — будем защищать нашу дружбу

и договор. Это для нас основа независимости и развития».

В докладе д-ра филол. наук В. А. Хорева «Советско-польские литературные связи и литература народной Польши» отмечалось, что опыт советской литературы привлекал и привлекает внимание писателей и критиков в социалистических странах, в том числе и в Польше. Если советская литература проходила путь своего становления в одиночестве, то другие социалистические страны могут опереться на опыт СССР. Советско-польские литературные связи имеют большое значение для литератур обеих стран, для укрепления связей между народами СССР и Польши.

Проконова И. И.

ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА В. И. ПИЧЕТЫ

24—25 октября 1984 г. в Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина состоялись III научные чтения памяти известного историка-слависта, основателя кафедры истории южных и западных славян в МГУ, одного из организаторов Института славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБАН), первого ректора Белорусского университета — академика В. И. Пичеты (1878—1947). В их подготовке приняли участие ИСБАН, кафедра истории южных и западных славян МГУ, Институт истории АН БССР, а также исторический факультет БГУ. Чтения проводятся раз в три года. Первые были приурочены к 100-летию со дня рождения ученого, вторые состоялись в октябре 1981 г. в ИСБАН.

В работе III Пичетинских чтений участвовали около 60 человек, представляющих ведущие научные и учебные центры нашей страны. Треть участников составляли молодые ученые, для которых чтения явились серьезной научной школой.

Конференцию открыл председатель оргкомитета, ректор БГУ академик АН БССР Киселевский Л. И., который отметил, что В. И. Пичета являлся не только выдающимся организатором науки, но и зачинателем марксистских историко-славистических исследований в Советском Союзе.

На пленарном заседании выступили с докладами: д-р ист. наук В. А. Дьяков «Состояние и перспективы исторических исследований по славяноведению и балканистике»; проф. В. Г. Карасев «В. И. Пичета и Московский университет»; проф. Д. Б. Мельцер «В. И. Пичета и Белорусский государственный университет»; канд. ист. наук Г. Э. Санчук «В. И. Пичета и организация Института славяноведения».

На конференции работало пять секций. В первой секции «Научное творчество В. И. Пичеты» (руководитель В. Г. Карасев) было заслушано 9 докладов и сообщений. Л. П. Сушкевич осветил тему «В. И. Пичета и проблемы истории славян в средние века». Сообщение «В. И. Пичета — историк Отечественной войны 1812 года» сделал д-р ист. наук В. А. Дунаевский. О новых материалах о В. И. Пичете рассказал канд. ист. наук А. Н. Горяинов; научному творчеству В. И. Пичеты и задачам изучения белорусской культуры эпохи средневековья и Возрождения было посвящено сообщение канд. ист. наук А. И. Рогова.

На второй секции «Вопросы историографии» (руководитель Г. Э. Санчук) в 15 докладах и сообщениях обсуждались проблемы отечественной и зарубежной историографии. С докладом «Особенности

формирования раннефеодальных государств и народностей у южных славян» выступил д-р ист. наук Г. Г. Литаврин. Д-р ист. наук И. И. Лециловская раскрыла основные проблемы формирования национальных культур славянских народов в новейших советских исследованиях. Канд. ист. наук Д. Ф. Поплыко рассказала о проблемах развития общественной мысли южных славян XIX в. в советской историографии. Канд. ист. наук М. В. Дмитриев проанализировал восточнославянские корни реформационных движений второй половины XVI в., канд. ист. наук А. В. Крапивин — новейшие исследования об образовании Болгарского земледельческого народного союза, канд. ист. наук Г. Ф. Матвеев — работы историков ПНР по проблеме аграризма в 30-е годы. Анализ отечественной и зарубежной литературы по различным проблемам средневековой Чехии стал темой сообщений Г. Э. Санчука, Г. П. Мельникова и Е. Д. Смирновой.

Проблемы всеобщей истории обсуждались в третьей секции (руководитель — проф. Л. М. Шнеерсон). Здесь было заслушано 9 докладов и сообщений.

На четвертой секции, посвященной отечественной истории (руководитель — канд. ист. наук И. И. Литвиновский), было заслушано 8 сообщений.

Вопросы истории Белорусской ССР рассматривались в пятой секции (руководитель — проф. И. А. Царюк). А. П. Игнатенко прочитал доклад об участии на-

селения Белоруссии в борьбе против татаро-монгольского нашествия. В. С. Костылев выступил с сообщением «Русские „курения“ и „золотый“ на территории Белоруссии», а А. Н. Ваганова остановилась на хронологии различных типов феодальных замков. Несколько докладов и сообщений было сделано по истории Белоруссии в 20—30-е годы. В. Н. Сидорцов рассказал об упрочении и совершенствовании структуры государственных органов БССР (1921—1941); Е. Ф. Санчук — о выступлениях трудящихся БССР против угрозы войны в связи с ультиматумом Керзона. А. И. Кожушков сделал сообщение «К вопросу о „дне рождения“ Белорусского университета». Советско-болгарскому сотрудничеству, а также производственным связям коллективов промышленных предприятий Могилевской области и Габровского округа НРБ посвятили свои выступления Р. Сечкова и Н. А. Царюк.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций. Следующие, IV Пичетинские чтения будут проведены в 1988 г. на базе кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета.

Участники чтений выразили сердечную благодарность ректорату, декану и преподавателям исторического факультета БГУ за хорошую организацию чтений.

Крапивин А. В.

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ КАЛИНИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

К числу университетских кафедр страны, ведущих научные исследования по славянской тематике, в последние годы присоединился небольшой коллектив медиевистов Калининского университета. На кафедре истории древнего мира и средних веков, созданной в 1978 г., работают 5 сотрудников и 1 аспирант.

Основные направления научных интересов славистов, а их четверо, можно определить так: история социальных

структур, политико-административной организации и духовной жизни средневековых городов Далмации. С этой тематикой тесно связано и имеющее большие традиции изучение истории далматинской деревни, находящейся в сфере воздействия города [1].

Проф. М. М. Фрейденберг (заведующий кафедрой) разрабатывает вопросы происхождения и эволюции городских сословий, их корпоративных организа-

ций [2]. Ряд его работ последних лет посвящен теоретическим и методологическим вопросам истории далматинского города периода развитого средневековья [3]. В круг научных интересов М. М. Фрейденберга входит проблема взаимоотношения города с ближней и дальней сельской периферией, исследование связей России и Черногории в XVIII в., изучение творчества далматинских поэтов [4].

Кандидатская диссертация И. Г. Воробьевой «Социально-политическая структура далматинских городов под властью Венеции в XVI — XVII вв.», защищенная в ЛГУ в 1983 г., явилась итогом исследования документов венецианского делопроизводства — инструкций и отчетов представителей центральной администрации в Далмации. Результаты анализа политической и демографической ситуаций, эволюции венецианского административного аппарата и его отдельных звеньев (князья, синдики, генеральные проведиторы), особенностей социальных отношений в городах и воздействия на них Венецианской республики нашли отражение в опубликованных И. Г. Воробьевой статьях и докладах на ряде всесоюзных конференций [5].

Канд. ист. наук А. В. Чернышов также сосредоточил свое внимание на изучении административно-политической истории городов, но значительно более раннего времени (X—XIII вв.) [6]. Его кандидатская диссертация «Коммунальный строй далматинских городов XIII—XIV вв. (теория и практика коммунального режима)» (МОПИ, 1984) представляет собой удачную попытку решения в комплексе таких проблем, как генезис коммуны и ее административная структура, социальные аспекты коммунального режима, отношения индивида и власти.

Тема кандидатской диссертации аспирантки Н. А. Лучининой — «Дубровник и Россия в XVIII веке». Отношения балканских государств с Россией впервые становятся предметом исследования калининских медиевистов. Перспективность этого направления, на наш взгляд, не нуждается в специальной аргументации.

Несколько характерных черт отличают научную деятельность коллектива: во-первых, изучение становления и развития государственных или политико-административных институтов, позволяющее заполнить определенные пробелы в историографии; во-вторых, стремление к оценке работ коллег-историков, как

отечественных, так и зарубежных, работающих в области средневековой славистики (см. рецензии и обзоры [7]).

Отметим интерес к комплексным проблемам общепалканского масштаба. Не случайно республиканский Головной совет по истории поручил Калининскому государственному университету издание межвузовских тематических сборников. К настоящему времени вышло 4 выпуска: «Хозяйство и общество на Балканах в средние века» (1978), «Общество и государство на Балканах в средние века» (1980), «Общественное сознание на Балканах в средние века» (1982), «Демографические процессы на Балканах в средние века» (1984). В этих изданиях опубликовано 40 статей, обзоров и рецензий ученых Москвы, Ленинграда, Волгограда, Краснодара, Красноярска, Свердловска, Еревана, Воронежа, Махачкалы, Калининна, Солнечногорска, Иванова, Калининграда. Выход сборников в свет был встречен благожелательными откликами и серьезными рецензиями (всего — 13 публикаций) [8]. Критика отметила, что сборники явились средством объединения сил балканистов, работающих на местах и принадлежащих к разным школам и научным направлениям. В должной мере были оценены компетентность и чувство ответственности, с которой готовились издания, а также глубокое знание новейшей литературы и стремление к историографическим характеристикам. Калининские сборники, по мнению рецензентов, «показатель общего состояния и направления в развитии балканистики и славяноведения» в нашей стране [9]. В настоящее время подготовлен к выпуску сборник «Общество и культура на Балканах»; собираются материалы для новой публикации — о научной деятельности русского слависта П. А. Ровинского.

Важной частью своей научной деятельности кафедра считает перевод и публикацию исторических источников по истории южных славян. М. М. Фрейденберг в 1972 г. опубликовал неизвестный ранее далматинский судебник XV в. «Вранский законник»; В. Г. Благонядиным и группой студентов исторического факультета КГУ осуществлен перевод сочинения итальянца Филиппа де Диверспса «Описание Дубровника». В связи с подготовкой по поручению Министерства высшего и среднего специального образования СССР «Хрестоматии по истории южных и западных славян» коллектив ведет работу над прог.

пяммой публикации в ней исторических документов.

В 1984 г. издательство «Наука» выпустило в свет монографию М. М. Фрейденберга «Дубровник и Османская империя». Это первая книга на данную тему на русском языке.

Заметно участие коллектива в работе всесоюзных конференций как по истории славян (Донецк, 1978; Ужгород, 1982), так и по проблемам истории феодализма Западной Европы (Саратов, 1978; Ижевск, 1979; ЛГУ, 1980; МГУ, 1982 и др.). Кафедра стала инициатором проведения коллоквиумов по проблемам средневекового города: в 1978 г. — «Раннесредневековый город», в 1979 г. — «Церковь в структуре средневекового города», в 1981 г. — «Образ города в сознании людей средневековья». На коллоквиумах, в частности, обсуждались сообщения и по славянской тематике — В. Л. Янина, Г. Г. Литаврина, Ю. А. Алексеева, Г. П. Мельникова, Д. И. Польшинного, И. И. Попа. Научная общественность оценила работу коллоквиумов как интересную форму общения медиевистов, специализирующихся по различным регионам [10].

Поддерживаются тесные контакты с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. В коллективную монографию о раннесредневековых государствах на Балканах представлена глава «Города-коммуны адриатического побережья (VII — середина XIII вв.)», авторы — А. В. Чернышов и М. М. Фрейденберг.

В учебном процессе кафедра обеспечивает чтение общих курсов по средневековой истории Западной Европы, Южных и западных славян, стран Азии и Африки; по истории древнего мира, первобытного общества, этнографии, исторической географии. Преподаватели читают также специальные курсы и руководят работой спецсеминаров, тематика которых тесно связана с их научными интересами. Отметим в этом плане спецкурс М. М. Фрейденберга «Балканская деревня и город в X—XVIII вв.». На основе спецкурсов изданы пособия для студентов исторического факультета [11].

Проблематика спецсеминаров получает естественное продолжение в дипломных работах студентов. Некоторые из них могут быть без оговорок названы настоящими научными исследованиями и оформляются в дальнейшем в виде статей или становятся составными частями кандидатских диссертаций. В межвузов-

ском сборнике были опубликованы статьи 7 студентов.

При кафедре работает научный семинар (8—10 заседаний в год), на котором обсуждаются доклады сотрудников, сообщения приглашенных ученых из Москвы, Ленинграда, Устинова, Риги и других городов. В работе семинара принимают участие сотрудники смежных кафедр и студенты исторического факультета.

В центре внимания коллектива постоянно находится языковая подготовка студентов и молодых сотрудников. Преподавание сербско-хорватского и болгарского языков на протяжении ряда лет вели В. Г. Благопадеждин и канд. филол. наук Н. А. Павина, латинского языка на историческом факультете — канд. ист. наук И. П. Портнягина и канд. ист. наук А. В. Чернышов.

Подготовка научной молодежи в условиях периферийного вуза всегда затруднена из-за недостатка специальной научной литературы. Кафедра пытается преодолеть эту трудность с помощью книгообмена с научными центрами Болгарии и Югославии. Личные и кафедральная библиотеки пополняются за счет периодических и серийных изданий, выходящих в Загребе, Белграде, Софии, Задаре, Сплите, Дубровнике, Которе. Особую ценность представляют публикации архивных документов в таких сериях, как «Starine» и «Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium».

Воробьева И. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейденберг М. М. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XIV вв. Калинин, 1972.
2. Фрейденберг М. М. Патрициат далматинских городов XII—XIV вв. (По данным Задара и Трогира). — В кн.: Славянские исследования. Л., 1966, с. 10—62; Фрейденберг М. М. «Populares» средневекового далматинского города. — Уч. зап. Калининского пед. ин-та, Калинин, 1971, вып. 62, с. 69—97. Фрейденберг М. М. Корпорации ремесленников в средневековом далматинском городе. — В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974, вып. 1, с. 29—44.
3. Фрейденберг М. М. Городская община X—XI вв. в Далмации и ее античный аналог. — Etudes balkaniques, 1977, № 2, с. 114—119; Фрейденберг М. М. Монастырь в структуре средневекового далматинского города. — В кн.: Общество и государство на Бал-

- канах в средние века. Калинин, 1980, с. 65—97; *Фрейденберг М. М.* Средневековые города Далмации: Исторические судьбы.— Вопросы истории, 1982, № 10, с. 95—107.
4. *Фрейденберг М. М.* Город и влады в Далмации XIV—XVI вв.— В кн.: Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 198—213; *Фрейденберг М. М.* Степан Малый из Черногории.— Вопросы истории, 1975, с. 118—132; *Фрейденберг М. М.* Марин Држич, комедиограф из Дубровника.— Советское славяноведение, 1982, № 3, с. 103—112.
5. *Воробьева И. Г.* К вопросу о городском населении в Далмации в XVI—XVII вв.— В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978, с. 110—123; *Фрейденберг М. М.* Павел Андрейс и его «История города Трогира».— В кн.: Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982, с. 113—131; *Воробьева И. Г.*, *Фрейденберг М. М.* О социальных переменах в Далмации в XV в.— В кн.: Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1982, с. 66—77.
6. *Чернышов А. В.* Коллегиальные органы в системе самоуправления средневековых коммун Далмации (XIV—начало XV вв.).— В кн.: Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980, с. 128—148; *Чернышов А. В.* Сплитская легенда о Домнии и Анастасии и политическая реальность далматинского средневековья.— В кн.: Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1980, с. 131—155.
7. *Воробьева И. Г.* Новые материалы по средневековой истории Шибеника,— В кн.: Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980, с. 165—169; *Воробьева И. Г.* Новые источники по истории средневековой торговли в Далмации.— Вопросы истории, 1981, № 4, с. 160—161; *Воробьева И. Г.* S. Peričić. Dalmacija uoci pada Mletacke republike. Zagreb, 1980.— Вопросы истории, 1983, № 1, с. 169—171; *Чернышов А. В.* Ремесло в средневековом Дубровнике.— Вопросы истории, 1981, № 6; *Фрейденберг М. М.* А. П. Бажов. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII века. М., 1982.— Новая и новейшая история, 1984, № 2, с. 206—208.
8. *Матанов Х.*— Etudes balkaniques, 1979, № 4, 1983, № 2; *Смилянич Ф.* Zadarska revija, 1979, № 4; *Иванова Ю. В.*— Советское славяноведение, 1980, № 3; *Гросман Ю. М.*— Вопросы истории, 1982, № 12; *Полевой Л. Л.* Советское славяноведение, 1982, № 1; *Grothusen K. D.*— Süd Ostforschungen, 1981, Bd. 40; *V. K.*— Historický časopis, 1982, № 30; *Mihail Z.*— Revue des etudes Sud-Est européennes. Bucarest, 1984, t. XXII, № 1; *Peričić S.*— Zadarska revija, 1984, № 3—4.
9. *Грозданова Е.*— Векове, София, 1981, № 4, с. 104—108.
10. *Варьяш О. И.* Коллоквиум медиевистов.— Вопросы истории, 1979, № 12; 1980, № 11; *Фрейденберг М. М.* Обсуждение проблем раннесредневекового города.— Средние века. М., 1979, вып. 43.
11. *Фрейденберг М. М.*, *Чернышов А. В.* Коммунальный строй далматинских городов XII—XIV вв. Калинин, 1983; *Фрейденберг М. М.* Крестьянство на Балканах в XII—XVIII вв. Калинин, 1984.

CONTENTS

<p><i>Sereda V. T.</i> The conception of humanism in the literature of European socialist countries (1960s and '70s). <i>Khromov S. S., Kostjuško I. I.</i> The links between the Russian and German working-class movements (in the period before 1914). <i>Tarasov O. Ju.</i> The Polish-Rumanian alliance in the East European policy of A. Millerand (january to september 1920). <i>Bilek J.</i> (Czechoslovakia). H. J. Mejsnar's contributions to the development of Czech-Russian literary links. <i>Gudimova S. A.</i> Characteristic features in the Polish musical culture of 1850s. <i>Murjanov M. F.</i> Menologijum as a genre of the mediaeval book. <i>Orel V. E.</i> On the origin of a Slavic shelter-name . . . . .</p>	3
--	---

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<p><i>Djakov V. A.</i> Slavic studies of Soviet historians in 1945—1984 . . . . .</p>	85
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Polyvjannyj D. I.</i> Български средновековни градове и крепости. Т. I. Градове и крепости по Дунав и Черно море. <i>Titova L.</i> Новые книги о чешском театре межвоенного периода. <i>Strakhova O. V.</i> Н. Б. Мечковская. Ранние восточно-славянские грамматики . . . . .</p>	99
---	----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>Prekopova I. I.</i> A conference at the Academy of Sciences of the USSR. <i>Krapivin A. V.</i> Conference in memoriam academician V. I. Pičeta. <i>Vorobjeva I. G.</i> Slavistics at the chair of ancient and mediaeval history of the Kalinin University . . . . .</p>	106
---	-----

Технический редактор *Е. В. Силицына*

Сдано в набор 11.06.85	Подписано к печати 06.08.85	Т-16714	Формат бумаги 70×108 ² / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отт. 11,8 тыс.	Уч.-изд. л. 11,3
	Тираж 1159 экз.	Зак. 1483	Бум. л. 3,5

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891

И

70891
ТОЛСТОМУ И
В ОРУДИИ 34/33-40
#-17